

«Роскошная,
опасная книга.
Настоящий черный
бриллиант».

Ли Бардуго,
автор романа
«Шестерка воронов»

ЖЕСТОКИЙ ПРИНЦ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*
ХОЛЛИ БЛЭК

Annotation

Джуд ненавидит фейри и одновременно преклоняется перед ними. Когда ей было семь, ее родителей хладнокровно убили. Девушку воспитали фейри. Она выросла при дворе одного из самых могущественных и жестоких генералов армии Верховного короля фейри. У него она научилась превосходно владеть мечом. Но чтобы избежать постоянных насмешек со стороны волшебных обитателей страны, которые презирают людей, ей нужно гораздо больше. Джуд нужна власть. Но для этого придется сразиться с Карданом, самым вероломным и коварным принцем Фейриленда.

От автора международных бестселлеров New York Times и обладательницы множества литературных наград Холли Блэк. Одна из самых ожидаемых книг 2018 года! Великолепная новая серия о смертной девушке, оказавшейся в водовороте придворных интриг фейри.

Редакция Closed Book

- [ЖЕСТОКИЙ ПРИНЦ](#)
- [КНИГА 1](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)

- [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [КНИГА 2](#)
 -
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
-

ЖЕСТОКИЙ ПРИНЦ

Кассандре Клэр,

*которую мне удалось наконец-таки заманить
в Фейриленд*

КНИГА 1

*Детям фейри не нужны
Ни рубашки, ни штаны,
Ни камин, и ни еда,
Все, что надо, есть всегда.
Звон в кармане золотой,
В семь годков уже с женой.
И в хозяйстве тож порядок —
Пони есть, овец с десятков.
И у каждого свой дом
Из гранита с кирпичом.
Вишен съел, побегал всласть —
Вот бы мне туда попасть!*

Роберт Грейвз «Хочу я быть ребенком фейри»

ПРОЛОГ

Сонным воскресным днем некий мужчина в длинном черном одеянии остановился в нерешительности перед одним из домов на обсаженной деревьями улице. Он не припарковался на своей машине и не приехал на такси. Никто из соседей не видел его идущим по тротуару. Незнакомец просто появился, словно ступил из одной тени в другую.

Подойдя к двери, мужчина поднял руку, намереваясь постучать.

Джуд сидела на коврикe в гостиной и ела сыроватые, только что из микроволновки рыбные палочки, возя их по бурой лужице кетчупа. Ее сестра-двойняшка, Тарин, дремала на одной половине софы, завернувшись в одеяло и сунув большой палец в испачканный фруктовым соком рот. Расположившаяся на другой половине софы их старшая сестра, Вивьен, смотрела телевизор, не отрывая глаз с жутковато расколотыми зрачками от мультяшной мышки, убегавшей от мультяшной кошки. В те драматические моменты, когда мышка, казалось, вот-вот будет съедена, девочка смеялась.

Виви была не такой, как другие старшие сестры, но и семилетние близняшки, Джуд и Тарин, обе с одинаковыми растрепанными каштановыми волосами и вылепленными сердечком личиками, тоже были непохожи на прочих. Глаза Виви и кончики ушей с легким пушком представлялись Джуд не более странными, чем то, что она сама являла собой зеркальное отражение кого-то другого.

И если порой она замечала, что соседские дети сторонятся Виви, а их родители говорят о ней негромкими, обеспокоенными голосами, то не придавала этому особого значения. Взрослые всегда чем-то обеспокоены и всегда о чем-то шепчутся.

Тарин зевнула и потянулась, прижавшись щекой к коленке Виви.

За окном ярко, обжигая асфальт подъездных дорожек, светило солнце. Тут и там жужжали газонокосилки, и дети плескались в бассейнах на задних дворах. Папа работал в пристройке, где у него была кузница. Мама в кухне готовила гамбургеры. Все как всегда — скучно. Все хорошо.

Когда в дверь постучали, Джуд сразу вскочила и бросилась открывать. Вдруг кто-то из девочек с другой стороны улицы хочет поиграть в видеоигры или пригласит ее покататься?

Стоявший на придверном коврикe высокий незнакомец пристально посмотрел на нее сверху вниз. Несмотря на жару, на нем был коричневый кожаный пыльник и украшенные серебром сапоги, и, когда он переступил

через порог, они глухо звякнули. Джуд подняла голову, взглянула на скрытое тенью лицо и поежилась.

— Мама, — крикнула она. — М-а-а-а-а-а-а-м. К нам пришли.

Мать вышла из кухни, вытирая ладони о джинсы. Увидев гостя, она побледнела и испуганным голосом бросила дочери:

— Иди в свою комнату. Живо!

— Это чей ребенок? — спросил, указав на Джуд, мужчина в плаще. В голосе его прозвучал странный акцент. — Твой? Его?

— Ничей. — Женщина даже не взглянула девочке вслед. — Она ничейный ребенок.

Это было неправда. Джуд и Тарин точь-в-точь походили на отца. Так говорили все. Джуд сделала несколько шагов в сторону лестницы, но идти одной в комнату ей не хотелось. «Виви, — подумала она. — Виви знает, кто этот высокий человек. И Виви всегда знает, что делать».

Но заставить себя пройти дальше она как будто не смогла.

— Я видел много невозможного, — молвил незнакомец. — Видел желудь прежде дуба. Видел искру прежде пламени. Но вот такого не видел никогда: живую покойницу. Рожденного из ничего ребенка.

Мама замешкалась, словно не находя слов. Тело ее вибрировало от напряжения. Джуд хотела взять ее за руку и пожать, но не осмелилась.

— Я не поверил Балекину, когда он сказал, что тебя можно найти здесь, — продолжал незванный гость смягчившимся голосом. — Кости смертной женщины и ее нерожденного ребенка на пепелище моих владений выглядели весьма убедительно. Знаешь ли ты, каково это, вернуться после битвы и обнаружить, что твоя жена мертва, как и твоя единственная наследница? Что твоя жизнь обратилась в пепел?

Мама покачала головой, но не так, как если бы отвечала ему, а так, как если бы пыталась отогнать произнесенные слова.

Он шагнул к ней, и она отступила на шаг. Что-то было не в порядке с его ногой, и двигался он неловко, как будто ему мешала боль. Свет в прихожей падал иначе, и Джуд заметила странный зеленоватый оттенок его кожи, а еще обратила внимание на нижнюю губу, казавшуюся слишком большой для рта.

Увидела она также, что глаза у чужака такие же, как у Виви.

— Я никогда бы не была счастлива с тобой, — сказала мама. — Твой мир не для людей вроде меня.

Гость долго смотрел на нее и наконец сказал:

— Ты принесла клятву.

Она вскинула голову.

— А потом от нее отказалась.

Его взгляд переместился на Джуд, и его лицо словно окаменело.

— Чего стоит обещание смертной жены? Думаю, ответ у меня есть.

Обернувшись, мама, к немалому своему удивлению, обнаружила, что Джуд еще здесь. Этого взгляда хватило, чтобы девочка сорвалась с места и метнулась в гостиную.

Тарин еще спала. Телевизор работал. Вивьен подняла свои кошачьи глаза под полуопущенными веками.

— Кто там у двери? Я слышала какой-то спор.

— Кто-то... страшный... — Джуд запыхалась и даже слышала, как колотится сердце, хотя и пробежала-то всего ничего. Мама велела ей идти в комнату, но сидеть там в одиночестве девочка не собиралась. — Нам сказали подняться наверх. — Вивьен со вздохом поднялась с софы и потрясла Тарин. Та, еще и не проснувшись толком, потащила за сестрами. Они уже повернули к застеленным ковровой дорожкой ступенькам, когда Джуд увидела вошедшего с заднего двора отца. В руке он нес топор, который сам же и выковал в кузнице, взяв за образец тот, что видел в историческом музее в Исландии. Видеть отца с топором ей было не впервой. Он и его друзья увлекались старинным оружием и часто и подолгу говорили о «материальной культуре» и обменивались идеями создания разных фантастических клинков. Непривычным, пожалуй, было то, как он держал оружие... будто намеревался...

Отец замахнулся топором на незнакомца...

Никогда он не поднимал руку на Джуд и ее сестер, чтобы наказать их, даже когда девочки попадали в большие переделки. Никогда никого не обидел. Не такой был человек.

И однако ж... однако ж...

Пролетев мимо высокого незнакомца, топор впился в деревянную отделку двери.

Чудной, пронзительный вопль вырвался у Тарин, которая тут же захлопнула рот ладошками.

Незнакомец выхватил из-под кожаного плаща кривой клинок. Меч как в книжке. Папа еще пытался вырвать застрявший в дверной раме топор, когда человек в плаще вонзил клинок ему в живот и дернул вверх. Джуд услышала звук, как будто ломаются палочки, и звериный крик. Папа рухнул на ковер. Тот самый ковер, за который сестры, стоило лишь ступить на него грязными ногами, получали нагоняй.

Ковер окрашивался красным.

Мама закричала. Джуд закричала. Тарин и Вивьен закричали.

Закричали все, кроме высокого незнакомца.

— Иди сюда. — Он посмотрел на Вивьен.

— Ты... чудовище, — крикнула их мать, поворачиваясь к кухне. — Он мертв!

— Не убегай от меня. Только не после того, что ты сделала. Убежишь еще раз, и, клянусь, я...

Но она все равно побежала. И уже почти скрылась за углом, когда клинок ударил ее в спину. Падая на линолеум, мать раскинула руки, смахнув магнитики с холодильника.

Запах свежей крови повис в воздухе, словно тяжелый, влажный и горячий металл. Как те скребки, которыми мама оттирала пригоревшие на сковородке кусочки.

Джуд налетела на незнакомца, колотя его кулачками в грудь, пиная по ногам. Она даже не испугалась. Может, вообще ничего не почувствовала.

Вот только чужак ее как будто и не заметил. Какое-то время он просто стоял, словно и сам не мог поверить в содеянное. Словно, будь на то его воля, вернул бы все назад на последние пять минут. Потом он опустился на колено, схватил Джуд за плечи, так что она не могла уже бить его, но при этом даже не посмотрел на нее.

Взгляд его остановился на Вивьен.

— Тебя украли у меня. Я пришел забрать тебя в твой настоящий дом, в Эльфхейм под холмом. Там ты будешь богата. Безмерно богата. Там ты будешь со своим народом, с такими же, как ты.

— Нет, — угрюмо ответила Виви. — Я никогда и никуда с тобой не пойду.

— Я твой отец. — Его грубый, режущий голос взлетел, как хлыст. — Ты — моя наследница, и ты будешь послушна мне в этом, как и во всем прочем.

Она не двинулась с места и только стиснула зубы.

— Ты не ее отец, — крикнула Джуд. И пусть глаза у него были такие же, как у Виви, она не позволила себе поверить в сказанное им. Он крепче сжал ее плечи, и Джуд тихонько пискнула, но дерзких глаз не отвела. В игре в гляделки победить ее получалось у немногих.

Он первым отвел глаза и повернулся к Тарин. Стоя на коленях, всхлипывая, девочка трясла и трясла маму, как будто пыталась разбудить ее. Но мама не шевелилась. Мама и папа умерли и никогда уже не встанут.

— Ненавижу тебя, — со злостью, порадовавшей Джуд, заявила Виви. — И всегда буду ненавидеть. Клянусь.

Ничто не дрогнуло в окаменевшем лице незнакомца.

— Тем не менее ты пойдешь со мной. Приготовь этих худосочных малышей. Возьми необходимое. Мы выедем дотемна.

Вивьен вскинула подбородок.

— Оставь их. Если уж так нужно, возьми меня, но не их.

Он пристально посмотрел на нее и фыркнул.

— Бережешь сестричек от меня, да? Тогда скажи, куда ты их отправишь?

Вивьен не ответила. Дедушек и бабушек у них не было, как и вообще никаких родственников. По крайней мере они никого не знали.

Он снова взглянул на Джуд, отпустил ее плечи и поднялся.

— Они — отпрыски моей жены, а значит, и отвечать за них мне. Я, может, и жесток, чудовище и убийца, но от ответственности не уклоняюсь. И ты, как старшая, увиливать не должна.

Много позже, годы спустя, рассказывая о случившемся, Джуд никак не могла вспомнить, как они собирались. Столь велико было потрясение, что тот час просто выпал из памяти. Должно быть, Вивьен нашла какие-то мешки и положила их любимые книжки с картинками и игрушки, а также фотографии, пижамы, рубашки и пальто.

А может, Джуд сложила свое сама. Она не помнила.

Как они сделали это все, когда тела родителей стыли на полу внизу? Что она чувствовала? Годы шли, а она никак не могла заставить себя снова пережить это. Время притупило ужас смертей. Память о том дне растаяла в красном тумане.

Черный конь пощипывал травку на лужайке, когда они вышли из дома. У него были большие и мягкие глаза, и Джуд хотелось обхватить его руками за шею и вжаться мокрым от слез лицом в шелковистую гриву. Но прежде чем она успела это сделать, высокий незнакомец перебросил ее, а потом и Тарин через седло, как какой-нибудь багаж, а не детей, и посадил позади себя Вивьен.

— Держись, — сказал он.

Всю дорогу до Фейриленда Джуд и ее сестры проплакали.

ГЛАВА 1

В мире фейри нет рыбных палочек, кетчупа, телевизора.

ГЛАВА 2

Я сижу на подушке, а имп заплетает мне волосы, собирая их с лица. Пальцы у нее длинные, ногти острые. Я моргаю. Ее черные глаза встречаются с моими в зеркале на туалетном столике. Ножка у столика выполнена в форме лапы.

— До турнира еще целые четыре ночи, — говорит она. Зовут ее Таттерфелл, и в доме Мадока она исполняет обязанности служанки, отрабатывая долг. Я на ее попечении давно, с самого детства. Это Таттерфелл втерла мне в глаза жгучую фейрийскую мазь, наделив Истинным Видением, чтобы я могла распознавать чары. Она же стирала грязь с моих сапог и вешала мне на шею бусы из сушеных плодов рябины, чтобы я могла сопротивляться соблазнам и искушениям. Она вытирала мне нос и напоминала надевать чулки наизнанку, чтобы не потеряться в лесу. — И как бы тебе ни хотелось попасть туда, луну не заставишь садиться и вставать быстрее. Постарайся украсить генеральский двор, показать себя во всей красе, какую мы только сможем тебе придать.

Я вздыхаю.

Ее терпения никогда не хватало на мою раздражительность.

— Танцевать при Дворе Верховного короля под холмом — большая честь.

Служанкам доставляет огромное удовольствие напоминать, как повезло мне, внебрачной дочери неверной жены, существу без капли фейрийской крови, что со мной обращаются словно с чистокровным ребенком фейри. То же самое твердят Тарин. Иногда, слушая это все, хочется кого-нибудь укусить.

— Знаю, — говорю вместо этого я, потому что она старается быть доброй. — Замечательно.

Фейри не могут лгать, а потому больше внимания обращают на слова и совсем мало на тон. Особенно это относится к тем, которые не жили среди людей. Таттерфелл одобрительно кивает. Ее глаза — две влажные бусинки гагата, ни зрачки, ни радужки не видны.

— Может быть, кто-то попросит твоей руки, и ты станешь постоянным членом Верховного двора.

— Я хочу завоевать это место.

Имп замирает со шпилькой в руке, возможно, прикидывая, куда бы меня уколоть.

— Не говори глупости.

Спорить, напоминать о губительном замужестве моей матери бессмысленно. Для смертного есть лишь две возможности стать постоянным членом Двора: через брак или особые успехи в каком-то значимом ремесле, например, в металлургии или игре на лютне. Первое направление меня не интересует, так что остается надеяться на талант во втором.

С волосами покончено. Получилось нечто сложное, и я выгляжу так, словно отрастила рога. Меня обряжают в сапфировый бархат. Ни одно, ни другое не скрывает того, что я человек.

Знаю, воспитываться рядом с детьми знати — большая честь. Ужасная честь, которой я никогда не буду достойна. И забыть трудно, когда со всех сторон звучат напоминания.

— Завязала три узелка на удачу, — сообщает маленькая фейри.

Я вздыхаю, и она, соскочив с моего туалетного столика, спешит к двери, чтобы растянуться лицом вниз на моей застеленной гобеленом кровати.

К тому, что мне прислуживают, я уже привыкла. Импы и хобы, гоблины и григи. Тонкие, как паутинка, крылышки и зеленые ногти, рожки и клыки. Здесь я уже десять лет, и все это больше не кажется диковинным и чудным. Странной здесь выгляжу я — с тупыми пальцами, закругленными ушами и короткой, как у мухи-однодневки, жизнью.

По человеческим меркам десять лет — немалый срок. Выкрав нас из мира людей, Мадок возвратился в свои владения в Инсмуре, на острове Майт, где держит крепость Верховный король Эльфхейма. Там, соблюдая обязательство чести, он и вырастил нас, меня, Вивьену и Тарин. И хотя мы с Тарин — живые свидетельства маминой измены, согласно обычаям фейри, мы дети его жены и, следовательно, его проблема.

Будучи генералом Верховного короля, Мадок часто бывал в отъезде — сражался за корону. Тем не менее без опеки мы не оставались. Спали на матрасах, набитых мягкими головками одуванчиков. Мадок лично обучал нас искусству боя — с саблей и кинжалом, с кривым мечом или голыми кулаками. Вечерами, у огня, он играл с нами в «Девять пляшущих мужчин», «Лисенка» или фейрийские шахматы «фидчелл». Он разрешал нам сидеть у него на колене и есть с его тарелки.

Много раз я засыпала под его раскатистый голос, слушая истории из книги о стратегии битвы. И со временем, вопреки тому, что он сделал и кем был, я полюбила его. И люблю. Просто это такая не слишком привычная любовь.

— Симпатичные косички. — Тарин входит в мою комнату. Бархат на ней малиновый. Волосы распущены — длинные каштановые завитки струятся за ней, как накидка, и в некоторых локонах поблескивают серебряные нити.

Запрыгнув на мою кровать, она разваливает кучку старых, потертых игрушек, среди которых коала, змея, черный кот — любимые с детства зверушки. Выбросить их, расстаться с давними реликвиями я не могу.

Сажусь повыше, не забыв полюбоваться собой в зеркале.

— Мне нравятся.

— Что-то мне подсказывает, — говорит Тарин к немалому моему удивлению, — что сегодня будет весело.

— Весело? — Я-то представляла, что буду наблюдать за всеми из нашего обычного укрытия и переживать из-за того, смогу ли своим выступлением на турнире произвести достаточно сильное впечатление на кого-нибудь из королевской семьи, чтобы получить дарованное рыцарство.

При одной лишь мысли об этом я начинаю нервничать, но и не думать совсем не получается. Большой палец касается безымянного пальца со срезанным кончиком, у меня начинается нервный тик.

— Да. — Тарин тычет меня пальцем в бок.

— Эй! У-у! — Я торопливо отодвигаюсь подальше. — И что влечет за собой этот план? — Обычно, бывая при Дворе, мы прячемся где-нибудь, откуда наблюдаем всякие интересные события, но сами в них не участвуем.

Тарин вскидывает руки.

— Что ты имеешь в виду? Что влечет? Будет весело!

Я смеюсь немножко нервно.

— Не представляешь, да? Отлично. Посмотрим, обладаешь ли ты пророческим даром.

Она соскальзывает с моей кровати и протягивает руки, словно приглашает на танец. Я послушно следую за ней из комнаты, машинально проверяя, на месте ли пристегнутый к бедру нож.

Внутри дом Мадока — белая штукатурка и массивные, грубо обработанные деревянные балки. Стеклопакетные оконные панели — серые, словно заполнены пойманным в плен дымом, отчего свет получается немного странный. Мы с Тарином спускаемся по винтовой лестнице, и я замечаю на балкончике Виви, с хмурым видом рассматривающую выкраденный из мира людей фантастический комикс.

Виви усмехается мне. На ней джинсы и просторная блуза — наряд явно не праздничный, так что веселиться наша старшая сестра не намерена. Будучи законной дочерью Мадока, она не обязана ему угождать,

на нее никто не давит. Виви делает что хочет. В том числе читает журналы, страницы которых скреплены металлическими скобками, а не клеем, и не беспокоится из-за того, что может обжечь пальцы.

— Куда путь держите? — спрашивает она негромко из тени, и Тарин вздрагивает.

Виви прекрасно известно, куда мы идем.

Поначалу, едва прибыв сюда, мы втроем сбивались в кучку на ее большой кровати и обменивались воспоминаниями о доме. Говорили, как у мамы все пригорало на кухне и какой попкорн получался у папы, вспоминали, как звали наших соседей, чем пахло в доме, какой была школа, каникулы и вкус глазури на праздничных тортах. Мы пересказывали телефильмы, которые видели, уточняли детали сюжетов, доводили до совершенства диалоги, так что наши воспоминания совпадали до точки и были насквозь фальшивы.

Теперь мы уже не собираемся на кровати, не обмениваемся впечатлениями, а все наши новые воспоминания связаны с этим местом, и Виви почти не проявляет к ним интереса. Она поклялась ненавидеть Мадока и от своего слова не отступила, а когда не вспоминала дом, то устраивала ужасные сцены. Била вещи, кричала, бушевала, щипала нас, когда мы давали слабину. В конце концов все это прекратилось, но, думается мне, в глубине души Виви презирает нас за то, что мы приняли новую жизнь. За то, что смирились и использовали ситуацию с выгодой для себя. За то, что устроились здесь как дома.

— Тебе бы тоже надо пойти, — говорю я ей. — Тарин сегодня в каком-то странном настроении.

Виви задумчиво смотрит на сестру и качает головой.

— У меня другие планы. — Это может означать, что она собирается ускользнуть на вечер в мир смертных или провести время на балконе за чтением.

Так или иначе, что раздражает Мадока, то доставляет удовольствие Виви. Он ждет нас в холле со своей второй женой, Орианой. Кожа у нее голубоватого цвета снятого молока, а волосы белые, как свежесвыпавший снег. Красивая, но смотреть на нее неприятно — будто видишь призрак. Сегодня на ней зеленое с золотым мшистое платье с каким-то изощренным сияющим воротником, привлекающим внимание к розовому рту, ушам и глазам. Мадок тоже одет в зеленое, тона густого леса. На боку у него висит меч без каких-либо украшений.

Снаружи, за открытой двустворчатой дверью, нас ожидает эльф с пятью серебряными уздечками для пяти серых в яблоках фейрийских

коней, гривы которых заплетены замысловатыми и, возможно, магическими узелками. Интересно, не такие ли они, как и узелки в моих волосах?

— Вы обе хорошо выглядите. — Произнесенные мягким тоном слова звучат редким комплиментом. Мадок взглядом взбегает по ступенькам. — Ваша сестра идет?

— Я не знаю, где Виви. — Врать здесь легко. Можно делать это хоть весь день, и тебя никто не поймает. — Должно быть, забыла.

На лице Мадока разочарование, но не удивление. Выходит и говорит что-то держащему поводья эльфу. Неподалеку замечаю одну из его шпионок, сморщенное существо со сплюснутым утиным носом и сгорбленной спиной. Она сует что-то в его ладонь и с удивительной прытью устремляется прочь.

Ориана внимательно смотрит на нас, как будто выискивает в нашей внешности некое упущение.

— Будьте внимательны сегодня. Обещайте, что не будете ни есть, ни пить, ни танцевать.

— Мы уже бывали при Дворе, — напоминаю я ей.

— Вы, может быть, думаете защититься солью, но вы, дети, забывчивы. Лучше обойтись без нее. Что касается танцев, то вы, смертные, стоит лишь начать, будете танцевать до смерти, если мы вас не остановим.

Я опускаю глаза и молчу.

Мы, дети, не забывчивы.

Мадок женился на ней семь лет назад, и вскоре после этого она принесла ему ребенка, болезненного мальчика по имени Оук с крохотными премиленькими рожками на голове. С самого начала было ясно, что Ориана терпит нас с Тариной только из-за мужа. По-моему, мы для нее не более чем любимые собачонки ее супруга: плохо натасканные и способные в любой момент наброситься на хозяина.

Оук видит в нас сестер, из-за чего Ориана нервничает, хотя я бы никогда не сделала ему ничего плохого.

— Вы под защитой Мадока, а он пользуется расположением Верховного короля, — говорит Ориана. — Я не потерплю, чтобы Мадок оказался в глупом положении из-за ваших ошибок.

Закончив эту небольшую речь, она выходит к лошадям. Одна из них храпит и бьет копытом землю.

Мы с Тарин переглядываемся и следуем за ней. Мадок уже восседает на самом большом коне, статном и со шрамом под глазом. Ноздри скакуна трепещут от нетерпения. Снова и снова он мотает головой, отбрасывая

гриву.

Я подхожу к бледно-зеленой лошадке с острыми зубами, от нее пахнет болотом. Тарин выбирает пони и трогает с места, ударив каблуками в бока. Лошадка срывается как стрела. Я не отстаю, и мы окунаемся в ночь.

ГЛАВА 3

Фейри — сумеречные создания, и я тоже стала такой. Мы встаем, когда тени становятся длиннее, и ложимся перед восходом солнца. Во дворец Эльфхейм, у большого холма, мы прибываем далеко за полночь. Чтобы войти во дворец, нужно проехать между двумя деревьями, дубом и боярышником, а потом врезаться прямоком в каменную стену мрачных руин. Так, по крайней мере, это выглядит со стороны. Я проделывала это сотни раз, но до сих пор вздрагиваю. Все тело напрягается, пальцы сжимают поводья, глаза невольно зажимаются, а когда открываются, я уже внутри холма.

Мы едем дальше через пещеру, между колоннами корней, по плотно утрамбованной земле. Десятки фейри уже столпились у входа в просторный тронный зал, где заседает Двор: длинноносые пикси с обветшавшими крыльями; элегантные зеленокожие леди в платьях с длинными шлейфами, которые держат гоблины; озорные богганы; смеющиеся фокскины; мальчишка в маске лисицы и золотой шляпе; пожилая женщина с облепившими ее плечи воронами; шумная стайка девчонок с дикими розами в волосах; темнокожий юнец с волосами вокруг шеи; группа рыцарей в доспехах ярко-зеленого цвета. Многих я видела раньше, с некоторыми разговаривала. Всех и глазом не охватишь, однако же я смотрю и не могу отвести взгляд.

Все это великолепие, церемонии, блеск и величие — мне такое никогда не надоедает. Может быть, Ориана не так уж и не права, когда говорит, что однажды мы можем так увлечься, что забудем об осторожности. Нетрудно понять, почему люди легко поддаются соблазнительному кошмару Двора, почему с такой готовностью тонут в нем.

Знаю, не должно любить его так сильно, как люблю я, увезенная из мира смертных после гибели родителей. Но что поделать — все равно люблю.

Мадок спешивается. Ориана и Тарин сделали это еще раньше и уже передают лошадей конюхам. Все ждут меня. Мадок протягивает руку, будто хочет помочь, но я соскакиваю с седла. Мои кожаные туфли хлопают о землю. Надеюсь, получилось, как у рыцаря.

Ориана делает шаг вперед, возможно, чтобы еще раз напомнить мне и Тарин о том, что нам не следует делать. Ну уж нет. Я цепляю сестру под руку и тащу за собой внутрь. Зал благоухает ароматом горящего розмарина

и измельченных трав. За спиной слышны тяжелые шаги Мадока, но я знаю, куда иду. Попадая ко Двору, нужно первым делом поприветствовать короля.

Верховный король Элдред восседает на троне в серых одеждах, предписанных его титулу. На редких, золотистых волосах покоится тяжелая золотая корона в виде дубовых листьев. Мы кланяемся, он касается наших голов узловатыми, униженными перстнями пальцами, и мы встаем.

Элдред — внук королевы Мэб из дома Зеленого вереска.

Поначалу Мэб жила как одиночная фэйри, но потом начала завоевания вместе со своим рогатым супругом и оленьими наездниками. Это из-за него, как говорят, шесть наследников Элдреда имеют ту или иную звериную черту — вещь вполне заурядную в стране фэйри, но весьма необычную среди мелкой поместной знати.

Старший принц, Балекин, и его младший брат, Даин, стоят неподалеку, попивая вино из деревянных, оплетенных серебром кубков. Даин носит бриджи до колен, демонстрируя копыта и оленьи ноги. На Балекине его любимая шинель с воротником из медвежьего меха. Вдоль руки, от суставов пальцев до плеча, протянулся хребет острых шипов. Под манжетами рубашки они не видны, но показываются, когда братья подзывают Мадока.

Ориана приседает в реверансе. Хотя Даин и Балекин стоят вместе, они часто не в ладах друг с другом и со своей сестрой Эловин, так что Двор то и дело разделяется на три соперничающих круга влияния.

Принц Балекин, перворожденный, и его компания, известная как Круг граклов, объединяет тех, кто предпочитает веселья и забавы и презирует все, что этому мешает. Они напиваются допьяна и доводят себя до бесчувствия ядовитыми и веселящими порошками. Его круг — самый необузданный, хотя, когда мы разговаривали, он всегда бывал собранным и трезвым. Наверно, я тоже могла бы предаться пьянству и разгулу в надежде произвести впечатление, но предпочитаю этого не делать.

Вторая по старшинству — принцесса Эловин. Ее приближенные составляют Круг жаворонков. Превыше всего они ценят искусство. Место в ее круге заслужили даже некоторые смертные, но поскольку ни в игре на лютне, ни в декламации успехов я не добилась, то и шансов оказаться среди них у меня нет.

Принц Даин, третий по рождению, самый младший, возглавляет Круг соколов. Здесь почитают рыцарей, воинов и стратегов. К этому кругу принадлежит, очевидно, и Мадок. Здесь много говорят о чести, хотя в действительности их интересует власть. Клинком я владею хорошо, в

стратегии тоже кое-что смыслу, чего мне недостает, так это шанса показать себя.

— Идите развлекайтесь, — говорит нам Мадок.

Мы с Тарин оглядываемся на принцев и вливаемся в толпу.

Во дворце короля Эльфхейма немало секретных альковов и скрытых коридоров, идеально подходящих для любовников и наемных убийц или любителей держаться в тени и откровенно скучающих на такого рода увеселениях. Мы с Тарин, когда были маленькими, прятались обычно под длинными банкетными столами.

Но после того, как она решила, что мы теперь элегантные дамы, которым не пристало пачкать платья, ползая по полу, нам пришлось искать местечко получше. За второй площадкой каменных ступенек обнаружился внушительный выступ мерцающего камня, образующий что-то вроде карниза. Обычно там мы и располагаемся — слушаем музыку и наблюдаем за весельем, участвовать в котором нам не полагается.

Сегодня однако у Тарин завелась другая идея. Проходя мимо ступенек, она хватает с серебряного подноса зеленое яблоко и кусок пронизанного голубыми венами сыра и, не утруждая себя солью, откусывает того и другого, после чего протягивает яблоко мне. Ориана считает, что мы не в состоянии различить обычные фрукты и фейрийские, цветущие насыщенным золотом. Мякоть у них красная, плотная, и их дурманыщий запах наполняет леса с приближением страдной поры.

Яблоко хрустит и приятно холодит рот. Мы передаем его друг другу и съедаем до сердцевины. Я справляюсь со своей половинкой за два укуса.

Неподалеку от меня крохотная девушка-фейри с белыми волосами и маленьким ножичком режет пояс огра. Работа идет гладко — секунда-другая, и ремня с поясной сумкой уже нет, девушка растворяется в толпе, а я уже готова поверить, что ничего не случилось. Но тут девушка оглядывается и подмигивает мне.

В следующее мгновение огр сознает, что его обокрали.

— Чую вора! — ревет он, размахивая руками, и опрокидывает кружку с темным пивом. Усыпанный бородавками нос подергивается, втягивая воздух.

Неподалеку возникает какая-то суета, одна из свеч вспыхивает трескучим синим пламенем, шипит и разбрасывает искры, отвлекая на мгновение даже самого огра. К тому времени, когда суматоха стихает и все успокаивается, белокурой воровки уже и след простыл.

С полуулыбкой на губах поворачиваюсь к Тарин, которая с восхищением наблюдает за танцующими, не замечая ничего вокруг.

— Мы могли бы попробовать, — предлагает она. — По очереди. Если ты не сможешь остановиться, я тебя вытащу. А потом ты сделаешь то же самое для меня.

Обдумываю ее предложение, и сердце бьется быстрее. Смотрю на веселящихся и пытаюсь собраться с духом, чтобы согласиться с ее планом.

В центре Круга жаворонков танцует принцесса Эловин. Кожа ее сияет золотом, волосы отливают темной зеленью плюща. Возле нее играет на скрипке мальчик лет пятнадцати. Еще двое смертных подыгрывают ему, с меньшим мастерством, но с большим азартом, на укулеле. Младшая сестра Эловин, Кейлия, танцует неподалеку. Как и у отца, у нее шелковистые, цвета пшеницы волосы, украшенные цветочным венком.

Музыканты заводят новую балладу:

*Из всех сыновей короля
Принц Джейми худшим был
И хуже всего и печальней всего
Первенцем Джейми был.*

Никогда не любила эту песню, потому что она напоминает мне кое о ком. О том, кого здесь нет сегодня, как нет и принцессы Рии. Но... О нет, он здесь! Я вижу его.

Принц Кардан, шестой по старшинству сын короля Элдреда, идет через зал — прямо к нам.

Валериан, Никасия и Локк — три самых близких и верных друга — следуют за ним. Толпа расступается и умолкает, склоняясь перед ними в поклоне. Вид у принца, как всегда, сердитый, веки подведены сурьмой, в темных, как полуночное небо, волосах золотой ободок. На нем длинный черный камзол с высоким зазубренным воротником, расшитый узорами из небесных созвездий. Валериан в темно-красном, на манжетах поблескивают отполированные, но не ограненные рубины, каждый размером с каплю застывшей крови. Волосы у Никасии сине-зеленые, цвета океанской глубины, и украшены жемчужной диадемой. У замыкающего шествие Локка вид скучающий и усталый, волосы точь-в-точь по цвету лисий мех.

— Нелепы, как шуты, — говорю я Тарин, которая уже следует за моим взглядом. Не могу, однако, не признать, что они так же прекрасны.

Прекрасные лорды и леди, точно как в песне. Если бы мы не занимались вместе с ними, если бы я не знала из первых рук, сколь жестоки они с теми, кто вызвал их недовольство, я, возможно, была бы без ума от них, как и все остальные.

— Виви говорит, что у Кардана есть хвост, — шепчет Тарин. — Она сама его видела, когда на прошлое полнолуние купалась в озере с ним и принцессой Рией.

Представить Кардана плавающим в озере, прыгающим в воду и смеющимся над чем-то, что не касается чужих страданий, трудно, даже невозможно.

— Хвост? — эхом отзываюсь я, и зарождающаяся на лице недоверчивая улыбка блекнет при мысли о том, что поделиться со мной историей, случившейся, похоже, несколько дней назад, Виви не потрудилась.

Три сестры — необычная конфигурация. Одна всегда оказывается лишней.

— С кисточкой на конце! Обычно свернут под одеждой и разворачивается, как хлыст. — Она хихикает, так что я едва понимаю ее следующие слова. — Виви сказала, что и сама бы такой хотела.

— Хорошо, что у нее его нет, — твердо замечаю я, что, конечно, глупо. Ничего не имею против хвостов.

Кардан и его свита уже так близко, что говорить о них небезопасно. Я роняю взгляд и, хотя ненавижу это, опускаюсь на колено и стискиваю зубы. Рядом то же самое делает Тарин. И не только она.

«Не смотри на нас, — думаю я. — Не смотри».

Проходя мимо, Валериан дергает меня за заплетенную в рог косичку и задерживается, хотя его приятели идут дальше.

— Думаешь, я вас не видел? Вы с сестрой в любой толпе выделяетесь. — Он наклоняется. В его тяжелом, жарком дыхании ощущается запах медового вина. Мои пальцы сами сжимаются в кулак, словно чувствуют близость ножа. Но в глаза Валериану я все же не смотрю. — Какая унылая, невыразительная физиономия.

Он еще раз сильно дергает меня за косичку. Я моргаю. В животе сворачивается кольцом бессильная ярость. Валериан смеется и идет дальше.

Ярость сгущается в стыд. Жалею, что не ударила его по руке, хотя и понимаю, что от этого стало бы только хуже.

Тарин видит что-то в моем лице.

— Что он сказал тебе?

Качаю головой.

Кардан останавливается возле мальчика с длинными медными волосами и крошечными, как у бабочки, крылышками. Мальчик не поклонился, он смеется, и Кардан делает выпад. Не успела я моргнуть, а сжатый в камень кулак принца вылетает и бьет паренька в скулу. Тот падает, а Кардан, наклонившись, хватается одно из его крылышек. Оно рвется легко, как бумага. Мальчик тонко, пронзительно кричит и, кривясь от боли, сворачивается в комок. Интересно, быстро ли у фейри отрастают крылья? Я знаю, что бабочка, потерявшая крыло, летать уже не сможет.

Придворные замирают и хихикают, но это длится секунду-другую, никак не больше. Потом, словно ничего и не случилось, все снова поют и танцуют. Веселье продолжается.

Так у них принято. Кто-то встал у Кардана на пути, и его мгновенно и жестоко наказали. Одних изгоняют из дворца, а иногда вообще отлучают от Двора. Ломают.

Кардан проходит мимо мальчишки, похоже, уже позабыв о нем. Как хорошо, думаю я, что у него пять достойных братьев и сестер, и он вряд ли доберется когда-нибудь до трона. Представить не могу, что у него будет больше власти, чем сейчас.

Даже Никасия и Валериан переглядываются со значением. Потом Валериан пожимает плечами и следует за Карданом. Зато Локк наклоняется и помогает пареньку подняться. Друзья подхватывают несчастного и уводят, и именно в этот момент Локк поднимает голову. Его рыжевато-коричневые лисьи глаза встречаются с моими, и зрачки расширяются от удивления. Я замираю, а сердце пускается вскачь. Напрягаюсь, готовясь к очередной порции насмешек, но тут уголок его рта поднимается. Локк подмигивает, словно признает, что попался, как будто у нас с ним какой-то общий секрет. Как будто на самом деле он не считает меня презренной, а мою смертность заразной.

— Перестань на него таращиться, — одергивает меня Тарин.

— Ты разве не видела... — начинаю объяснять я, но она не дает договорить — хватается за руку и тащит к лестнице, к нашему выступу из мерцающего камня, где мы можем спрятаться.

— Не нарывайся и не давай им лишнего повода задираться — хватит и того, что есть!

Удивленная ее горячностью, я вырываю руку и вижу на запястье краснеющие полумесяцы, следы ее пальцев. Оглядываюсь, но Локка уже поглотила веселящаяся толпа.

ГЛАВА 4

Брезжит рассвет. Я открываю в своей комнате окно, впускаю последнее холодное дыхание уходящей ночи и снимаю придворный наряд. Тело пышет жаром. Сдавленная и пережатая во многих местах, кожа перестает болеть, а вот сердце никак не успокаивается.

Я была при Дворе много раз и видела вещи пострашнее оборванных крыльев. Неспособность лгать фейри компенсируют хитростью, жульничеством, умолчанием и жестокостью. Искажение слов, далеко не безобидные розыгрыши, недомолвки, двусмысленность, скандалы, не говоря уже о мести друг другу за замшелые, полузабытые обиды.

Погода не столь непостоянна, моря менее капризны.

Как русалки не могут жить без соленых морских брызг, так Мадок не может жить без кровопролития. После каждого сражения он ритуально окунает свой берет во вражескую кровь. Я видела этот берет под стеклом в арсенале. Ткань задубела и настолько пропиталась кровью, что стала почти черная, не считая нескольких зеленых пятен.

Иногда я наклоняюсь и всматриваюсь в него, пытаюсь увидеть в наплывах засохшей крови кровь моих родителей. Хочу почувствовать что-нибудь, кроме невнятного, смутного беспокойства. Хочу почувствовать больше, но с каждым разом чувствую меньше.

«Сходить в арсенал?» — думаю я, но так никуда и не иду. Стою перед окном и представляю себя бесстрашным рыцарем или ведьмой, которая спрятала сердце в палец, а потом этот палец отрубила.

— Я так устала, — говорю я вслух. — Так устала.

Долго сижу, глядя, как поднимающееся солнце золотит небо, слушая, как разбиваются о берег волны, а потом мимо окна пролетает, на фоне светящихся облаков, какое-то существо. Сначала я принимаю его за сову, но потом вижу глаза хоба.

— От чего устала, сладенькая? — спрашивает он.

Вздыхаю и разнообразия ради отвечаю честно:

— От собственного бессилия.

Хоб внимательно рассматривает меня и улетает.

* * *

Днем отсыпаюсь. Просыпаюсь, не понимая, где нахожусь. Выпутываюсь из длинных, расшитых занавесей вокруг кровати. На щеке полоска засохшей слюны.

Ванна приготовлена и ждет, но успела остыть, и вода едва теплая. Прислуга должно быть пришла и ушла. Тем не менее я забираюсь в ванну, плещу водой в лицо.

Живя в Фейриленде, вольно или невольно замечаешь, что все здесь пахнут вербеной или толчеными сосновыми иголками, высохшей кровью или молочаем. Я, если не отмоюсь начисто, буду пахнуть, как пот из подмышек и несвежее дыхание.

Когда Таттерфелл приходит зажечь лампы, я одеваюсь к лекции, которая начинается ближе к концу дня и продолжается до глубокого вечера. Натягиваю серые кожаные сапоги и тунику с вышитым шелком гербом Мадока — полумесяц, повернутый набок и напоминающий чашу, с которой стекает капля крови.

Внизу обнаруживаю Тарин за банкетным столом. Она одна, с чашкой крапивного чая и пресной лепешкой. Сегодня ей не до веселья.

Мадок настаивает — возможно, из чувства вины или стыда, — чтобы с нами обращались как с детьми фейри. Чтобы нас учили тому же и чтобы мы получали то же, что и они. Похищенные дети попадали в Верховный двор и раньше, но никто из них еще не воспитывался как джентри.

Нет, я, конечно, благодарна. Мне нравятся уроки. На вопросы отвечаю умно и правильно, этого у меня никто не отнимет, даже если преподаватели делают иногда вид, что считают иначе. Вместо щедрой похвалы получаю разочарованный кивок. Принимаю и радуюсь — значит, я могу быть своей, независимо от того, нравится им это или нет.

Раньше с нами ходила Виви, но потом ей стало скучно. Мадок взъярился, но поскольку то, что нравится ему, безусловно, не нравится Виви, вся его брань только укрепила ее решимость.

Она и нас пыталась убедить отказаться от занятий и оставаться дома, с ней, но если мы с Тарин не в состоянии справиться с интригами детей фейри без того, чтобы бросать уроки или бегать за поддержкой к Мадоку, то как он поверит, что мы сможем управлять Двором, где столкнемся с теми же интригами, но на более высоком и опасном уровне?

Помахивая корзинками, мы с Тарин выходим из дома. Покидать Инсмир, чтобы попасть во дворец Верховного короля, вовсе не обязательно, но мы идем в обход двух островков, Инсмуре, Острова камня, и Инсуила, Острова скорби. Все три соединены наполовину утопленными каменистыми тропами и камнями, достаточно большими, чтобы можно было перепрыгивать с одного на другой. Стадо оленей плывет по направлению к Инсмуре в поисках лучшего пастбища. Мы проходим мимо Озера масок и через дальний угол Молочного леса, пробираемся между

бледными, серебристыми стволами под выбеленными листьями. Оттуда мы видим русалок и их братьев, мерроу, загорающих на солнышке возле скалистых пещер. В предвечернем свете чешуя отлиывает янтарным блеском.

Все дети джентри, независимо от возраста, учатся у преподавателей, собранных со всего королевства. Занятия проходят на территории дворца. В одни дни мы сидим в какой-нибудь роще, выстеленной изумрудным мхом; в другие занимаемся в высоких башнях или на деревьях. Мы узнаем о движении созвездий по небосводу, о целебных и магических свойствах трав, о языках птиц, цветов и людей, а также о языке фейри и о том, как ходить по листьям и веткам, бесшумно и не оставляя следов.

Нас учат играть на арфе и лютне, стрелять из лука и фехтовать. На практических занятиях по магии мы с Тарин только наблюдаем. В перерывах все играют в войну на зеленой поляне под сенью деревьев.

Благодаря занятиям с Мадоком я опасный противник, даже с деревянным мечом.

Тарин тоже неплоха, хотя тренировки в боевых искусствах ее больше не привлекают. На Летнем турнире, до которого осталось всего лишь несколько дней, мы проводим показательное сражение перед членами королевской семьи.

При поддержке и содействии Мадока кто-то из принцев или принцесс может произвести меня в рыцари и включить в состав своей личной гвардии. Это уже какая-никакая власть, защита. И тогда, занимая такое положение, я могла бы защитить и Тарин.

Ну, вот и школа. Принц Кардан, Локке, Валериан и Никасия уже растянулись на траве с другими фейри. Девушка с рогами лани — Поэзи — смеется над чем-то, что сказал Кардан. Нас они не удостаивают даже взглядом. Мы расстилаем одеяло, достаем тетради, ручки и чернильницы.

Какое облегчение.

Наш урок касается истории заключения мирного договора между Орлаг, владычицей Подводного мира, и разнообразными королями и королевами сухопутных владений фейри. Никасия — дочь Орлаг, отправленная ко Двору Верховного короля на воспитание и обучение. Красоте королевы Орлаг посвящено немало од, а вот ее личные качества, если Никасия пошла в мать, восхваления вряд ли заслужат. На протяжении всего урока она демонстрирует торжествующее злорадство и самодовольную гордыню, откровенно кичась своим происхождением. Потом наставник переходит к рассказу о лорде Ройбене из Двора Термитов, и я теряю интерес. Мысли утекают в сторону от истории. Ловлю себя на том, что продумываю комбинации: удар, выпад, защита, блок. Держу ручку,

как рукоять клинка, и забываю делать записи.

Солнце опускается к нижнему краю неба. Мы с Тарин достаём из корзинок хлеб, масло, сыр и сливы. Я с жадностью намазываю масло на хлеб, но, прежде чем успеваю откусить, проходящий мимо Кардан пинает мыском сапога землю, и пыль летит на мой бутерброд. Другие фейри смеются.

Поднимаю голову — он смотрит на меня с жестокой радостью, как хищная птица, решающая, стоит ли проглотить маленькую мышку. На нём расшитая колючками туника с высоким воротником, пальцы унизаны тяжелыми перстнями. На губах заученная ухмылка.

Я стискиваю зубы и говорю себе, что если не буду обращать внимание на его колкости и насмешки, то рано или поздно он потеряет ко мне интерес. Отстанет. Надо лишь ещё немного потерпеть, несколько дней.

— В чем дело? — с милой улыбкой спрашивает Никасия, подходя ближе и кладя руку на плечо Кардана. — Пыль. Ты вышла из праха, смертная, в него и вернешься. Кусай побольше.

— А ты заставь, — огрызаюсь я, не успев остановиться. Ответ так себе, ничего особенного, но ладони начинают потеть. Вид у Тарин немного испуганный.

— Знаешь, я бы мог. — Кардан усмехается, как будто ничто бы не доставило ему большего удовольствия. Сердце быстро набирает ход. Если бы я не носила на шее ниточку рябины, он мог бы напустить гламур, заморозить меня так, что пыль показалась бы деликатесом. Лишь репутация и положение Мадока заставляют моего обидчика колебаться. Я не двигаюсь с места и не дотрагиваюсь до спрятанных под туникой бус, которые, надеюсь, остановят действие чар и которые, если мне повезет, принц не обнаружит и не сорвет с моей шеи.

Бросаю взгляд в направлении наставника, но старик пука уткнулся носом в книгу.

Поскольку Кардан — принц, скорее всего, останавливать его никто ещё не смел. Я понятия не имею, насколько далеко он зайдет и что позволят ему наставники.

— Ты ведь этого не хочешь, правда? — с притворным сочувствием спрашивает Валериан и повторяет жест Кардана. Я и не видела, как он подошел.

Однажды Валериан украл у меня серебряную ручку, и Мадок заменил ее другой, украшенной рубинами, которую взял со своего стола. Валериан тогда впал в такую ярость, что ударил меня в затылок учебным деревянным мечом.

— Что, если мы пообещаем быть учтивыми с вами до конца дня, если вы съедите все, что у вас в корзинках? — Он широко, с издевкой улыбается. — Разве вы не хотите, чтобы мы стали вашими друзьями?

Тарин опускает глаза. «Нет, — хочу сказать я. — Нам не нужны такие друзья».

Я молчу, не отвечаю, но и голову не опускаю. Смотрю на Кардана, выдержав его взгляд. Мне нечего им сказать, нечем их остановить, и я это знаю. Здесь я бессильна. Но сегодня, похоже, меня не душит злость от собственного бессилия.

Никасия выдергивает заколку из моих волос, и одна косичка падает на шею. Я шлепаю ее по руке, но она быстрее меня.

— Что это? — Никасия показывает всем золотую заколку с тремя филигранными ягодами боярышника на конце. — Ты ее украла? Думала, она тебя украсит? Думала, станешь такой, как мы?

Я кусаю губу. Конечно, мне хочется быть такой, как они.

Они красивы, как клинки, выкованные в некоем божественном пламени. Им дарована вечная жизнь. Волосы Валериана сияют, как полированное золото. Руки и ноги у Никасии длинные и совершенной формы, губы розовые, как кораллы, волосы цвета холодной морской глубины. Лисьеглазый Локк молча стоит за спиной Валериана с лицом, выражающим натасканное безразличие. Подбородок у него заостренный, как и кончики ушей. Самый красивый из них — Кардан с черными, переливчатыми, как вороново крыло, волосами и скулами, заточенными словно нарочно, чтобы резать девичьи сердца. Его я ненавижу сильнее всех прочих. Ненавижу так, что порой забываю дышать.

— Ты никогда не будешь нашей ровней, — заявляет Никасия.

Конечно, не буду.

— Да перестань. — Локк беззаботно смеется и обнимает Никасию за талию. — Оставь в покое этих несчастных.

— Джуд извиняется, — торопливо говорит Тарин. — Нам обеим очень жаль...

— Пусть покажет, как ей жаль, — лениво тянет Кардан. — Скажи, что ей не место в Летнем турнире.

— Боишься, что выиграю? — спрашиваю я, позабыв об осторожности.

— Турнир не для смертных, — холодно сообщает он. — Выйди или пожалеешь.

Открываю рот, но меня опережает Тарин:

— Я поговорю с ней об этом. Это же всего лишь игра.

Никасия одаряет мою сестру снисходительно-великодушной улыбкой,

а Валериан ухмыляется, скользя оценивающим взглядом по ее округлостям.

Наши с Карданом взгляды встречаются, и я понимаю, что свой счет ко мне он не закрыл.

— Почему ты так им дерзила? — спрашивает Тарин, когда веселая компания удаляется, направляясь к уже накрытой площадке. — Огрызаться просто глупо.

«А ты заставь...

Боишься, что выиграю?»

— Знаю, — отвечаю я. — Буду молчать. Просто... разозлилась.

— Ты бы лучше не злилась, а боялась, — советует Тарин и, покачив головой, собирает остатки нашей еды. В животе урчит, но я стараюсь не обращать внимания на голос голода.

Да, знаю, они хотят, чтобы я боялась. Не далее как сегодня, в ходе подготовки к турниру, Валериан сбил меня подножкой, а Кардан успел нашептать на ухо гадостей. Домой иду с синяками от падений и пинков.

Но запугивая меня, они не понимают вот чего: да, мне страшно, но я боялась всегда, с того самого дня, как попала сюда. Меня растит человек, который убил моих родителей и увез нас в страну чудовищ. Я живу со страхом. Я позволила ему поселиться в моих костях и не замечаю его. Если бы я не притворялась, что не боюсь, то забралась бы под покрывало в доме Мадока и не вылезала бы оттуда.

Но я отказываюсь это делать. И не стану.

Никасия ошибается насчет меня. Я не стремлюсь выступить на турнире не хуже других. Я хочу победить. Не желаю быть им ровней. В душе я жажду превзойти их, стать лучшей.

ГЛАВА 5

По пути домой Тарин останавливается собрать ежевики на берегу Озера масок. Я сижу на камне в лунном свете и умышленно не смотрю на воду. Твое лицо в озере не отражается — оно показывает кого-то другого, кто уже смотрелся в него или только посмотрится. В детстве я, бывало, днями сидела на берегу, глядя на появлявшиеся в воде лица фейри и надеясь увидеть однажды мою мать.

— Ты выйдешь из турнира? — спрашивает Тарин, отправляя в рот пригоршню ягод.

Мы постоянно голодны. Мы выше Виви, бедра у нас шире, а груди тяжелее.

Открываю корзинку, беру грязную сливу и вытираю о рубашку. Есть можно. Я и ем, медленно, задумчиво.

— Ты имеешь в виду из-за Кардана и его Двора придурков?

Она хмурится, и на ее лице проступает выражение, которое часто появляется у меня, когда сестра демонстрирует особенную тупость.

— А знаешь, как они называют нас? Двор червей.

Я бросаю косточку в воду и гляжу на разбегающиеся круги — никаких отражений сейчас уже не будет. Губы сами складываются в кривую усмешку.

— Озеро магическое, а ты мусоришь, — укоряет сестра.

— Косточка сгниет. И мы тоже. Они правы. Мы — Двор червей. Мы — смертные. Мы не можем ждать целую вечность, надеясь, что они позволят нам делать то, что мы хотим. Мне наплевать, хотят они или нет, чтобы я участвовала в турнире. Когда-нибудь я стану рыцарем, и тогда они меня не тронут.

— Думаешь, Мадок позволит? — Тарин отпускает куст ежевики, до крови исколов пальцы.

— А ради чего еще он нас обучает?

Мы идем домой и, не сговариваясь, попадаем в ногу.

— Нет, это не для меня. — Она качает головой. — Я намерена влюбиться.

От неожиданности прыскаю со смеху.

— Это ты сейчас решила? Я и не думала, что так бывает. Мне казалось, любовь случается, когда ее не ждешь, и падает как снег на голову.

— Ну а я решила вот так.

Не напомнить ли сестрице ее последнее неудачное решение — повеселиться на пирушке, — думаю я, но сдерживаюсь. Зачем расстраивать? Вместо этого пытаюсь определить, в кого же она вознамерилась влюбиться. Может, в мерроу — с таким расчетом, что он наделит ее даром дышать под водой, преподнесет жемчужную корону и заберет к себе, в подводную постель?

Вообще-то все так изумительно. Может, это я ошибаюсь с выбором.

— Ты очень любишь плавать?

— Что?

— Ничего.

Заподозрив в моем вопросе издевку, Тарин толкает меня локтем в бок.

Поскольку Молочный лес опасен по ночам, дальше идем через Кривой лес с его гнутыми деревьями. Здесь нам приходится остановиться и подождать, пока мимо пройдут несколько корневиков, чтобы не попасть им под ноги. Мох покрывает их плечи и ползет по загрубелым щекам. В ребрах свистит ветер.

Красивая, торжественная процессия.

— Если ты так уверена, что Мадок разрешит тебе участвовать, почему до сих пор сама его не спросила? — шепотом спрашивает Тарин. — До турнира осталось всего три дня.

Драться на Летнем турнире может любой, но если я хочу стать рыцарем, то должна заявить себя как кандидат, перевязав грудь зеленым шарфом. Но если Мадок не поддержит, то никакое мастерство уже не поможет. Я просто не стану кандидатом, и меня никто не выберет.

Шествие корневиков дало мне возможность не отвечать сестре, чему я только рада, потому что, конечно, возразить нечего. Я не обращаюсь к Мадок: боюсь услышать, что он скажет.

Вот и дом. Мы открываем огромную деревянную дверь на железных петлях и слышим наверху крик, словно кому-то очень больно.

Мчусь по лестнице так, что сердце едва не выскакивает из груди, и обнаруживаю такую картину: Виви в своей комнате гоняется за тучкой спрайтов. При моем появлении они стремительно уносятся дымкой в коридор. Виви швыряет книгу, которой отбивалась от спрайтов, и попадает в дверную раму.

— Посмотри! — кричит она, указывая на гардероб. — Ты только посмотри, что они наделали!

Дверцы распахнуты, и я, заглянув, вижу беспорядочно набросанную кучу вещей, украденных в мире людей: спичечные коробки, газеты, пустые бутылки, книги и полароидные фотографии. Спрайты превратили

спичечные коробки в кровати и столы, в книгах вырезали серединки, чтобы сделать там себе уютные гнездышки. Да уж, в шкафу поселилась целая колония спрайтов.

Но еще больше меня удивляет количество вещей, многие из которых, на мой взгляд, не имеют никакой ценности. Самый обычный хлам. Мусор смертных.

— Что это такое? — вопрошает, входя в комнату, Тарин. Она наклоняется и подбирает фотографии, лишь слегка пожеванные спрайтами. Снимки сделаны один за другим, вроде тех, что получаются, если сидеть в кабинке перед автоматической камерой. На всех Виви; ее рука лежит на плечах ухмыляющейся смертной девушки с розовыми волосами.

Похоже, Тарин не единственная, кто решил влюбиться.

* * *

Обедаем за массивным деревянным резным столом, украшенным сценами играющих фавнов и танцующих импов. В центре горят толстые восковые свечи. Рядом — резная каменная ваза с заячьей капустой. Слуги приносят серебряные подносы с кушаньями. Сегодня мы едим свежие черные бобы, оленину с зернышками граната, поджаренную на гриле речную форель со сливочным маслом, салат из горьких трав и на десерт кексы с изюмом, вымоченным в яблочном сиропе. Мадок и Ориана пьют канарское вино; нам его разбавляют водой.

Рядом с нашими с Тарин блюдами стоит чаша с солью.

Виви накалывает кусок оленины и слизывает с ножа кровь.

Сидящий напротив Оук ухмыляется и пытается подражать ей, но Ориана отбирает нож прежде, чем он успевает порезать язык.

Оук хихикает, берет мясо руками и рвет острыми зубами.

— Вам следует знать, что в скором времени король отречется от престола в пользу одного из своих сыновей. — Мадок обводит всех нас взглядом. — По всей вероятности, он выберет принца Даина.

По очередности рождения Даин только третий, но это неважно. Преемника выбирает Верховный Правитель — так обеспечивается стабильность Эльфхейма. Корону для первой Верховной королевы, Мэб, изготовили в ее кузнице. Согласно преданию, кузнецом был некто Гримсен; из металла он мог изготовить что угодно: поющую птичку, скользящее по шее ожерелье, сдвоенный меч, который всегда попадает в цель. Выкованная чудесным образом, корона обладает магическими свойствами и переходит только от одного кровного родственника к другому по непрерывной династической линии. Вместе с короной переходят и клятвы всех, кто присягал ей. И хотя ее подданные собираются вместе при каждой новой

коронации, чтобы подтвердить свою преданность, власть по-прежнему заключена в самой короне.

— А почему он отрекается? — спрашивает Тарин.

— Его детям надоело ждать. — Губы Виви кривятся в злобной усмешке. — Старик зажился.

Лицо Мадока накрывает тень гнева. Мы с Тарин не смеем дразнить его из опасения, что генеральское терпение не беспредельно, но Виви — знаток в таких делах. Когда он отвечает, я вижу, каких усилий ему стоит не дать волю чувствам.

— Немногие короли фейри правили столь успешно на протяжении столь долгого времени, как Элдред. Теперь он отправляется на поиски Обещанной земли.

Насколько мне известно, Обещанной землей они называют смерть, хотя и не признаются в этом. Говорят, это место, откуда вышел Народ и куда он в конце концов вернется.

— То есть вы хотите сказать, он уходит, потому что стар? — спрашиваю я несмело — а вдруг это невежливо? Есть хобы, которые рождаются с морщинистыми лицами, как крохотные, безволосые котята, а есть гладкокожие никси, чей подлинный возраст выдают только их древние глаза. Думаю, времени они просто не замечают.

Ориане мой вопрос удовольствия не доставил, но и шикнуть на меня она не пытается, так что, возможно, никакой черты я не переступила. Или, может быть, ничего, кроме плохих манер, эта фейри от меня и не ждет.

— Мы не умираем от старости, но, бывает, устаем от жизни, — тяжело вздыхает Мадок. — Я воевал от имени Элдреда. Громил отказывавших ему в верности. Мне даже случалось выступать против королевы Подводного мира. Но Элдред потерял вкус к кровопролитию. Он позволяет своим подданным бунтовать против него, и это в то время, когда другие Дворы отказываются подчиниться нам. Пришло время освободить трон для нового монарха, голодного, жадного до крови, не боящегося войны.

Ориона недоуменно хмурится.

— Твои родственники тоже предпочли бы видеть тебя целым и невредимым.

— Какой толк от генерала, если нет войны? — Мадок нервно припадает к кубку с вином, делает большой глоток. Интересно, часто ли ему требуется полоскать в крови свой берет? — Коронация нового короля намечена на осеннее равноденствие. И не беспокойся. У меня есть план. Я позаботился о нашем будущем. Твоя забота — приготовиться к тому, что придется много танцевать.

Я гадаю, что же это за план у него такой, и тут Тарин пинает меня ногой под столом. Поворачиваюсь, обжигаю ее сердитым взглядом, а она в ответ поднимает брови и одними губами шепчет:

— Спроси у него.

Мадок смотрит на нее.

— Да?

— Джуд хочет о чем-то вас спросить. — Хуже всего в этом то, что она считает, будто помогает мне.

Собираюсь с духом. По крайней мере он сегодня, похоже, в хорошем настроении.

— Я думаю о турнире. — Сколько раз представляла, как произношу эти самые слова, и вот сегодня, когда говорю их вслух, получается не совсем так, как надо. — Я неплохо владею мечом...

— Ты скромничаешь, — говорит Мадок. — В искусстве боя на мечех ты великолепна.

Звучит ободряюще. Краем глаза вижу, что Тарин застыла, затаив дыхание. И вообще, все за столом притихли, кроме Оука, который постукивает стаканом о блюдо.

— Я собираюсь участвовать в Летнем турнире и хочу заявить себя на выборы в рыцари.

Мадок вскидывает брови.

— Так ты этого хочешь? Работа опасная.

Киваю.

— Я не боюсь.

— Интересно, — задумчиво говорит он.

В груди глухо колотится сердце. Я продумала все нюансы этого плана, кроме одного: Мадок отказывает.

— Хочу сама пробить себе путь при Дворе.

— Ты не убийца, — говорит он, и я вздрагиваю. Наши взгляды сталкиваются. Его золотистые кошачьи глаза смотрят ровно и бесстрастно.

— Но могу ей стать, — не сдаюсь я. — Я тренируюсь уже десять лет. — С тех пор, как ты меня забрал. Я не говорю этого, но по моим глазам можно все прочесть.

Мадок печально качает головой.

— То, чего тебе не хватает, не зависит от тренировок.

— Нет, но...

— Довольно. — Мадок повышает голос. Мгновение-другое мы молчим, после чего он выдавливая из себя примирительную полуулыбку. — Дерись на турнире, если тебе так уж хочется, но на зеленый пояс не

рассчитывай. Быть рыцарем ты не готова. Если не передумаешь, если решение твердое, попроси еще раз после коронации. Когда-нибудь. Если же просто прихоть, то этого времени вполне достаточно, чтобы она прошла.

— Это не прихоть! — Слышу отчаяние в голосе и ненавижу себя за это, но я так надеялась, дни считала до турнира. От одной лишь мысли, что ждать придется еще несколько месяцев, а потом он снова откажет, становится не по себе.

— После коронации, — повторяет бесстрастно Мадок.

«Ты хоть знаешь, как трудно постоянно ходить с опущенной головой?» — хочется крикнуть мне. Проглатывать оскорбления и терпеть откровенные угрозы? Но я делала это все. Думала, что докажу, какая я крутая. Думала, что, если ты увидишь, что я могу принять все, что бы ни свалилось, с улыбкой на губах, ты поймешь, что я достойна.

«Ты не убийца».

Да он понятия не имеет, кто я на самом деле.

Может, я и сама не знаю. Может, никогда и не позволю себе это узнать.

— Из принца Даина выйдет прекрасный король. — Ориана ловко переводит разговор на более приятную тему. — Коронация — это месяц балов. Нам всем нужны новые платья. — Похоже, в это свое заявление она включает и нас с Тарин. — Роскошные платья.

Мадок кивает и улыбается во все зубы.

— Да, конечно, сколько пожелаете. Я позабочусь, чтобы вы выглядели лучше всех и танцевали до упаду.

Стараюсь дышать помедленнее и сосредоточиться на одном пункте. Влажные от оленьей крови, зернышки граната на блюде сверкают, как рубины. Когда-нибудь, сказал Мадок. Пытаюсь думать об этом. Когда-нибудь это не никогда.

Я с удовольствием получила бы бальное платье, вроде тех, что висят в гардеробе у Орианы: пышные, расшитые серебром и золотом, прекрасные, как рассвет. И на этом я тоже сосредоточиваюсь.

Но потом иду дальше и представляю себя в этом платье, с мечом на бедре, членом Двора, рыцарем Круга соколов. А еще я вижу Кардана — он напротив, у противоположной стены, стоит рядом с королем и потешается над моими претензиями.

Щипаю себя за ногу и жду, пока боль смочет все.

— Придется и тебе, как и всем нам, сносить свои башмаки, — говорит Виви. — Держу пари, Ориана изводится от беспокойства с того момента, когда Мадок подтолкнул тебя в сторону танцев. Боится, что не сможет тебя остановить. А самое страшное — вдруг ты хорошо проведешь время?

Ориана поджигает губы.

— Это, во-первых, несправедливо, а во-вторых, неправда.

Виви закатывает глаза.

— Было бы неправдой, я бы не смогла это сказать.

— Хватит! — Мадок хлопает ладонью по столу, и все вздрагивают. — Коронации — такое время, когда возможно многое. Грядут перемены, и прекословить мне неразумно.

О ком он говорит? О принце Даине? О неблагодарных дочерях? Или обо всех сразу?

— Вы боитесь, что кто-то еще попытается захватить трон? — спрашивает Тарин. Как и я, она воспитывалась на стратегиях, ходах и контрходах. Но в отличие от меня у нее есть тот же талант, что и у Орианы: Тарин умеет задать вопрос так, чтобы направить разговор в менее опасное русло.

— Беспокоиться стоит роду Зеленого вереска, а не мне. — Вопрос Мадок, похоже, нравится. — Некоторые из их подданных несомненно предпочли бы, чтобы не было ни Кровавой короны, ни Верховного короля. Его наследникам нужно уделять особое внимание тому, чтобы армии фейри были всем довольны. Опытный, умелый стратег ждет подходящей возможности.

— Только тот, кому нечего терять, решится атаковать трон, который защищаешь ты, — чинно говорит Ориана.

— Каждому есть что терять, — возражает Виви и корчит страшную физиономию Оуку. Мальчишка хихикает.

Ориана тянется было к нему, но потом останавливается. Ничего плохого на самом деле не происходит. Тем не менее я вижу блеск в кошачьих глазах Виви и не уверена, что у Орианы нет причины нервничать.

Виви хотела бы наказать Мадока, но все, что ей доступно, это быть занозой в его заднице. А значит, время от времени она мучает Ориану через Оука. На самом деле Виви любит Оука — как-никак он наш брат, — но она не настолько благородна, чтобы не научить его кое-чему плохому.

Мадок улыбается нам всем, являя собой картину общего согласия и довольства. Раньше я думала, что он не замечает всех токов напряжения в семье, но с годами стала понимать, что едва подавляемый конфликт несколько его не беспокоит, а, наоборот, нравится почти так же, как открытая война.

— Возможно, никто из наших противников не является особенно хорошим стратегом.

— Будем надеяться, что так оно и есть, — рассеянно роняет Ориана,

поднимая кубок с канарским вином и при этом не сводя глаз с Оука.

— У меня тост. За некомпетентность наших врагов.

Беру стакан, чокаюсь с Тарин и выпиваю все до капли.

* * *

Каждому есть что терять.

Думаю об этом с рассвета, кручу эту мысль в голове. Наконец, когда сил ворочаться без сна уже нет, накидываю халат поверх ночнушки и выхожу наружу. Солнце светит вовсю. Яркое, как кованое золото, оно слепит глаза. Я сижу на травянистой полянке возле конюшен и смотрю на дом.

До Орианы все это принадлежало моей матери. Тогда она была молодая и очень любила Мадока. Каково ей было здесь? Думала ли она, что будет счастлива? И когда поняла, что не будет?

До меня доходили слухи. Это совсем не мелочи — обмануть королевского генерала, убежать из Фейриленда с его ребенком в чреве и скрываться десять лет. На пепелище сгоревшего дома остались обугленные останки другой женщины. Она доказала свою крутизну, этого не отрицал никто. Будь мама чуть удачливее, Мадок никогда бы не догадался, что она жива.

Да, ей было что терять.

И мне есть что терять.

Но что дальше?

* * *

— Пропустим уроки сегодня, — говорю я Тарин после полудня. Я уже одета и готова и, хотя не спала, усталости совсем не чувствую. — Останемся дома.

Тарин смотрит на меня с глубокой озабоченностью, как мальчишка-пикси, недавно отданный Мадоку за долги; ее каштановые косы уже уложены короной. Она сидит чинно за своим туалетным столиком, вся в коричневом и золотом.

— Если ты говоришь не идти, значит, нужно идти. Что бы ты ни задумала, остановись. Понимаю, ты расстроилась из-за турнира...

— Это неважно, — отмахиваюсь я, хотя, конечно, это важно. Важно настолько, что без надежды на рыцарство я чувствую себя так, словно под ногами разверзлась пропасть и я в нее падаю.

— Мадок может и передумать. — Тарин спускается за мной по лестнице и, опередив, берет наши корзинки. — И по крайней мере теперь тебе не придется бросать вызов Кардану.

Я набрасываюсь на сестру, хотя уж она точно ни в чем не виновата:

— А ты знаешь, почему Мадок не дает мне разрешения? Потому что считает меня слабой.

— Джуд, — предупреждает Тарин.

— Я думала, от меня требуется быть хорошей и следовать правилам. Теперь все — хватит мне быть слабой. Хватит быть хорошей. Буду какой-нибудь другой.

— Только глупцы не боятся того, что страшно. — Спорить с этим невозможно, но и голос истины меня не убеждает.

— Давай пропустим сегодня занятия, — предлагаю я, но она не согласна, и мы вместе идем в школу.

Тарин настороженно наблюдает за мной, пока я разговариваю с командиром нашей группы в предстоящем потешном сражении, Фандой, пикси с синей, как лепесток цветка, кожей. Она напоминает, что завтра в рамках подготовки к турниру пройдет большая репетиция.

Я прикусываю губу и киваю. Мои мечты разбиты, но знать об этом никому не стоит. Пусть даже никто не знает, что у меня вообще были какие-то мечты.

Позже, сев перекусить, Кардан, Локк, Никасия и Валериан начинают вдруг кашлять, плевать и корчиться в ужасе. Все остальные, дети фейрийской знати, едят хлеб с медом, джем из цветков бузины с печеньем, пироги и жареных голубей, сыр и виноград. А вот у моих врагов все, что лежит в корзинке, каждый кусочек, тщательно и основательно посолено.

Кардан перехватывает мой взгляд, и я ничего не могу поделать — злобная ухмылка тянет вверх уголки рта. Его глаза вспыхивают, как уголья; ненависть, живое существо, дрожит и мерцает в воздухе между нами, словно воздух над черными скалами в жаркий летний день.

— Совсем сдурела? — шипит Тарин и трясет меня за плечо так, что поневоле приходится повернуться. — Только хуже все делаешь. Против них никто выступать не смеет, и на то есть причина.

— Знаю, — негромко отвечаю я и ничего не могу с собой поделать — улыбка так и держится на губах. — Есть. И не одна.

Тарин права, что беспокоится. Я только что объявила войну.

ГЛАВА 6

Я все рассказала неправильно. Есть вещи из нашего детства в мире фейри, о которых я умолчала. И умолчала, по большей части, из-за трусости. О них я даже самой себе думать не позволяю.

Но, может быть, знание кое-каких важных деталей моего прошлого поможет понять, почему я такая, какая есть. Понять, как страх пропитал меня до мозга костей.

Почему я всегда такая дерганая.

Итак, вот три вещи, о которых я должна была сказать, но не сказала:

1. Когда мне было девять, один из стражей Мадок откусил кончик моего безымянного пальца на левой руке. Мы были не в доме, и, когда я вскрикнула, он толкнул меня так, что я врезалась головой в деревянный столб в конюшне. А потом заставил меня стоять и смотреть, как пережевывает мой палец. Он рассказал мне в подробностях, как сильно ненавидит смертных. Крови было много — никогда бы не подумала, что из пальца может столько вытечь. Когда кровь перестала идти, страж объяснил, что мне лучше помалкивать о случившемся, потому что, если только я проболтаюсь, он съест меня целиком. Конечно, я никому ничего не сказала и только вот теперь говорю вам.

2. Когда мне было одиннадцать, меня заметили прячущейся под банкетным столом во время очередного пиршества. Меня, отбрыкивающуюся и вертящуюся, один скучающий гость выволок за ногу. Не думаю, что он знал, кто я такая, — по крайней мере так я себе говорю. Но он заставил меня пить, и я выпила — травянистого зеленого вина, нектаром протекшего по моему горлу. Он танцевал со мной вокруг холма. Сначала было весело. Страшно и забавно, как бывает, когда половину времени ты визжишь и просишь опустить тебя на землю, а вторую половину у тебя кружится голова и тошнота поднимается снизу. Но потом, когда веселье выветрилось, а я все не могла остановиться, остался только страх. А его это только забавляло. В самом конце пирушки меня нашла принцесса Эловин: я рыдала, и меня рвало. Ни о чем не спрашивая, не поинтересовавшись даже, как я оказалась в таком положении, она просто, как брошенную в неподобающем месте вещь, передала меня Ориане. Мадок мы об этом ничего не сказали. А какой смысл? Все, кто меня видел, подумали, наверно, что я отлично веселилась.

3. Когда мне было четырнадцать, а Оуку четыре, он зачаровал меня, но

сделал это не нарочно, по крайней мере он так и не понял, почему не должен был так поступать. Никаких защитных чар на мне не было, потому что я только-только вышла из ванны. Оук не хотел спать и попросил меня поиграть с ним в куклы, и мы стали играть. Он приказал мне играть с ним в догонялки, и мы носились по залам. Потом заставил меня шлепать себя по щекам, и это было так весело. Через несколько часов на нас наткнулась Таттерфелл и, увидев мои красные щеки и слезы в глазах, побежала за Орианой. Еще через несколько недель хихикающий Оук пытался заставить меня таскать для него сладости, поднимать его над головой или плевать на обеденный стол. И хотя ничего из этого не сработало, поскольку со времен его первой шалости я постоянно носила на шее нитку ягод рябины, понадобилось несколько месяцев, прежде чем у меня пропало желание стукнуть его об пол. За эту сдержанность Ориана так меня и не простила, посчитав, что, не поквитавшись за обиду тогда, я лишь отложила месть на потом.

Вот почему я не люблю эти истории: они показывают мою уязвимость. Как бы осторожна я ни была, рано или поздно я совершу еще одну ошибку. Я слабая. Я хрупкая. Я смертная.

И вот это я ненавижу больше всего.

Если даже, каким-то чудом, я превзойду их, я никогда не стану одной из них.

ГЛАВА 7

Они с отмищением не медлят.

Уроки истории продолжаются всю вторую половину дня и начало вечера. Котоголовый гоблин по имени Ярроу читает наизусть баллады и задает вопросы. С каждым моим правильным ответом Кардан злится все сильнее и уже не скрывает своего неудовольствия: жалуется Локку — мол, какие скучные эти уроки, — высмеивает преподавателя.

На этот раз заканчиваем еще засветло. Мы с Тарин отправляемся домой, и сестра то и дело бросает на меня предостерегающие взгляды. Солнечный свет слабеет, проходя между деревьями. Я делаю глубокий вдох, втягивая в себя запах сосновых иголок. Понимаю, что поступила глупо, но ощущаю странное спокойствие.

— Это на тебя не похоже, — говорит наконец Тарин. — Ты же обычно не ищешь ссор.

— Умиротворять их, делать вид, что ничего не случилось, этим делу не поможешь. — Я подцепляю ногой и отшвыриваю камешек. — Чем больше им сходит с рук, тем сильнее они укрепляются в мысли, что им это дозволено.

— Так ты что, собираешься учить их хорошим манерам? — вздыхает сестра. — Даже если кто-то и должен это сделать, то не обязательно ты.

Тарин права. Ярость, что кружит голову, пройдет, и я еще пожалею о неуместной шутке. Возможно, хорошо выпавшись, я ужаснусь содеянному так же, как она. Конечно, пролить бальзам на уязвленную гордость всегда приятно, но что в итоге? Одной проблемой больше.

«Ты не убийца.

То, чего тебе недостает, не зависит от тренировок».

И все же сожалений нет. Ступив с края, я хочу лишь падения.

Начинаю говорить, и вдруг чья-то ладонь зажимает рот. Пальцы впиваются в кожу вокруг губ. Бью, разворачиваюсь и вижу, как Локк держит Тарин за талию. Меня хватают за запястья. Вырываюсь, кричу, но в мире фейри крики все равно что птичье пение — обычное дело, не привлекающее внимания.

Нас ведут через лес. Смеются, вопят. Слышу, как Локк говорит что-то о жаворонках, но его слова тонут в шуме веселья. Кто-то толкает меня в плечо, и я падаю в обжигающе холодную воду, накрывающую меня с головой. Отплевываюсь, пытаюсь дышать. Во рту вкус грязи и камыша. Мы

с Тарин по пояс в реке, и течение толкает нас ниже, на глубину. Погружая ноги глубже в ил, чтобы не унесло. Тарин ухватилась за камень. Волосы у нее мокрые — должно быть, поскользнулась.

— Здесь, в реке, никси, — сообщает с берега Валериан. — Не выберетесь быстро, найдут, утащат под воду и будут там держать. Да еще кусать своими острыми зубами. — Он клацает, изображая, как именно никси будут нас кусать.

Вся компания собралась на берегу. Ближе всех Кардан, рядом с ним Валериан. Локк проводит ладонью по верхушкам камышей и рогозы. Вид у него отсутствующий. И добрым он сейчас не кажется. Похоже, ему все надоели: и друзья, и мы.

— Никси, они такие, — говорит Никасия и бьет ногой по воде. Брызги летят мне в лицо. — Сама не заметишь, как утонешь.

Я еще глубже погружаю ноги в ил. Вода наполняет сапоги, двигать ногами становится все труднее, но зато мне удастся стоять неподвижно. Вот только как добраться до Тарин, не поскользнувшись?

На берегу Валериан опустошает наши школьные сумки и вместе с Никасией и Локком швыряет содержимое в реку. Мои тетради в кожаном переплете. Рулоны бумаги, растворяющиеся в воде. Книги с балладами и рассказами падают с внушительным всплеском и застревают, вклинившись между двумя камнями. Моя чудесная ручка и перья поблескивают на дне. Чернильница разбивается о камни, и река окрашивается алым.

Кардан наблюдает за мной. Хотя он еще и пальцем не шевельнул, я знаю, чьих это рук дело. В его глазах я вижу неприкрытую враждебность фейри.

— Весело? — кричу я. Меня переполняет ярость, и места для страха просто не остается. — Забавляетесь?

— По полной, — отвечает Кардан, и его взгляд скользит от меня туда, где под водой прячутся тени. Никси? Не знаю. Я понемногу продвигаюсь к Тарин.

— Это же просто игра, — говорит Никасия. — Но иногда мы играем слишком жестоко и не жалеем наши игрушки, а они ломаются.

— Но мы сами вас топить не станем, — добавляет Валериан.

Нога скользит по камню, и я ухожу под воду, бьюсь беспомощно, подхваченная течением, глотаю мутную воду, паникую, выбрасываю руку и хватаюсь за корень дерева. Снова становлюсь на обе ноги, пытаюсь отдышаться, откашляться.

Никасия и Валериан смеются. На лице Локка застыло бесстрастное выражение. Кардан шагнул в камыши, как будто чтобы лучше все видеть.

Взбешенная, я возвращаюсь к Тарин, которая подается ко мне и крепко хватает за руку.

— Думала, ты утонешь. — Голос у сестры дрожит, и я вижу, что она на грани истерики.

— Все в порядке. — Тянусь к камню, нахожу побольше и поднимаю. Он зеленый и скользкий, весь облепленный водорослями. — Если на нас набросятся никси, отобьемся.

— Отступись. — Кардан смотрит прямо на меня. На Тарин он даже не взглянул. — Не надо было тебе заниматься с нами. Оставь все мысли о турнире. Скажи Мадоку, что тебе там не место, что мы лучше вас. Сделаешь это, и я вас спасу.

Я смотрю на него в упор и молчу.

— Тебе нужно только сдаться, — добавляет он. — Легко.

Поворачиваюсь к сестре. Тарин промокла и напугана, и это моя вина. Лето жаркое, но в реке холодно, а течение сильное.

— Тарин ты тоже спасешь?

— О, так ради нее ты все же сделаешь то, что я скажу? — Кардан пожирает меня жадным взглядом. — А это благородно? — Он берет паузу, и в этой тишине я слышу лишь сбивчивое дыхание сестры. — Благородно?

Я смотрю на никси, выжидаю, но никаких признаков движения с их стороны не видно.

— Что ты хочешь знать?

— Интересно. — Кардан делает еще шаг к воде и опускается на корточки. Теперь наши глаза на одном уровне. — В Фейриленде так мало детей, что я никогда не видел среди нас близнецов. И каково оно, быть близняшкой? Как ты себя чувствуешь? Словно тебя удвоили или как будто поделили? — Я не отвечаю. Вижу, как Никасия берет под руку Локка, наклоняется и шепчет ему что-то. Он смотрит на нее уничижительно, и она недовольно надувает губы. Может, им досадно, что нас никто не ест.

Кардан хмурится.

— Сестра-близняшка. — Он поворачивается к Тарин, и на его губах снова вспыхивает улыбка, как будто ее зажгла какая-то очередная ужасная идея. — А ты принесешь похожую жертву? Давай выясним. У меня есть к тебе щедрое предложение. Вылезает на берег и целуешь меня в обе щеки. Сделаешь это, и, если не станешь защищать сестру словом и делом, я не буду считать тебя ответственной за ее дерзкое поведение. Ну что? Хорошая сделка? Но для начала ты выходишь сюда, к нам, а ее оставляешь там. Покажи ей, что она всегда будет одна.

На мгновение Тарин замирает, словно заледенев.

— Иди, — говорю я. — Обо мне не беспокойся.

И все равно смотреть, как она бредет к берегу, больно. Но, конечно, так нужно. Тарин будет в безопасности, а цена значения не имеет. Нечто бледное отделяется от остальных и плывет к ней, но, завидев мою тень в воде, приостанавливается. Я делаю движение, будто бросаю камень, и оно дергается. Им нравится легкая добыча.

Валериан берет Тарин за руку и, словно некоей важной особе, помогает выйти из воды. Ее платье промокло, с него стекает вода, и она идет, будто водный дух или морская нимфа. Ступив на берег, Тарин прижимается посиневшими губами сначала к одной щеке Кардана, потом к другой. Глаза у нее закрыты, у него же открыты, и он наблюдает за мной.

— Скажи «я отрекаюсь от сестры моей Джуд», — говорит ей Никасия. — «Я не стану помогать ей. Она мне даже не нравится».

Тарин бросает в мою сторону быстрый, извиняющийся взгляд.

— Я не обязана это говорить. В сделку такое не входило.

Все смеются. Кардан раздвигает ногой камыши и чертополох. Локк пытается что-то сказать, но Кардан перебивает его.

— Твоя сестра отказалась от тебя. Видишь, чего можно достичь несколькими словами? И это еще не самое плохое. Мы можем сделать и кое-что похуже. Можем околдовать тебя так, что ты станешь бегать на четвереньках и лаять, как собачонка. Можем наложить проклятие, и ты зачахнешь из-за того, что никогда не услышишь какую-то песню или доброе слово от меня. Мы — не смертные. Мы ломаем тебя. Ты всего лишь девчонка, хрупкая и слабая. Нам даже стараться не придется. Сдавайся.

— Нет, — говорю я. — Никогда.

Он усмехается.

— Никогда? «Никогда», как и «всегда», слишком сложное понятие для смертных.

Тени в воде остаются на месте. Возможно, эти существа не решаются напасть из-за присутствия Кардана и других, которых они воспринимают как моих друзей и которые, если что, придут на помощь и защитят меня. Я жду следующего шага Кардана и внимательно за ним наблюдаю. Надеюсь, вид у меня не покорный, а дерзкий и вызывающий. Он пристально и ужасно долго разглядывает меня, потом говорит:

— Думай о нас. Всю долгую дорогу домой. Мокрая и униженная. Думай над своим ответом. Это меньшее из того, что мы можем сделать, — с этим Кардан отворачивается от нас, и через мгновение его примеру следуют остальные. Я провожаю его взглядом. Смотрю им всем вслед.

Наконец они скрываются из вида, и я вылезаю на берег и падаю на спину в грязь, рядом со стоящей Тарин. Пытаюсь отдышаться. Никси поднимаются к поверхности и смотрят на нас жадными, с молочным отливом глазами. Одна начинает выползать на берег.

Я швыряю камень, промахиваюсь, но брызги летят во все стороны, и наступление приостанавливается.

Постанывая, поднимаюсь и иду. Тарин плетется рядом и всю дорогу тихонько всхлипывает, а я думаю о том, как ненавижу их и как ненавижу себя. А потом уже ни о чем не думаю, а просто переставляю одну за другой ноги, которые несут меня мимо терновника и папоротника, вязов и вишен, барбариса и чернослива, мимо древесных духов, притаившихся среди розовых кустов, спешу домой, к ванной и постели в мире, который не мой и, возможно, никогда моим не станет.

ГЛАВА 8

Будит меня Вивьен. Запрыгивает на кровать и стаскивает одеяло. Голова гудит. Я прижимаю к лицу подушку, поворачиваюсь на бок и стараюсь не обращать на нее внимания.

— Вставай, соня. — Она снова стягивает с меня одеяло. — Мы идем в торговый центр.

Я бормочу что-то и отмахиваюсь от нее.

— Вставай! — Она снова прыгает на кровать.

— Нет. — Я зарываюсь глубже в постель. — Мне надо подготовиться к турниру.

Виви перестает прыгать, а я вдруг вспоминаю, что готовиться не к чему. Что драться уже не придется. Я, правда, заявила Кардану, что никогда не сдамся, но...

Вспоминаю реку, никси и Тарин.

И как сестра оказалась права, а я, блестяще и великолепно, не права.

— Я куплю тебе кофе. С шоколадом и взбитыми сливками, — безжалостно продолжает Виви. — Идем. Тарин уже ждет.

То ли сползаю, то ли сваливаюсь с кровати. Поднимаясь, чешу ногу и сердито смотрю на старшую сестру. В ответ она мило улыбается, и я вдруг ловлю себя на том, что раздражение вопреки всему уходит. Виви часто бывает эгоисткой, но относится к этому добродушно, никогда не унывает и пробуждает радостное себялюбие в других, так что с ней легко и весело.

Я быстро одеваюсь в человеческую одежду, которую держу в самой глубине гардероба: джинсы, старый серый свитер с черной звездой и пару блестящих серебристых конверсов.

Прячу волосы под вязаной шапочкой, и, когда ловлю свое отражение в высоком, в полный рост, зеркале (украшенном по обеим сторонам фигурами двух непристойно ухмыляющихся фавнов), на меня словно смотрит совсем другой человек.

Может быть, та, какой я стала бы, воспитывай меня человек.

Кем бы он ни был.

В детстве мы постоянно говорили о том, как вернемся в мир людей. Виви снова и снова повторяла, что это можно будет сделать, как только она освоит начала магии. Мы собирались найти брошенный особняк, а Виви планировала заколдовать птиц, чтобы те заботились о нас. Они приносили бы нам пиццу и сладости, а в школу мы бы ходили, только когда сами того

хотели.

Однако, к тому времени когда Виви узнала, как попасть туда, в наши планы вмешалась реальность. Выяснилось, например, что птицы, даже заколдованные, не могут покупать пиццу.

Встречаю сестер перед конюшнями Мадока, где фейрийские кони с серебряными подковами стоят в стойлах рядом с огромными оседланными жабами и оленями с широкими, увешенными колокольчиками рогами. На Виви черные джинсы и белая рубашка, кошачьи глаза прячутся за солнцезащитными очками с зеркальными стеклами. Тарин надела розовые джеггинсы, пушистый кардиган и полусапожки.

Мы стараемся подражать девушкам в мире людей, девушкам в журналах и на экранах кинотеатров, в которых мы едим такие сладкие конфеты, что у меня сводит зубы. Что думают люди, когда видят нас, я не знаю. Эти одежды для меня — костюм. О том, какие чувства вызывает девушка в сияющих конверсах, я знаю не больше, чем девчушка в наряде дракона знает о том, что означает для настоящего дракона цвет ее чешуи.

Виви срывает несколько стебельков крестовника, растущего возле корыт с водой. Найдя три, отвечающих ее требованиям, она берет первый и дует на него, приговаривая:

— Встань, скакун, и неси нас, куда я прикажу.

С этими словами она бросает стебелек на землю, и он превращается в тощего желтого пони с изумрудными глазами и гривой, напоминающей ажурную листву. Пони издает странное ржание. Виви бросает на землю два оставшихся стебля, и секундой позже уже три пони храпят и шумно втягивают ноздрями воздух. Пони немного похожи на морских коньков и могут бегать как по суше, так и по небу, подчиняясь командам Виви. Сил им хватает на несколько часов, после чего они падают и снова превращаются в траву.

Оказывается, перемещаться между миром фейри и миром смертных вовсе и не трудно. Фейри живут как около, так и под городами людей, в их тени, в холмах, долинах, на возвышенностях и в брошенных смертными зданиях. Виви — не единственная фейри с наших островов, которая регулярно перебирается через море в мир смертных, маскируясь под людей и смешиваясь с толпой. Всего лишь месяц назад Валериан хвастал тем, как он с друзьями обманным путем заставил каких-то туристов обедаться палыми листьями, которые в глазах людей выглядели деликатесами.

Забираюсь на своего пони и обнимаю его за шею. Каждый раз, когда мы отправляемся в путешествие и пони трогает с места, я невольно улыбаюсь. Наверно, все дело в невероятности происходящего:

пролетающих мимо лесах, в захватывающем дух прыжке в небо, когда ощущаешь приток чистого адреналина.

Я проглатываю поднимающийся вверх по горлу восторженный вой.

Мы летим над скалами и морем, наблюдая за резвящимися в сияющих волнах русалками и нежащимися вдоль линии прибоя селками. Над туманом, постоянно окружающим острова и скрывающим их от смертных. Мы устремляемся к берегу — мимо государственного парка, поля для гольфа и аэропорта. Приземляемся на лесистом участке, через дорогу от торгового центра. Рубашка Виви трепещет на ветру.

Мы с Тарин спешиваемся. Виви произносит несколько слов, и три наших пони превращаются в три полузасохшие травинки, не отличимые от обычной травы.

— Запомните, где припарковались, — усмехается Тарин, и мы направляемся к моллу.

Виви здесь нравится. Она пьет манговый смузи, примеряет шляпки, покупает все, чего бы мы ни пожелали, и расплачивается желудями, которые кассиры принимают за деньги. Тарин не любит то, что делает Виви, но ей здесь весело. А вот я чувствую себя призраком в торговом центре.

Шествуем через отдел «Джей Си Пенни», словно мы опасная банда. Но когда я вижу семьи, особенно семьи с хихикающими, вымазанными сладостями сестрами, мне становится не по себе.

Меня охватывает злость.

Я не представляю себя вернувшейся в такую же, как у них, жизнь. Я представляю, как приду и напугаю всех до слез.

Не напугаю, конечно.

То есть... не думаю, что напугаю.

Тарин, похоже, замечает, что мой взгляд цепляется за хнычущего рядом с матерью ребенка. В отличие от меня Тарин легко приспосабливается. Знает, что и когда нужно сказать. Если нас зашвырнет в этот мир, она и здесь будет в порядке. Влюбится, как и сказала. Станет женой и будет растить детей-фейри, которые будут обожать мамочку и переживут ее. Единственное, что ее удерживает, — это я.

Хорошо, что она не знает, о чем я думаю.

— Итак, — говорит Виви, — мы здесь потому, что вам обоим нужно взбодриться. Ну так вперед!

Смотрю на Тарин, делаю глубокий вдох... Я готова извиниться. Не знаю, это ли имела в виду Виви, но мысль сидит у меня в голове с самого утра.

— Извини...

— Ты, наверно, злишься, — выпаливает одновременно со мной Тарин.

— На тебя? — Я делаю большие глаза.

Тарин опускает голову.

— Я дала слово Кардану, что не стану помогать тебе, хотя пошла с тобой, чтобы помочь.

Трясу головой.

— Это ты должна сердиться. Правда, Тарин. Тебя ведь из-за меня бросили в реку. И ты правильно сделала, что выбралась оттуда. Я бы никогда не стала злиться.

— О... Ладно.

— Тарин рассказала, какую шутку вы сыграли с принцем, — говорит Виви. Я вижу свое множащееся отражение в ее очках и Тарин рядом. — Неплохо, но теперь вам предстоит сделать кое-что похуже. У меня есть некоторые идеи.

— Нет! — горячо возражает Тарин. — Джуд ничего не нужно делать. Она просто расстроилась из-за Мадока и турнира. Если она не станет обращать на них внимания, то и они перестанут. Может, не сразу, но перестанут.

Прикусываю губу — думаю, Тарин обманывается.

— Забудь Мадока. Служить рыцарем в любом случае скучное занятие. — Виви одним махом разделяется с тем, к чему я стремилась и готовилась годами.

Вздыхаю. Досадно, конечно, но, с другой стороны, мне легче оттого, что она не придает большого значения тому, из-за чего я уже начала отчаиваться.

— Так что ты придумала? — обращаюсь я к Виви, потому что хочу поскорее закончить это обсуждение. — Пойдем в кино? Или посмотрим губную помаду? Ты ведь вроде бы обещала мне кофе.

— Я хочу познакомить вас с моей подругой, — говорит Виви, а я вспоминаю розоволосую девушку на фотографиях. — Она попросила меня переехать к ней...

— Сюда? — спрашиваю я, как будто есть какое-то другое место.

— В молл? — Виви видит что-то забавное в наших лицах и смеется. — Мы с ней встретимся здесь сегодня, но для жилья подыщем, наверно, что-то другое. Хизер не знает о существовании Фейриленда, так что и вы о нем не упоминайте, ладно?

Превращать крестовник в пони Виви научилась, когда нам с Тарин было лет десять. Через несколько дней мы втроем сбежали из дома Мадока.

Возле заправочной станции Виви наложила чары на какую-то случайно встретившуюся женщину и убедила ее взять нас домой. До сих пор помню ее пустое, невыразительное лицо. Я пыталась ее рассмешить, но, как ни старалась, какие рожицы ни строила, ничего не действовало. Мы переночевали в ее доме, наевшись до тошноты мороженого. Я наплакалась и уснула, прижавшись к всхлипывающей Тарин.

На следующий день Виви нашла комнату с плитой в мотеле, и мы учились готовить макароны с сыром из пакета. Еще варили кофе, потому что помнили, как пахло им в нашем старом доме, смотрели телевизор и плавали в бассейне с другими остановившимися в мотеле детьми.

Меня от всего этого разве что не тошнило.

Мы с Тарин выдержали так две недели, а потом упросили Виви вернуть нас домой, в Фейриленд. Нам не хватало наших постелей, пищи, к которой мы привыкли, магии.

Думаю, это разбило Виви сердце, но мы вернулись. Что ни говори о Виви, в нужный момент она стояла за нас.

Наверно, мне не стоит удивляться, что оставаться навсегда наша старшая сестра не планировала.

— Ты почему нам не сказала? — возмущается Тарин.

— Вот и говорю. И уже сказала. — Виви ведет нас мимо магазинов с видеоиграми, ярких витрин с бикини и струящимися платьями макси, претцелей с сыром и прилавков с сияющими бриллиантовыми сердечками, обещающими вечную любовь.

Рядом идут люди, группки подростков в свитерах, пожилые, держащиеся за руки пары.

— Надо было сказать раньше, — заявляет, подбоченясь, Тарин.

— Уверена, мой план приободрит вас, — говорит Виви. — Мы все возвращаемся в мир людей. Находим жилье вместе с Хизер. Джуд не придется беспокоиться из-за рыцарства, а Тарин не надо будет вешаться на какого-нибудь глупого мальчишку-фейри.

— А Хизер об этом твоём плане знает? — скептически спрашивает Тарин.

Виви с улыбкой качает головой.

— Ну конечно. — Я пытаюсь превратить все в шутку. — Вот только ничего такого, за что платят, я делать не умею; только мечом размахивать да загадки придумывать.

— Мир смертных — это мир, где мы выросли, — стоит на своем Виви и, вскочив на скамейку, идет по ней, словно актер по сцене. — Вот увидите, вы снова к нему привыкнете.

— Где ты выросла. — Ей было девять, когда нас забрали, и, разумеется, она помнит о людях намного больше, чем мы. И это несправедливо, потому из нас троих она единственная, кто знает магию.

— Но ведь фейри и дальше будут обращаться с вами как с мусором. — Виви соскакивает со скамейки прямо перед нами. Ее кошачьи глаза вспыхивают. Какая-то леди с детской коляской резко сворачивает, чтобы не налететь на нас.

— Что ты имеешь в виду? — Я отворачиваюсь от Виви и сосредотачиваюсь на узоре на керамической плитке под ногами.

— Ориана ведет себя так, как будто тот факт, что вы обе смертные, — это сюрприз, который сваливается на нее каждое утро. Мадок убил наших родителей. А еще есть те придурки в школе, о которых вы даже говорить боитесь.

— Я как раз и говорила об этих придурках. — Не хочу показать, как шокирована ее словами о наших родителях.

Виви ведет себя так, словно мы не помним, словно такое можно забыть. Так, будто это ее личная трагедия.

— И кажется, тебе это не понравилось, как они себя вели. — Виви чрезвычайно довольна собой. — Неужели ты действительно думала, что если станешь рыцарем, то все изменится к лучшему?

— Не знаю.

Виви поворачивается к Тарин.

— Ну а ты?

— Фейриленд — единственный мир, который мы знаем. — Тарин поднимает руку, предвосхищая возможное возражение. — Здесь у нас не было бы ничего. Ни балов, ни магии, ни...

— Что ж, а вот мне здесь нравится, — бросает, перебивая ее, Виви и направляется к магазину «Эппл стор».

Разумеется, мы уже обсуждали эту тему раньше. Виви считает нас дурочками, потому что мы не в состоянии сопротивляться энергии фейри и хотим и дальше оставаться в этом опасном месте. Может быть, проведя несколько лет, мы настолько испортились, что принимаем плохое за хорошее. А может, мы просто глупы, как глупы все те смертные, которые сохнут и чахнут без гоблинского фрукта. Или, может быть, это все неважно.

У входа в магазин какая-то девочка играет со своим телефоном. Нет, не какая-то девочка, а та самая девушка. Хизер — маленькая, с тусклыми розовыми волосами и смуглой кожей. На ней футболка с нанесенным вручную рисунком на груди. На пальцах — чернильные пятна. До меня вдруг доходит, что она, возможно, и рисует те комиксы, от которых не

отрывается Виви.

Я уже начинаю присаживаться в реверансе, но вовремя вспоминаю, где мы находимся, и неловко протягиваю руку.

— Сестра Виви — Джуд. А это — Тарин.

Девушка пожимает мне руку. Ладонь у нее теплая, рукопожатие такое слабое, что почти и не ощущается.

Как интересно. Виви, изо всех сил старавшаяся ни в чем не походить на Мадока, в конце концов, как и Мадок в свое время, влюбилась в смертную девушку.

— Хизер, — говорит девушка. — Рада с вами познакомиться. Ви о своей семье почти никогда не рассказывает.

Тарин и я переглядываемся. Ви?

— Посидим или как? — Хизер кивает в сторону фуд-корта.

— Мне кое-кто должен кофе. — Я выразительно смотрю на Виви.

Делаем заказ, садимся, пьем. Хизер рассказывает, что учится в местном колледже на факультете искусств. Говорит о своем увлечении, комиксах и о музыкальной группе, в которой играет. Мы отбиваемся и уклоняемся от неудобных вопросов. Врем. Потом Виви поднимается и уходит с нашим подносом — отнести мусор, а Хизер спрашивает, первая ли она подруга Виви, с которой та позволила нам встретиться.

Тарин кивает.

— Наверно, это означает, что ты очень ей нравишься.

— Так что, я теперь смогу побывать у вас? Мои родители уже готовы купить Ви зубную щетку. Как же получилось, что я еще не познакомилась с вашими?

Я едва не расплескиваю свой мокко.

— А она рассказывала тебе о нашей семье?

Хизер вздыхает.

— Нет.

— Наш папа придерживается очень консервативных взглядов.

Какой-то парень с торчащими наподобие шипов волосами и бумажником с цепочкой бросает улыбку в моем направлении. Что ему надо? Представить не могу. Может, он знает Хизер? Она никак на него не реагирует. И я не улыбаюсь в ответ.

Потом мы все вчетвером гуляем по торговому центру, пробуем фиолетовую помаду и угощаемся засахаренными яблоками, от которых зеленеет язык. Я в полнейшем восторге от этой химии, которая, несомненно, отравила бы всех придворных лордов и леди.

Хизер симпатичная и милая, но понятия не имеет, во что впутывается.

Возле «Ньюбери комикс» мы вежливо прощаемся. Виви жадными глазами наблюдает за тремя мальчишками, выбирающими забавные фигурки с трясущимися головами. Интересно, о чем она думает, бывая среди людей? В такие вот моменты сестра напоминает волка, изучающего повадки овец. Но, целуя Хизер, Виви абсолютно искренна.

— Рада, что вы соврали ради меня, — говорит она, когда мы снова идем по моллу.

— Рано или поздно тебе тоже придется ей соврать. Если, конечно, у тебя и впрямь все так серьезно. Если ты и в самом деле намерена перебраться в мир смертных, чтобы быть с ней.

— И когда ты переберешься, она все равно захочет познакомиться с Мадоксом, — напоминает Тарин, хотя я и вижу, что Виви желала бы максимально оттянуть этот момент.

— Любовь — дело благородное. — Наша старшая сестра качает головой. — Как может быть плохим то, что совершается во имя благородного дела?

Я фыркаю. Тарин жует губу.

В конце экскурсии по моллу останавливаемся возле аптечного киоска, и я покупаю тампоны. Каждая такая покупка служит напоминанием о том, что, хотя фейри и похожи на нас, они все-таки другая порода. Даже Ви — другая. Рву упаковку пополам и отдаю половину Тарин.

Знаю, что вас интересует. Нет, у них месячные не раз в месяц. И, да, они у них есть. Раз в год. Иногда чаще.

В общем, тема деликатная.

Мы уже возвращаемся через автомобильную стоянку к нашим заколдованным пони, когда какой-то парень примерно нашего возраста касается моей руки, и его теплые пальцы смыкаются над запястьем.

— Привет, милашка. — Черная, на пару размеров больше нужного рубашка, джинсы, бумажник с цепочкой, волосы-колючки. Из ботинка выглядывает рукоятка дешевого ножа. — Я тебя видел и хотел...

Думать некогда — молниеносный поворот, и мой кулак с хрустом врезается в челюсть. Тяжелый ботинок проваливается в живот, и обидчик падает и катится по тротуару. Я моргаю и обнаруживаю, что стою над парнишкой — тот хватает открытым ртом воздух и жалобно всхлипывает. Моя нога в тяжелом ботинке поднята, и я готова ударить в горло, перебить трахею. Несколько остановившихся поблизости смертных с ужасом смотрят на меня. Нервы звенят, но это возбуждающий звон. Я готова продолжать.

Думаю, он пытался флиртовать со мной.

А я даже не помню, как решила его ударить.

— Идем! — Тарин дергает меня за руку, и мы втроем срываемся с места и бежим. Кто-то кричит.

Оглядываюсь через плечо. Один из приятелей того паренька бросился за нами вдогонку.

— Дрянь! — кричит он. — Дрянь психованная! Мило кровью исходит!

Виви шепчет несколько слов и делает какое-то движение у нас за спиной. Из тротуара, раздвигая трещинки, стремительно пробивается трава-росичка. Наш преследователь вдруг останавливается с растерянным выражением на лице, когда перед ним проносятся пикси. Словно потеряв чувство направления, он бредет между рядами машин. Чтобы найти нас, ему нужно вывернуть наизнанку одежду, но поскольку он об этом не знает, то и поиски обречены на неудачу.

Останавливаемся в самом конце парковки.

— Мадок бы тобой гордился, — хихикает Виви. — Его малышке обучение пошло на пользу. Цветок романа безжалостно растоптан на корню.

Потрясенная случившимся, я молчу. Впервые за долгое время я сделала что-то настоящее, достойное уважения и теперь чувствую себя не просто лучше, а великолепно. То есть не чувствую ничего, только восхитительную пустоту.

— Видишь, — говорю я Виви. — Мне нельзя возвращаться в этот мир. Посмотри, что я с ним сделаю.

На это ей возразить нечем.

* * *

О случившемся думаю всю дорогу домой, а потом еще и в школе. Сидим на деревьях, а преподавательница из Прибрежного Двора объясняет, как все увядает и умирает, рассказывает о разложении и смерти. Кардан бросает в мою сторону многозначительные взгляды, но я думаю о том спокойствии, которое ощутила, когда ударила мальчишку. А еще о завтрашнем Летнем турнире.

Я мечтала о своем триумфе на нем. Никакие угрозы Кардана меня бы не остановили. Я бы сражалась во всю силу. Теперь же его угрозы и есть единственная причина, обязывающая меня драться. Не отступить, не сдаться — в этом своя, особая гордость.

В перерыве мы с Тарин забираемся на дерево и едим сыр и овсяные лепешки, намазанные черемуховым вареньем. Потом меня подзывает Фанд. Спрашивает, почему меня не было на репетиции.

— Забыла, — отвечаю я. Поверить в это нелегко, но мне наплевать.

— Но ты же будешь драться завтра?

Если откажусь, Фанд придется перетасовывать команды.

Тарин с надеждой смотрит на меня, словно ожидая, что я опомнюсь.

— Буду, — отвечаю я, поворачивая туда, куда толкает гордость.

Занятия уже заканчиваются, когда я замечаю Тарин и Кардана, стоящих у кустов боярышника. Моя сестра плачет. Мне бы отвернуться и заняться книжками, сложить их в сумку. Я даже не видела, что там случилось и как Кардан отвел Тарин в сторону. Но я знаю, что она пошла бы независимо от повода. Тарин еще верит, что если мы будем делать все так, как они хотят, то рано или поздно им это надоест, и нас оставят в покое. Может, она и права, но мне наплевать.

По ее щекам текут слезы.

А в моей груди открывается бездонный колодец ярости.

«Ты не убийца».

Откладываю книги и иду через лужайку к ним. Кардан не успевает повернуться, как я толкаю его плечом с такой силой, что он ударяется спиной о дерево и удивленно смотрит на меня.

— Не знаю, что ты сказал моей сестре, но никогда больше к ней не приближайся, — говорю я, держа руку на лацкане бархатного камзола. — Ты дал ей слово.

Все ученики наблюдают за нами, затаив дыхание.

Секунду-другую Кардан смотрит на меня глупыми, черными, как у вороны, глазами. Потом его губы кривятся в ухмылке.

— Ты пожалеешь об этом.

Думаю, он не понимает, насколько я зла и как приятно, когда в кои-то веки ты ни о чем не сожалеешь.

ГЛАВА 9

Тарин отказывается говорить, что сказал ей принц Кардан. Твердит, что меня это никак не касается, что он не нарушил свое обещание, что мне надо оставить ее в покое и беспокоиться о себе.

— Джуд, сдайся. — Она сидит перед камином в своей спальне, пьет крапивный чай из глиняной чашки в форме змеи, закрученный хвост которой служит ручкой. На ней домашний халат алого цвета под стать пламени в очаге. Иногда, глядя на нее, я не могу поверить, что ее лицо также и мое. Она такая мягкая, милая, как девушка со старинной картины.

— Ты просто скажи мне, что такого он тебе сказал, — не отстаю я.

— Нечего говорить, — упирается Тарин. — Я знаю, что делаю.

— И что же ты делаешь? — допытываюсь я, вскинув брови, но она только вздыхает.

Я вспоминаю о Кардане, его длинных ресницах над блестящими, как уголь, глазами. Принц улыбался и злорадствовал, словно только и мечтал о том, чтобы мой кулак смял его рубашку. Словно если бы я ударила его, то лишь потому, что он заставил меня это сделать.

— Я все равно от тебя не отстану, — толкаю ее в бок. — По всем трем островам буду за тобой гоняться, пока не скажешь.

— Думаю, нам обеим было бы легче, если бы никому другому не приходилось это видеть, — говорит она и делает долгий глоток.

— Что? — Я так удивлена, что не знаю, чем ответить. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что пережила бы и издевки, и обиды, если бы ты об этом не знала. — Она твердо смотрит мне в глаза, словно прикидывая, сколько правды я смогу вынести. — Я просто не могу делать вид, будто все прекрасно, когда ты собственными глазами видела, что на самом деле случилось. Из-за этого ты иногда меня просто бесила.

— Это нечестно! — восклицаю я.

Она пожимает плечами.

— Знаю. Поэтому и говорю тебе. Неважно, что там сказал мне Кардан. Я хочу притвориться, будто ничего и не было, и мне нужно, чтобы и ты притворилась вместе со мной. Без напоминаний, без расспросов, без предостережений.

Уязвленная, поднимаюсь и подхожу к каминной полке. Прислоняюсь головой к резному камню. Сколько раз она говорила мне, что связываться с

Карданом и его приятелями глупо. И все же, учитывая сказанное сестрой сейчас, ко мне ее сегодняшние слезы никакого отношения не имеют. Следовательно, она сама, по собственной воле, вляпалась в какие-то неприятности.

Советов ей можно дать много, да вот только нет уверенности, что она хотя бы какие-то из них примет.

— Так чего ты хочешь от меня? — спрашиваю я.

— Хочу, чтобы ты все с ним уладила. Сила и власть за ним. Победить его невозможно. Ни храбрость, ни жестокость, ни ум здесь не помогут. Остановись и покончи с этим, пока не поздно.

Смотрю на нее непонимающе. Избежать гнева принца Кардана уже невозможно. Корабль ушел — и в гавани сгорел.

— Не могу.

— Ты слышала, что принц Кардан сказал у реки. Он хочет только одного: чтобы ты сдалась. Ты ведешь себя так, словно не боишься его, а это удар по его гордости, подрыв его статуса. — Тарин берет меня за руку, тянет к себе. В ее дыхании я чувствую острый запах трав. — Скажи ему, что он победил, что ты проиграла. Это всего-навсего слова. Ты можешь не придавать им значения.

Я качаю головой.

— Не дерись с ним завтра, — продолжает она.

— Я не выйду из турнира.

— Даже если победа в нем принесет еще большую беду?

— Да.

— Тогда сделай кое-что еще, — не унимается Тарин. — Найди какой-то выход. Уладь все, пока есть время.

О чем она умалчивает? Чего недоговаривает? Хотела бы я знать. Но, поскольку сестричка желает, чтобы я притворилась, будто все замечательно, мне не остается ничего, как только проглотить все свои вопросы и оставить ее наедине с камином.

* * *

Вернувшись в свою комнату, я вижу разложенный на кровати и пахнувший вербеной и лавандой комплект бойцовой экипировки. В-первых, это туника с легкой подбивкой и прошитая металлической нитью. Узор изображает перевернутый полумесяц, с уголка которого падает красная капля крови. Сам полумесяц покоится на кинжале. Это герб Мадока.

Надеть сегодня эту тунику и проиграть — невозможно, не опозорившись. Да, мое поражение будет неприятно Мадоку и, наоборот,

доставит некоторое удовольствие мне, послужит мелкой местью за его отказ разрешить поступить в рыцари, но чем потом смогу гордиться я?

Что мне должно сделать, так это снова опустить голову. Вести себя прилично и не мозолить глаза. Оставаться незамеченной. Позволить Кардану и его друзьям и дальше хвастать и выставляться. Держать свои умения при себе, чтобы удивить ими Двор, когда Мадок даст наконец свое согласие. Если, конечно, это когда-нибудь случится.

Вот так мне должно поступить.

Я сбрасываю тунику на пол, залезаю под одеяло, натягиваю его на голову и дышу своим собственным теплым дыханием. И так вот засыпаю.

Проснувшись после полудня, вижу, одежда помялась, и винить в этом некого, кроме себя самой.

— Глупое дитя, — выговаривает Таттерфелл, заплетая мои волосы в тугие боевые косички. — И память, как у воробья.

Направляясь в кухню, прохожу мимо Мадока в холле. Он во всем зеленом, губы сжаты, рот — твердая линия.

— Подожди-ка.

Я послушно останавливаюсь.

Мадок хмурится.

— Я знаю, каково оно, быть молодым и жаждать славы.

Прикусываю губу и молчу. В конце концов он ведь ни о чем и не спрашивал. Стоим, смотрим друг на друга. Узкие, кошачьи глаза щурятся. Между нами столько несказанного, столько причин, почему мы можем быть только чем-то вроде отца и дочери, но никогда не войдем полностью в эти роли.

— Когда-нибудь ты поймешь, что так для тебя лучше всего, — говорит он наконец. — Иди, удачи тебе в битве.

Отвешиваю низкий поклон и поворачиваю к двери. Тут уж не до кухни. Хочу только одного: убраться из этого дома с его напоминаниями о том, что мне нет места ни при Дворе, ни в Фейриленде вообще.

«То, чего тебе недостает, не зависит от тренировок».

* * *

Летний турнир проводится на отвесной скале Инсуила, Острова скорби. Это довольно далеко, поэтому я беру лошадь серой масти. В соседнем стойле разместились жаба. Седлаю кобылу, сажусь в седло, а жаба наблюдает за всем этим золотистыми глазами. На площадку прибываю не в духе: с опозданием, голодная и взволнованная. Вокруг крытой трибуны, где предстоит расположиться королю Элдреду с приближенными, уже собирается толпа. Длинные, кремового цвета знамена

трепещут на ветру. На полотнищах эмблема Элдреда — дерево, наполовину покрытое белыми цветами и наполовину колючками, со свисающими корнями и короной на вершине. Символ объединения Благого и Неблагого дворов и свободных фейри под одной короной. Мечта рода Зеленого вереска.

Распутный старший сын, принц Балекин, развалился в резном кресле, возле которого суетятся трое слуг. Рядом с ним принцесса Прия, охотница. Она не сводит глаз с готовящихся на площадке потенциальных бойцов.

При виде принцессы меня накрывает волна панического разочарования. Я так хотела попасть в число выбранных ею в рыцари. И хотя сделать это сейчас она уже не может, мною овладевает внезапный страх. А что, если я не сумею произвести на нее нужное впечатление? Может быть, Мадок был прав. Может быть, во мне и впрямь нет инстинкта убийцы.

Если не выложиться сегодня как следует, я и не узнаю, достаточно ли я была хороша.

Моя группа идет первой, потому что мы самые младшие. А поскольку мы еще только учимся, то и сражаемся деревянными мечами в отличие от тех, кто следует за нами. Боевые схватки продлятся весь день, чередуясь с выступлениями бардов, демонстрацией магии, состязаниями лучников и других умельцев. В воздухе чувствуется ароматпряного вина, но, пока еще, нет другого, сопутствующего любому такого рода турниру запаха — свежей крови.

Фанд выстраивает нас в две шеренги и раздает нарукавные повязки — серебряные и золотые. Ее синяя кожа сверкает лазурью под ярким небом. Доспехи тоже отливают разными оттенками синего, от океанского до ягодного, нагрудник рассекает зеленый пояс. Она выделяется везде, где бы ни появилась, и это осознанный риск. Если Фанд делает свое дело хорошо, зрители обязательно ее заметят. Не могут не заметить. Если же нет...

Подходя к другой группе с деревянными мечами, слышу, как кто-то шепотом произносит мое имя. Настороженно оглядываюсь и вдруг понимаю, что смотрят на меня по-другому. Вообще-то нас с Тарин всегда замечают, поскольку мы смертные, но по той же самой причине большого внимания недостойны. Сегодня, однако, это не так. Дети фейри как будто затаили дыхание в ожидании наказания, которое будет вынесено мне за то, что накануне я подняла руку на Кардана. Всем интересно, что же еще я придумаю.

Смотрю через поле на Кардана и его дружков — у всех серебро на руках. У принца серебро также на груди, пластина сверкающей стали,

которая выглядит скорее как украшение, чем защита. Валериан ухмыляется.

Я не отвечаю — такого удовольствия он от меня не дожидается.

Фанд вручает мне золотую нарукавную повязку и указывает место в строю. В нашей игре три раунда и два участника. Каждая сторона защищает от противника свой штандарт, в данном случае шкуру: у одних она желтовато-коричневая, оленья, у других — серебристая, лисья. Отпиваю воды из оловянного кувшина, принесенного специально для участников, и начинаю разогреваться. Под ложечкой посасывает, но голода я уж не чувствую. А вот нервы дают о себе знать легкой тошнотой. Стараюсь не обращать ни на что внимания и полностью сосредоточиться на разминке.

Вот и время пришло. Мы выходим на поле и салютуем королевской трибуне, хотя сам Элдред еще не явился. Зрителей пока немного, к закату будет больше. А вот принц Даин здесь. И Мадок рядом с ним. Принцесса Эловин задумчиво перебирает струны лютни. Тарин и Виви тоже пришли посмотреть, хотя ни Орианы, ни Оука не видно.

Виви салютует фруктовым кебабом, и принцесса Прия смеется. Тарин не сводит с меня глаз, словно пытается предупредить взглядом.

«Уладь все мирно».

В первой схватке у меня оборонительная тактика. Я избегаю Кардана и не приближаюсь к Никасии, Валериану и Локку, даже когда Валериан повергает на землю Фанд. Даже когда он же срывает нашу оленью шкуру.

Я остаюсь в стороне.

Объявляют вторую схватку.

Кардан идет на поле позади меня.

— Ты сегодня смирная. Это сестра тебя убедила? Она так жаждет нашего одобрения. — Он подцепляет ногой комок земли. — Думаю, если бы я пожелал, она покаталась бы со мной прямо здесь, на травке, пока ее белое платье не сделалось бы зеленым, а потом еще благодарила бы за оказанную честь. — Он хищно улыбается и наклоняется ко мне, будто бы делись каким-то секретом. — Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье.

Все мои добрые намерения улетучиваются в мгновение ока. Кровь вскипает и мчится по венам. Возможностей у меня немного, но кое-что есть — заставить его раскрыться. Может, Кардан и хочет уколоть меня, но я могу толкнуть его на действия куда более смелые. Мы здесь как бы играем в войну. И когда нас призывают на позиции, я играю. Играю так жестко, как только возможно. Мой меч против нелепого нагрудника принца. Мое плечо

врезается в плечо Валериана с такой силой, что он отшатывается и спотыкается. Снова и снова я иду вперед, в атаку, сражая всех, у кого на рукаве серебряная повязка. Бой заканчивается — у меня синяк под глазом и содраны колени, но второй и третий раунды остаются за золотой командой.

«Ты не убийца», — сказал Мадок.

Но сейчас я чувствую, что могу ей стать, могу нести смерть.

Зрители аплодируют, а я как будто просыпаюсь. Я позабыла о них. Пикси осыпает нас лепестками. Виви салютует мне кубком. Принцесса Рия вежливо хлопает в ладони. Мадока в ложе не видно. Балекин тоже ушел. А вот король Эддред остался. Сидит на возвышении и с отсутствующим видом разговаривает с Даином.

Меня трясет — это уходит адреналин. Придворные в ожидании боев более высокого класса изучают мои синяки и оценивают мою доблесть. Похоже, никакого особенного впечатления я не произвела. Сделала все, что смогла, сражалась изо всех сил, но этого оказалось недостаточно. Мадок даже не стал смотреть до конца.

Понуро опускаю голову.

Что еще хуже, на выходе с поля меня поджидает Кардан, и я лишь теперь замечаю, какой он высокий. Да еще эта самодовольная ухмылка, которую он носит, словно корону. Одень такого в лохмотья, он все равно останется принцем. Кардан хватает меня, сжимает щеки, давит пальцами на шею. Его дыхание касается моего лица. Другой рукой он крутит мои волосы, сматывает их в веревку.

— Знаешь, что означает смертный? Оно значит рожденный умереть. Оно значит заслуживающий смерти. Вот ты какая. Вот что определяет тебя. Вот твоя суть. Смерть. И, однако ж, ты здесь. Стоишь на моем пути, противишься мне, а сама гниешь изнутри, порочная смертная тварь. Скажи мне, каково оно. Неужели ты и впрямь думаешь, что сможешь победить меня? Меня, принца фейри?

С усилием сглатываю.

— Нет.

В черных глазах закипает ярость.

— Похоже, в тебе еще осталась капля животного коварства и хитрости. Хорошо. А теперь проси у меня прощения.

Я отступаю на шаг, тяну голову в сторону, пытаюсь высвободить волосы. Он держит меня за косичку и смотрит в лицо сверху вниз жадными глазами и с этой своей противной ухмылочкой. Потом разжимает пальцы, и я отшатываюсь.

В воздухе трепещут, разлетаясь, тонкие прядки. Краем глаза замечаю

Тарин, стоящую рядом с Локком поблизости от того места, где надевают доспехи другие рыцари. Сестра смотрит на меня умоляюще, как будто это ее нужно спасать.

— Встань на колени. — Кардан так доволен собой, что смотреть противно. Ярость каким-то странным образом перетекла в нескрываемое злорадство. — Проси прощения. Сделай как на сцене. Чтобы было достойно меня.

Другие дети знати, все в своих подбитых туниках и с мечами в руках, окружили нас и смотрят, надеясь повеселиться над моим унижением. Этого шоу они и ждали с того момента, когда я подошла к нему. Это уже не игра в войнушку, это — по-настоящему.

— Просить прощения? — эхом повторяю я.

В его глазах мелькает удивление, но его тут же стирает волна злобы.

— Ты посмела бросить мне вызов. Уже не в первый раз. Твоя единственная надежда — молить меня о милосердии на виду у всех. Проси пощады, или я каждый день буду делать тебе больно, и так до тех пор, пока на тебе живого места не останется.

Вспоминаю темные тени ниски в воде и воющего мальчишку с оборванными крыльями. Вижу мокрое от слез лицо Тарин. Думаю о Рие, равнодушно хлопающей в ладоши. О Мадоке, ушедшем, не дождавшись окончания представления.

Капитулировать не стыдно. Как сказала Тарин, это всего лишь слова. Я могу не придавать им значения. Могу солгать.

Начинаю опускаться на колени. Все закончится быстро. Я выплуну эти слова, как желчь, а потом все закончится.

Открываю рот и... ничего.

Не могу.

Качаю головой, и меня пронзает дрожь при мысли о том, что я чуть не сделала. Это же чистое безумие. Все равно что прыгнуть, не видя под собой земли, в никуда, не успев еще осознать, что это и называется падением.

— Думаешь, унизив, сможешь контролировать меня? — Я смотрю в черные глаза. — Так вот, ты — идиот. С тех пор как мы стали учиться вместе, ты из кожи вон лезешь, чтобы унижить меня, ущемить мою гордость. Я потворствовала твоему самолюбию, старалась не высовываться, ни во что не вмешивалась. Но тебе было мало, ты не оставлял нас с Тарин в покое, так что больше такого не будет. Ты не отделаешься от меня. Я и дальше буду бросать тебе вызов и позорить своей дерзостью и непокорством. Ты постоянно напоминаешь мне, что я простая смертная, а ты — принц Фейри. Ладно, позволь напомнить, что это значит:

ты можешь потерять многое, а мне терять нечего. В конце концов ты можешь победить, можешь околдовывать меня, делать мне больно и унижать, но я позабочусь о том, чтобы ты потерял все, что я смогу отнять у тебя. Это я тебе обещаю, и это... — я бросаю ему его собственные слова, — это меньшее из того, что я могу сделать.

Кардан смотрит на меня так, словно видит впервые. Словно никто и никогда так с ним не разговаривал. Может быть.

Поворачиваюсь и иду прочь. Что, если Кардан схватит меня за плечо и швырнет на землю? Что, если найдет рябиновый оберег у меня на шее, сорвет его и произнесет слова заклинания, заставив после всех моих громких речей приползти к нему на коленях с униженными просьбами о пощаде? Он смотрит мне в спину, и я чувствую его взгляд, чувствую, как шевелятся волоски на шее. Только бы не побежать. На Тарин и Локка не смею даже посмотреть, но краем глаза вижу застывшую с открытым ртом Никасию. Валериан замер, сжимая в немой ярости кулаки.

Прохожу мимо палаток к каменному фонтану, умываю лицо. Наклоняюсь, смахиваю песок с колен. Ноги одеревенели, меня трясет.

— Ты в порядке? — спрашивает Локк, глядя сверху своими рыжевато-коричневыми лисьими глазами. Я даже не слышала, как он подошел.

В порядке? Нет.

Я не в порядке, но он этого не знает и спрашивать не должен.

— А тебе какое дело? — Слова вылетают как плевков. Под его жалостливым взглядом я чувствую себя совсем несчастной.

Локк прислоняется к фонтану, неторопливо растягивая губы в ленивую улыбку.

— Забавно, вот и все.

— Забавно? — вскипаю я. — Тебе забавно?

Он качает головой.

— Нет. Забавно, как ты задела его за живое.

Уж не ослышалась ли я? Хочу даже спросить, о ком это он. Не могу представить, что кто-то задел за живое всемогущего принца Кардана.

— Типа загнала занозу?

— Железную. Никто другой так его не донимает. — Локк подбирает полотенце, смачивает в струе воды, опускается на колени и заботливо вытирает мое лицо. Холодная ткань касается чувствительной кожи под глазами, и я задерживаю дыхание, но Локк обходится со мной гораздо мягче, чем обошлась бы я сама. Лицо у него серьезное, и он полностью сосредоточен на том, что делает. Даже не замечает, что я изучающе наблюдаю за ним. Лицо у него вытянутое, подбородок острый, волнистые

каштановые с рыжинкой волосы...

Потом все-таки замечает. Смотрит на меня, и я смотрю на него, и это самое странное, ведь я подумать не могла, что Локк удостоит меня взглядом. И тем не менее это случилось. Он улыбается, как в тот вечер при Дворе, будто у нас с ним какой-то общий секрет.

— Держись.

Интересно. Он это серьезно?

Возвращаясь к турнирному полю, где остались мои сестры, невольно вспоминаю шокированное лицо Кардана и улыбку на губах Локка. Не уверена, что волнительнее, а что опаснее.

ГЛАВА 10

Оставшаяся часть Летнего турнира проходит для меня как в тумане. Мечники сражаются один на один, стараясь произвести впечатление на короля и Двор. Огры и фокскины, гоблины и гвиллионы — все участвуют в смертельном танце сражения.

После нескольких раундов Виви ведет нас сквозь толпу зрителей за фруктовыми шашлыками. Пытаюсь встретиться взглядом с Тарин, но та упорно отводит глаза. Мне надо знать, сердится ли она. Хочу спросить, что сказал ей Локк, когда они стояли вместе, хотя, возможно, это один из тех вопросов, отвечать на который она не станет.

Но вряд ли Локк ее унизил, ведь он ясно выразил удовольствие тем, как я осадила Кардана. А раз так, то возникает еще один вопрос, задать который Тарин я не могу.

«Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье».

Фейри не могут лгать. Кардан не сказал бы этого, если бы не верил, что это правда. И тогда какие у него основания для подобного заявления? От раздумий меня отвлекает Виви — стучает своим шашлыком о мой.

— За нашу умницу Джуд, напомнившую этому народу, почему они до сих пор прячутся в своих курганах да холмах из страха перед свирепостью смертных.

Высокий мужчина с обвислыми кроличьими ушами и гривой каштановых волос поворачивается и награждает Виви неприязненным взглядом. В ответ получает ухмылку. Я качаю головой — сестра, конечно, преувеличивает, но все равно приятно. Даже если я произвела впечатление всего лишь на нее одну.

— Джуд не помешало бы чуточку умерить свой пыл, — бурчит под нос Тарин.

Я поворачиваюсь к ней, но она уже ушла.

Возвращаемся на арену. К выступлению готовится принцесса Рия. В руке у нее тонкий меч, напоминающий длинную булавку, и им она, пока нет противника, пронзает воздух. Два ее возлюбленных поддерживают принцессу ободряющими криками.

В королевской ложе снова появляется принц Кардан, теперь уже в свободном белом наряде с короной из роз на голове. Пройдя, как будто они пустое место, мимо короля Элдреда и принца Даина, он плюхается в кресло возле принца Балекина, с которым обменивается несколькими резкими

словами. Жаль, я нахожусь не настолько близко, чтобы услышать, о чем речь. Посмотреть на выступление сестры пожаловала и принцесса Кейлия. Выходящую на поле Рию она приветствует шумными аплодисментами.

Мадок так и не вернулся.

* * *

Домой еду одна. Виви, после победы Рии в своей схватке, отправляется с принцессой поохотиться в ближайшем лесу. Тарин соглашается составить им компанию, а я слишком устала и вся еще на нервах.

На кухне в доме Мадока плаваю сыр над огнем и делаю себе тост. Потом сижу с тостом и чашкой чая на веранде, ем и смотрю на скользящее к горизонту солнце.

Повар, трау по имени Уоттл, меня как будто не замечает, следит за тем, чтобы пастернак нарезал себя сам.

Перекусив, смахиваю со щеки крошки и иду в свою комнату.

Гнарбон, слуга с длинными ушами и волочащимся по полу хвостом, останавливается, заведя меня в холле. В больших, напоминающих клещи руках — поднос с крохотными чашечками из желудей и серебристый графин с чем-то, пахнущим как ежевичное вино. Ливрея плотно затянута на груди, из прорезей торчат волоски меха.

— О, так вы дома. — Голос у него рычащий, и потому все, что бы он ни говорил и в каком бы настроении ни был, звучит угрожающе. Невольно вспоминаю стража, откусившего мне кончик пальца. С такими, как у Гнарбона, зубами откусить можно целую руку.

Я киваю.

— Принц просит вас спуститься вниз.

Кардан? Здесь? Сердце пускается вскачь. Мысли разбегаются.

— Где?

Гнарбон смотрит на меня удивленно.

— В кабинете Мадока. Я как раз собирался отнести ему вот это и...

Забираю у него поднос и спускаюсь вниз, твердо настроенная избавиться от Кардана как можно быстрее любым способом. Меньше всего надо, чтобы Мадок услышал, как неуважительно я разговариваю с принцем, и решил, что при Дворе мне определенно делать нечего. Он верой и правдой служит династии Зеленого вереска, и ему точно не понравится, что я не в ладах с одним из принцев, пусть даже и не самым старшим.

Слетаю вниз по ступенькам и пинком распахиваю дверь в кабинет Мадока. Дверная ручка бьет по книжной полке. Я вхожу и только что не швыряю поднос. Чашки подпрыгивают.

На библиотечном столе перед принцем Даином лежат раскрытыми несколько книг. Золотистые кудри падают на глаза, ворот блекло-голубого камзола расстегнут, и я вижу тяжелое серебряное ожерелье на шее. Я останавливаюсь, сознавая, что совершила колоссальную ошибку.

Принц вскидывает брови.

— Джуд? Не ждал. Ты так спешишь.

Склоняюсь в глубоком поклоне и надеюсь, что он сочтет меня просто неловкой. Страх впивается вдруг острыми когтями. А не прислал ли его Кардан? Зачем еще почтенному и уважаемому принцу Даину, будущему правителю Фейриленда, посылать за мной?

— Эм... — Язык спотыкается о панику. Вспоминаю про поднос и с облегчением указываю на графин. — Вот, милорд... это для вас.

Он берет желудь и наливает в чашечку немного густой черной жидкости.

— Выпьешь со мной?

Чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, качаю головой.

— Меня сразу свалит с ног.

Он смеется.

— Что ж, тогда просто составь мне компанию.

— Конечно. — От такого предложения отказаться нельзя. В груди глухо стучит сердце. — Принести что-нибудь еще? — спрашиваю я, не зная, что делать дальше.

Даин поднимает желудь-чашечку.

— Закуски вполне достаточно. Что мне требуется, так это беседа. Может быть, скажешь, что заставило тебя ворваться сюда. За кого ты меня приняла?

— Ни за кого, — быстро отвечаю я.

Он выпрямляется, садится повыше, будто вдруг увидел во мне что-то интересное.

— Подумал, что, может быть, тебе досаждают кто-то из моих братьев.

Качаю головой.

— Ничего подобного.

— Поразительно. — Он говорит так, словно высказывает мне комплимент. — Я, конечно, знаю, что люди умеют лгать, но то, что делаешь ты, невероятно. Повтори еще раз.

Кровь бросилась в лицо.

— Я не... я...

— Сделай это еще раз, — повторяет он. — Не бойся.

Несмотря на мягкий тон, не испугался бы на моем месте разве что

глупец. Принц Даин пришел в дом в отсутствие Мадока. И спросил именно меня, дав понять, что знает о Кардане. Не исключено, что он даже видел нас после турнира, видел, как Кардан дергает меня за косу. Но что ему нужно? Ловлю себя на том, что делаю вздохи слишком часто. Даин вот-вот будет провозглашен королем и, если это случится, сможет даровать мне место при Дворе и даже, наперекор Мадоку, сделать рыцарем. Если только я сумею произвести на него впечатление, он даст мне все, чего я хочу.

Все, что, как я думала, до этого момента уже потеряно.

Собравшись с силами, смотрю в серебристо-серые глаза.

— Меня зовут Джуд Дуарте. Я родилась тринадцатого ноября 2001 года. Мой любимый цвет — зеленый. Мне нравятся туман, грустные баллады и изюм в шоколаде. Я не умею плавать. А теперь скажите, что из этого неправда? И вообще, солгала ли я в чем-то? Потому что самое главное во всем этом — невозможность отличить ложь от правды.

Я вдруг понимаю, что после этого маленького представления он, возможно, вообще не станет принимать всерьез любые мои клятвы. Хотя сейчас Даин выглядит довольным и смотрит на меня так, словно нашел в грязи, под ногами, необработанный рубин.

— А теперь скажи, — говорит он, — как пользуется этим талантом твой отец?

Озадаченная, я растерянно моргаю.

— Что, действительно никак? Какой стыд. — Принц изучающе смотрит на меня. — Скажи, Джуд Дуарте — если это твое настоящее имя, — о чем ты мечтаешь? Чего хочешь?

Сердце колотится в груди, немного кружится голова. Так вот легко? Нет, конечно. Чтобы принц Даин, в скором времени король всех фейри, спрашивал, чего я хочу. Я не смею ответить, однако ж должна.

— Хочу... хочу быть вашим рыцарем, — с запинкой отвечаю я.

Принц вскидывает брови.

— Неожиданно. Приятно слышать. Что еще?

— Не понимаю. — Я сцепляю пальцы, чтобы он не видел, как дрожат у меня руки.

— Желание — странная вещь. Удовлетворенное, оно мутирует. Получив золотую нить, мы хотим иметь и золотую иголку. Вот почему я и спрашиваю тебя, Джуд Дуарте, чего ты возжелаешь, если я допущу тебя в свой ближний круг?

— Служить вам и ничего больше, — отвечаю я, все еще не понимая, чего он хочет. — Вам и короне.

Принц машет рукой — такой ответ его не устраивает.

— Нет, скажи мне, чего ты хочешь. Попроси у меня что-то. Что-то такое, о чем не просила никого.

«Сделай меня бессмертной», — думаю я и тут же прихожу в ужас от собственной мысли. Я не хочу этого желать, тем более что такое желание неисполнимо. Мне никогда не стать одной из них.

Перевожу дух. Если бы можно было попросить что угодно, какой дар я бы выбрала? Опасность, конечно, велика. Стоит только сказать, открыть свое заветное желание, и Даин постарается заключить сделку, а сделки с фейри, как всем известно, редко бывают в пользу смертных. Но все же искушение велико; возможность получения силы и власти маячит передо мной, как морковка перед ослом.

Мысли устремляются к бусам на шее; я вспоминаю, как горела щека под собственной ладонью; в ушах звенит смех Оука.

На память приходят слова Кардана: «Видишь, чего можно достичь несколькими словами? И это еще не самое плохое. Мы можем сделать и кое-что похуже. Можем околдовать тебя так, что ты станешь бегать на четвереньках и лаять, как собачонка. Можем наложить проклятие, и ты зачахнешь из-за того, что никогда не услышишь какую-то песню или доброе слово от меня».

— Не поддаваться чарам — вот мое желание, — говорю я, изо всех сил стараясь не выдать волнения, сохранить хотя бы видимость спокойствия. Мне нужно выглядеть серьезной, как и подобает человеку, заключающему важную сделку.

Принц Даин смотрит на меня с полнейшей невозмутимостью.

— Ребенком ты уже получила Истинное Видение. Ты понимаешь наши обычаи. Знаешь наши традиции. Посоли пищу — и разрушишь чары. Выверни наизнанку чулки — и никто не собьет тебя с верного пути. Насыпь в карманы ягоды рябины — и разум твой чужому неподвластен будет.

Последние дни, однако, показали, сколь ненадежны эти защитные меры против настоящих угроз.

— А если они вывернут мои карманы? Порвут мои чулки? Рассеют по земле всю мою соль?

Он снова смотрит на меня. Задумчиво.

— Подойди ближе, дитя.

Что делать? Я в сомнении, колеблюсь. В благородстве, достоинстве, чести принцу не откажешь. По крайней мере таким он представляется мне на основании моих собственных наблюдений. Увы, они слишком недолги.

— Давай же, смелее. Если собираешься служить мне, то и доверять

обязана. — Оставаясь в кресле, он подается вперед, и я замечаю надо лбом небольшие рожки, разделяющие волосы посередине. Замечаю, сколь сильны его руки и сверкающую печатку на пальце с вырезанным на ней символом династии Зеленого вереска.

Соскользнув с подлокотника, иду к нему.

— Я вовсе не желала выказать неуважение, — выдавливаю через силу.

Он касается синяка у меня на щеке, о существовании которого я и не догадывалась. Вздрагиваю, но не отстраняюсь.

— Кардан — испорченный ребенок. При Дворе всем хорошо известно, что он проматывает наследство, предаваясь пьянству. Он погряз в мелких ссорах и скандалах. Нет, не возражай.

Я и не возражаю. Только спрашиваю себя, отчего это Гнарбон, известив, что внизу меня ожидает принц, не посчитал нужным сообщить, который именно. Не сам ли Даин распорядился передать мне это особое послание. «Опытный, умелый стратег ждет подходящей возможности».

— Мы хотя и братья, но очень не похожи друг на друга. Я никогда не буду жесток с тобой лишь ради того, чтобы себя потешить. Поклянешься служить мне — будешь вознаграждена. Но не рыцарства я для тебя хочу.

Внутри все обрывается. Ну, конечно, глупо было тешить себя надеждой, что принц заглянул лишь только для того, чтобы исполнить все мои тайные желания. Что ж, было приятно.

— Тогда чего вы хотите?

— Ничего такого, чего ты еще не предлагала. Ты хотела принести мне клятву верности и положить на службу свой меч. Я принимаю. Мне нужен кто-то, кто может лгать. Кто-то честолюбивый, с амбициями. Кто-то, кто стал бы моим шпионом. Вступай в мой Двор теней. Я сделаю тебя могущественной. Дам силу и власть, о которых ты и мечтать не смела. Смертным нелегко жить здесь, с нами. Но я устрою так, что тебя это не будет касаться.

Набравшись смелости, опускаюсь в кресло. Ощущение такое, будто ты рассчитывала на предложение руки и сердца, а тебе навязывают роль любовницы.

Шпионка. Соглядатай. Доносчица. Лгунья и вор. Вот кем он видит меня. Да что там — всех смертных. Считает, что именно в этом я хороша, что только для этого и гожусь. Для меня шпион — то сгорбленное существо со сплюснутым носом, один из тех, с кем консультируется порой Мадок, неясная личность в сером одеянии с невыразительным, незапоминающимся лицом. Такие информаторы есть, наверное, у каждой особы королевской крови, но в любом случае обязательное требование к их талантам —

умение оставаться незаметными. Вот и я буду незаметной, оставаясь у всех на виду.

— Возможно, ты мечтала о другом будущем для себя, — продолжает Даин. — Нет, не для тебя сияющие доспехи и воинская слава. Но обещаю, коль послужишь хорошо, взойдя на трон, я дам тебе свободу поступать как хочешь, ведь кто посмеет противоречить слову Верховного короля? И вот тогда я дам тебе гейэс, защитный заговор от магических чар.

Набравшись смелости, опускаюсь в кресло. Ощущение такое, будто ты рассчитывала на предложение руки и сердца, а тебе навязывают роль любовницы.

Шпионка. Соглядатай. Доносчица. Лгунья и вор. Вот кем он видит меня. Да что там — всех смертных. Считает, что именно в этом я хороша, что только для этого и гожусь. Для меня шпион — то сгорбленное существо со сплюснутым носом, один из тех, с кем консультируется порой Мадок, неясная личность в сером одеянии с невыразительным, незапоминающимся лицом. Такие информаторы есть, наверное, у каждой особы королевской крови, но в любом случае обязательное требование к их талантам — умение оставаться незаметными. Вот и я буду незаметной, оставаясь у всех на виду.

— Возможно, ты мечтала о другом будущем для себя, — продолжает Даин. — Нет, не для тебя сияющие доспехи и воинская слава. Но обещаю, коль послужишь хорошо, взойдя на трон, я дам тебе свободу поступать как хочешь, ведь кто посмеет противоречить слову Верховного короля? И вот тогда я дам тебе гейэс, защитный заговор от магических чар.

Я замираю. Даруемый смертным в обмен на особые услуги, гейэс защищает от любого колдовства, кроме того, которое применяется внезапно или в исключительных условиях. То есть ты неуязвим, кроме как для стрел, сделанных из сердцевины боярышника, которые, так уж случилось, предпочитает твой злейший враг. Или, например, ты побеждаешь в каждом поединке, но не можешь отказать в приглашении на обед, так что, если кто-то приглашает тебя за стол накануне сражения, на поле боя ты уже не явишься. По сути, как и все, что касается фейри, у защитного заговора две стороны. И тем не менее, похоже, что именно это мне и предлагают.

— Гейэс, — эхом отзываюсь я.

Его рот растягивается в улыбке, и уже в следующее мгновение до меня доходит почему. Я не отказалась. А значит, собираюсь это предложение принять.

— Но никакой гейэс не спасет тебя от действия наших фруктов и ядов. Подумай хорошенько. Я мог бы наделить тебя даром восхищать всех,

кто только посмотрит в твою сторону. Мог бы поставить эту метку прямо сейчас. — Принц касается моего лба. — Каждый увидевший ее будет сражен любовью. Я мог бы дать тебе клинок, способный перерубить луч света.

— Не хочу, чтобы меня контролировали. — Мой голос звучит чуть громче шепота. Неужели это говорю я? Говорю вслух ему, принцу Дайну. Даже не верится. — Я имею в виду, контролировали магически. Дайте мне это, а с остальным я справлюсь.

Он кивает.

— Итак, ты согласна.

Мне страшно. Слишком многое зависит от этого выбора. Все мое будущее.

Мне так нужна власть. Мне так нужна сила. И вот она, возможность получить и то и другое. Ужасный и в то же время унижительный шанс. Но и интригующий тоже. Получится ли из меня хороший рыцарь? Предугадать невозможно. Может

быть, со временем я возненавижу себя за то, что решилась на столь опрометчивый шаг. Может быть, став рыцарем, обреку себя на унылую работу — вечно носить доспехи и ходить в скучные походы. Может быть, мне придется сражаться с людьми, которые мне нравятся.

Я киваю, убеждая себя, что стану хорошей шпионкой.

Принц Дайн поднимается и, протянув руку, касается моего плеча. Я ощущаю легкий удар, как от разряда статического электричества.

— Джуд Дуарте, дочь праха, с этого дня и отныне никакая магия не затуманит твои мысли. Никакие чары не смогут повелевать твоим телом помимо твоей воли. За исключением воли творца этого заговора. Теперь никто не сможет контролировать тебя, — говорит он и, выдержав паузу, добавляет: — Кроме меня.

Уфф. Даже дух захватывает. Разумеется, как и в каждой сделке с фейри, тут есть подвох. Я даже злиться не могу — сама должна была догадаться. И тем не менее, разве получить такого рода защиту не замечательно? Принц Дайн — один-единственный фейри, который увидел во мне что-то, чего не пожелал увидеть Мадок, что-то, признания чего я так жаждала.

Я опускаюсь на колено на старинном коврике в кабинете Мадока и приношу клятву верности принцу Дайну.

ГЛАВА 11

Весь вечер, сидя за обедом, я чувствую себя хранительницей тайны. Впервые за все время я обладаю собственной, принадлежащей лишь мне властью, силой, отнять которую не может даже Мадок. От одной лишь этой мысли — я шпионка! Шпионка принца Дайна! — меня охватывает волнительная дрожь. Мы едим крохотных птичек, нашпигованных ячменем и черемшой, хрустящих, истекающих жиром и медом. Ориана изящно разбирает своих. Оук жует кожицу. Мадок ест все подряд: мясо, косточки, кожицу. Я ковыряюсь в тушеном пастернаке. Тарин тоже за столом, а вот Виви не вернулась. Подозреваю, что охота с Рией была только предлогом и после короткой поездки по лесу она снова улетела в мир смертных. Интересно, ужинает ли она с семьей Хизер?

— Ты хорошо показала себя на турнире, — говорит Мадок, похрустывая косточками.

Я не напоминаю, что он ушел, не досмотрев состязание до конца. Не знаю, что именно он успел увидеть, но сомневаюсь, что многое.

— Понимать ли это так, что ты изменил свое мнение?

Наверно, он слышит что-то в моем голосе, потому что перестает жевать и смотрит на меня, прищурившись.

— Насчет рыцарства? Нет. Твое будущее мы обсудим, когда новый король займет свое место.

Мои губы трогает слабая улыбка.

— Как хочешь.

В конце стола Тарин, наблюдая за Орианой, пытается копировать ее манипуляции с птичкой. В мою сторону она не смотрит, даже когда просит передать кувшин с водой.

Вот только помешать мне пойти за ней наверх после обеда она не может. Догоняю ее на лестнице.

— Послушай, я пыталась сделать так, как ты хочешь, но не смогла, и я не хочу, чтобы ты ненавидела меня. Это моя жизнь.

Тарин оборачивается.

— Чтобы вот так ее бездарно тратить?

— Да. — Мы уже на лестничной площадке. Рассказать ей о принце Дайне я не могу, да если б и могла, не уверена, что это бы помогло. И вряд ли ей такое бы понравилось. — Жизнь — наша единственная реальная вещь. Наша единственная монета. На нее мы можем купить что хотим.

Сестра закатывает глаза, и в голосе ее слышатся язвительные нотки:

— Ах как мило! Ты это сама придумала?

— Да что с тобой такое? — сердито спрашиваю я.

Она качает головой.

— Ничего. Может, было бы лучше, если бы я думала так же, как ты. Не обращай внимания, Джуд. Ты и вправду была сегодня хороша.

— Спасибо. — Я хмурю в замешательстве брови и снова думаю о том, что сказал о ней Кардан, но повторять эти слова, обижать ее ими не хочу. — Так что, ты уже влюбилась?

Тарин смотрит на меня как-то странно.

— Я завтра останусь дома. Не пойду на лекцию. Делай со своей жизнью что хочешь, я на это смотреть не обязана.

Направляюсь во дворец, а ноги будто свинцовые. Земля устелена опавшими яблоками, чей аромат висит в воздухе. На мне длинное черное платье с золотистыми манжетами и зеленой тесьмой — моим любимым цветом. Вверху, на ветвях деревьев, выводят трели дневные птицы. Я улыбаюсь и ненадолго даю волю фантазии: коронация принца Дайна... я танцую с ухмыляющимся Локком... растерянного Кардана выволакивают из зала и бросают в мрачную подземную темницу. От приятных мыслей отвлекает яркая белая вспышка. Поднимаю голову — да это же белый олень! Стоит не далее как в дюжине футов от меня. На рогах растянулась тонкая сеть паутины, а белый мех такой яркий, что кажется в послеполуденном свете серебристым. Мы долго смотрим один на другого, потом он срывается с места и убегает в направлении дворца. Затаив дыхание, я провожаю его взглядом и решаю, что олень — доброе предзнаменование. По крайней мере поначалу так оно и выходит. Уроки проходят неплохо. Наш наставник, старина Ноггл, чудаковатый фир дарриг с севера — у него мохнатые брови и длинная борода, в которую он время от времени сует ручки, клочки бумаги. Ноггл любит поговорить о метеоритных бурях и их значении. День уже клонится к вечеру, и старик заставляет нас считать звезды. Занятие скучное, но позволяет расслабиться. Ложусь на одеяло и смотрю на темнеющее небо. Плохо только, что в темноте трудно делать записи. Обычно вести вечерние уроки помогают свисающие с деревьев светящиеся шары или большие скопления светлячков. На тот случай, если ни шары, ни светлячки достаточного освещения не обеспечат, я ношу с собой запасные огрызки свечей, поскольку человеческое зрение не такое острое. Впрочем, зажигать свечи, когда мы изучаем звезды, в любом случае не разрешается. Вывести разборчиво ту или иную букву и при этом не испачкать чернилами пальцы

дело нелегкое.

— Помните, — наставительно продолжает Ноггл, — что необычные небесные явления часто предшествуют важным политическим переменам, и, учитывая появление на горизонте нового короля, нам важно внимательно наблюдать за знаками и правильно их интерпретировать.

В темноте слышится хихиканье.

— Никасия, — обращается к ней наставник, — у тебя какие-то трудности?

— Никаких, — отвечает она заносчивым тоном нераскаявшегося грешника.

— Тогда что ты можешь сказать нам о падающих звездах? Что означает звездный дождь, случающийся в последний час ночи?

— Дюжину рождений, — отвечает Никасия, что, конечно же, неправильно.

— Смертей, — подсказываю я шепотом, но Ноггл, к несчастью, слышит.

— Молодец, Джуд. Рад, что меня хоть кто-то слушает. А кто хочет сказать, когда именно наиболее высока вероятность этих смертей?

Теперь, когда я во всеуслышание заявила о намерении подавить Кардана своим величием, держаться в тени уже не имеет смысла.

— Это зависит от того, через какое созвездие проходит дождь и в каком направлении падают звезды. — Еще не успев закончить, я чувствую, как сдавливают горло. Как хорошо, что сейчас темно, и мне не приходится видеть противное выражение на физиономии Кардана. Или Никасии.

— Отлично, — кивает Ноггл. — Вот почему так важно тщательно все записывать. Продолжай!

— Какая скука, — ворчит Валериан. — Пророчества — это для ведьм и малых народцев. Нам полагается постигать предметы более достойные. Если я намерен провести ночь на спине, то в самый раз постичь науку любви.

Кто-то смеется.

— Хорошо, — уступает Ноггл. — Тогда скажи мне, какое небесное событие предвещает успех в любви?

— Раздевание, — отвечает Валериан под еще более громкий смех. — Когда девушка снимает платье.

— Эльга? — Наставник обращается к девушке с серебристыми волосами, смех которой напоминает звук бьющегося стекла. — Можешь ответить? Похоже, его неудача в любви и объясняется незнанием.

Эльга бормочет что-то невнятное и запинается. Подозреваю, просто не

рискует вызвать неудовольствие Валериана.

— Неужели мне нужно снова обращаться к Джуд? — насмешливо спрашивает Ноггл. — Или к Кардану? Может быть, ты нас просветишь?

— Нет, — коротко отвечает Кардан.

— Что так?

В голосе Кардана звенят злоба и уверенность в своей власти.

— Я согласен с Валерианом. Урок скучен. Зажгите лампы и начните другой, более достойный и полезный.

Ноггл держит долгую паузу.

— Да, мой принц, — говорит он наконец, и все световые шары вокруг нас вспыхивают. Глаза привыкают не сразу, и я несколько раз моргаю. Интересно, приходилось ли Кардану когда-нибудь заниматься тем, что ему не по вкусу. Неудивительно, что на лекциях он почти всегда спит.

— У нее плохое зрение, — с притворным сочувствием говорит Никасия, и я лишь теперь понимаю, что она стоит надо мной и размахивает моей тетрадкой, демонстрируя всем мои каракули. — Бедная, бедная Джуд. Сколько трудностей ей приходится преодолевать.

На пальцах и золотистых манжетах платья — повсюду чернильные пятна.

Кардан разговаривает о чем-то с Валерианом. Локк с обеспокоенным лицом наблюдает за нами, а Ноггл роется в стопке толстенных пыльных фолиантов, пытаясь, наверно, придумать, какой урок может понравиться Кардану.

— Извини, что не можешь разобрать мой почерк. — Я дергаю тетрадку. Страницы рвутся, так что от моей вечерней работы мало что остается. — Но я бы не сказала, что это недостаток.

Никасия бьет меня в лицо. Застигнутая врасплох, я спотыкаюсь и падаю на колени, лишь в последний момент собравшись, чтобы не растянуться на земле. Щека жжет и горит, в ушах звенит.

Я думала, что понимаю, как ведется игра. И, оказывается, ошибалась.

— Знаешь, так нельзя. — Бессмыслица, конечно, но ничего другого в голову не приходит.

— Я могу делать все, что хочу, — тем же надменным тоном отвечает она.

Остальные взирают на нас в полном изумлении, а Эльга даже прикрыла рот ладонью. Смотрит из далека и Кардан, и по выражению лица ясно, что своим поступком Никасия совсем ему не угодила. Все то время, что я нахожусь среди них, никто не позволял себе переступить определенные границы. Когда нас с сестрой столкнули в реку, этого никто

не видел. Так или иначе, я живу в доме генерала и нахожусь под его защитой. Кардан еще мог бы набраться смелости и бросить ему вызов, но остальные, как мне представляется, если и решились бы нанести удар, то только исподтишка.

Похоже, я разозлила Никасию так, что она позабыла об осторожности.

— Вызываешь меня на поединок? — спрашиваю, поднимаясь, и представляю, с каким удовольствием посчиталась бы с ней. — Потому что если да, то право выбора времени и оружия за мной.

Не сразу, но до нее все же доходит, что мой вопрос требует ответа. Я могу быть для них грязью под ногами, но это не освобождает Никасию от обязательств перед собственной честью.

Уголкем глаза замечаю идущего к нам Кардана. Тревожное беспокойство смешивается со страхом. С другой стороны Валериан толкает меня в плечо. Делаю шаг в сторону, но недостаточно быстро, чтобы избежать волны запаха перезревших фруктов.

Высоко над нами, в черном куполе ночи, падают семь звезд. Машинально вскидываю голову, но определить точную траекторию падения уже не успеваю.

— Кто-нибудь отметил? — кричит Ноггл и роется в бороде в поисках карандаша. — Это же то самое небесное событие, которого мы ждем! Кто-то должен был отметить точную исходную точку. Быстрее! Записывайте все, что помните.

Пока я смотрю на звезды, Валериан прижимает к моим губам что-то мягкое. Яблоко, гнилое и сладкое. По губам, по языку бежит медовый сок со вкусом солнца, бестолковой радости и пьянящего безрассудства.

Заговор Дайна защищает меня от колдовских чар и постороннего контроля, но эльфийские фрукты лишают тебя контроля даже над самим собой.

О нет, нет, нет, нет.

Я выплевываю яблоко, и оно катится по земле, но его яд уже проник в меня и начал свою разрушительную работу.

Соль. Я тянусь за своей корзиной. Мне нужна соль. Соль — противоядие. Она рассеет туман у меня в голове.

Видя, что я пытаюсь сделать, Никасия подхватывает корзинку и, пританцовывая, отступает. Валериан толкает меня на землю. Пытаюсь отползти, но он держит и снова запихивает мне в рот тухлое яблоко.

— Горько во рту? Я подслащу.

Гнилая мякоть забивает рот и нос.

Не могу дышать. Не могу...

Мои глаза открыты, и я вижу над собой лицо Валериана. Задыхаюсь. Он смотрит на меня с легким любопытством, как будто ждет, что будет дальше. С периферии зрения наплывает тьма. Я задыхаюсь... умираю...

Хуже всего — расцветающая внутри и стирающая ужас радость. Все прекрасно. В глазах все туманится и плывет. Я тяну руку к лицу Валериана, но мир идет кругом, и ничего не получается, а уже в следующую секунду это не имеет никакого значения. Зачем обижать его, когда я так счастлива?

— Сделайте что-нибудь! — говорит кто-то, но я в своем бредовом состоянии не могу определить, кто именно.

Внезапно кто-то отшвыривает Валериана в сторону. Я кашляю и перекатываюсь на бок. Кардан стоит надо мной. Слезы вперемешку с соплями бегут по моим щекам, но меня хватает только на то, чтобы, лежа на земле, выплевывать кусочки приторно-сладкой мякоти. Почему я плачу? Не знаю.

— Хватит. — На лице Кардана какое-то непривычно странное выражение. На скулах играют желваки.

Я смеюсь.

Вид у Валериана недовольный, даже мятежный.

— Не дашь позабавиться?

В какой-то момент кажется, что они вот-вот подерутся, хотя с какой бы стати им драться? Потом вижу, что Кардан держит в руке соль из моей корзинки. Противоядие. (Интересно, оно-то зачем мне нужно?) Он смотрит на Валериана, подбрасывает соль, и ее рассеивает по земле ветер.

— Да что с тобой? — Кардан презрительно кривит губы. — Ну вот умрет она, и что? Кого разыгрывать будешь?

— Не умру. — Я не хочу, чтобы они расстраивались. Чувствую себя хорошо. Пожалуй, даже лучше, чем когда-либо за всю жизнь. Я рада, что противоядия больше нет.

— Принц Кардан? — вмешивается Ноггл. — Ее нужно доставить домой.

— Какие все сегодня скучные, — говорит Кардан, но ему самому, судя по тону, совсем не скучно. Наоборот, кажется, что он едва сдерживается.

— Она не хочет домой. — Никасия подходит, наклоняется и гладит меня по щеке. — Не хочешь, так ведь, милашка?

Меня уже начинает тошнить от медового вкуса во рту. Я ощущаю легкость. Я разворачиваюсь, как знамя на ветру.

— Мне бы хотелось остаться. — Здесь все так чудесно. И Никасия просто сияет.

Не уверена, что все хорошо, но чувствую себя раскрепасно.

Все такие удивительные. Даже Кардан. Раньше он мне не нравился, а теперь я думаю, что вела себя глупо. Я широко и счастливо улыбаюсь ему, хотя он и не отвечает тем же.

Ничего, просто не надо принимать все на свой счет.

Ноггл отворачивается, бормоча что-то о генерале и глупостях, а еще о том, что принцам недолго носить голову на плечах. Кардан смотрит ему вслед, сжимая кулаки.

Несколько девушек рассаживаются вокруг меня на траве. Они смеются, и я смеюсь вместе с ними.

— Впервые вижу, как смертная пробует эльфийские фрукты, — говорит одна из них другой. — Она это запомнит?

— Если только кто-то не наложит чары забвения, — раздается у меня за спиной голос Локка, но не злой, как у Кардана, а приятный. Я поворачиваюсь к нему, и он трогает мое плечо. Какая теплая у него ладонь.

— Она не захочет, — смеется Никасия. — Ей бы еще кусочек яблока.

При воспоминании о яблоке рот наполняется слюной. Сколько их, блестящих и золотистых, валялось на тропинке по пути в школе. Клянусь себя за глупость и жалею, что не остановилась, не подобрала.

— Так ее можно расспросить кое о чем? — интересуется Морагна. — О том, о чем спрашивать не принято? И она ответит? Не смутится?

— А с чего бы ей смущаться, если она среди друзей? — Никасия щурится, как кошка, которая только что съела сметану и готова подремать на солнышке.

— Кого из нас ты больше всего хотела бы поцеловать? — спрашивает Флоссфлауэр, придвигаясь поближе. До сих пор мы едва перебросились парой слов, и теперь я рада, что она хочет подружиться.

— Я бы хотела поцеловать вас всех. — Они покатываются со смеху, а я смотрю на звезды и улыбаюсь.

— Ты носишь слишком много одежды, — замечает Никасия и, глядя на мои юбки, неодобрительно качает головой. — И они уже испачкались. Их нужно снять.

А ведь правда, как это я не замечала, что платье такое тяжелое. Представляю себя совершенно голой в лунном свете, с серебристой, как листья над нами, кожей.

Я поднимаюсь. Все вокруг как будто немного скособоилось. Начинаю стягивать одежды.

— Ты права. — Меня охватывает радость. Платье соскальзывает и разливается под ногами мелкой лужицей. Белье на мне обычное, из мира людей — черный бюстгальтер и трусики в зеленый горошек.

Все смотрят на меня как-то странно, словно никогда такого белья не видели. А еще все вокруг сияет и блестит, так что, если смотреть долго, начинает болеть голова.

Какое мягкое у меня тело, как покачиваются груди, вот если бы не мозоли на руках... Под ногами теплая земля, мягкая трава щекочет голые подошвы.

— Я — красивая, да? — Мне интересно знать мнение Никасии.

— Нет, — отрезает она, бросая взгляд на Валериана, и поднимает что-то с земли. — Ты совсем не такая, как мы. — Слышать такое неприятно, но я не удивлена. Рядом с ними любая покажется бледной тенью, смазанным отражением отражения.

Валериан показывает на висящие у меня на шее бусы: высушенные красные ягоды, нанизанные на длинную серебряную цепочку.

— Это тоже надо снять.

Я заговорщически ему киваю.

— Ты прав, они мне больше ни к чему.

Никасия улыбается и протягивает руку с какой-то золотистой штукой. Присмотревшись, вижу, что это грязные, растоптанные остатки яблока.

— Давай оближи мне ладони. Ты ведь не против, да? Только сделай это, стоя на коленях.

По кружку одноклассников ветерком проносятся хихиканья и ахи. Они хотят, чтобы я сделала это. А я хочу, чтобы они были довольны и счастливы. Так же довольны и счастливы, как я. И меня

снова манит и влечет вкус яблока. Ползу к Никасии и тут...

— Нет, — передо мной встает Кардан, и его звенящий голос звучит немного неровно. Другие расступаются, дают ему пройти. Он сбрасывает мягкий кожаный сапог и выставляет вперед бледную ногу. — Джуд подползет сюда и поцелует мою ногу. Она сказала, что хочет поцеловать нас всех. Как-никак ее принц все же я.

Снова смеюсь. Даже не знаю, почему я раньше не смеялась так часто. Все такое чудесное, такое удивительное.

Смотрю на Кардана и вижу — с ним что-то не так. В его глазах пламя гнева, желания и, может быть, даже стыда. Мгновением позже он моргает, и на лицо возвращается обычное выражение холодной самоуверенности.

— Ну? побыстрее, — торопит он. — Поцелуй ногу и скажи, какой я великий и как ты мной восхищаешься.

— Хватит, — резко вмешивается Локк и, взяв меня за руку, поднимает на ноги. — Я отведу ее домой.

— Неужели? — Кардан вскидывает брови. — Только сейчас собрался?

Интересное выбрал время. Любишь пробовать, да перебрать не хочешь.

— Мне не нравится, когда ты такой, — понизив голос, говорит Локк.

Кардан вытаскивает из лацкана булавку, изящную, тонкой работы вещьцу в форме желудя с дубовым листком. В голове мелькает шальная мысль, что он отдаст булавку Локку, чтобы тот не забирал меня отсюда. План Локка представляется мне совершенно невозможным.

Потом Кардан берет меня за руку, и тепло его пальцев растекается по моей коже. Он укалывает булавкой мой большой палец, я ойкаю и сую палец в рот, ощущая языком металлический привкус крови.

— Приятной прогулки.

Локк уводит меня с лужайки, прихватывая по пути чье-то одеяло, которое набрасывает мне на плечи. Фейри провожают нас взглядами. Мы выходим из рощи. Я спотыкаюсь, и Локк поддерживает меня. Некоторые из наставников отворачиваются, чтобы не встречаться со мной взглядом.

Посасываю уколотый палец и чувствую себя как-то странно. Голова все еще кружится, но уже не так, как раньше. Что-то не так, и секундой позже я понимаю, что именно. В человеческой крови есть соль.

Меня начинает тошнить. Оглядываюсь. Смотрю на Кардана, смеющегося вместе с Валерианом и Никасией. На его руке повисла Морагна. Одна из преподавательниц, жилистая эльфийка с восточного острова, пытается начать лекцию.

Ненавижу их всех. Ненавижу всей душой. Какое-то мгновение во мне живет только ненависть, только ярость, в пламени которой сгорают все прочие мысли. Трясущимися руками затягиваю вокруг себя одеяло и уступаю Локку, который ведет меня в лес.

— Я у тебя в долгу, — говорю ему, немного успокоившись. — За то, что увел оттуда.

Он окидывает меня оценивающим взглядом, и я снова ловлю себя на том, что восхищаюсь его красотой, мягкими, окаймляющими лицо локонами. Как лее неловко быть с ним наедине, зная, что он видел меня в нижнем белье, ползающей по земле, но стыд отступает перед злостью.

Локк качает головой.

— Ты ничего не должна мне, Джуд. Особенно сегодня.

— Как ты можешь их терпеть? — Я поворачиваюсь к нему, хотя он единственный, кого не касается моя злость. — Они же отвратительны. Они... чудовища.

Он не отвечает. Мы идем дальше и выходим на усыпанную яблоками тропинку. Поддаю одно с такой силой, что оно врезается в вяз и отлетает в сторону.

— Быть с ними приятно. Можно брать все, что хочешь, позволять себе все, даже самое ужасное. С ними безопасно.

— Потому что тебя они не трогают?

Он снова не отвечает.

На границе владений Мадока я останавливаюсь.

— Дальше пойду одна. — Я пытаюсь улыбнуться, но удержать улыбку на лице не получается.

— Подожди. — Он делает шаг ко мне. — Хочу увидеть тебя еще.

Приятный был бы сюрприз, но раздражение все же сильнее. Я стою перед ним, завернувшись в чужое одеяло, под которым купленное в торговом центре белье. От меня несет землей, и я только что выставила себя полной дурой.

— Почему?

Он смотрит на меня так, словно видит нечто совершенно другое. Под его напряженным, пронизательным взглядом я невольно выпрямляюсь.

— Потому что ты, как история, которая еще не случилась и частью которой я хочу быть. Потому что хочу видеть, что ты будешь делать.

Комплимент или нет — не знаю, но, пожалуй, я его приму.

Локк берет мою руку — ту самую, которую уколол булавкой Кардан, — и целует кончики пальцев.

— До завтра, — говорит он с поклоном.

И вот в таком виде — укрывшись чужим одеялом, в сапогах и дешевом нижнем белье из супермаркета — я в одиночку направляюсь домой.

— Скажи мне, кто это сделал, — снова и снова требует Мадок, но я отмалчиваюсь.

Он расхаживает по комнате, подробно излагая, как найдет ответственных и что с ними сделает: вырвет сердца, отрубит головы и разложит их на крыше нашего дома как предупреждение другим.

Понимаю, что угрожает он не мне, но кричит-то все равно на меня. И никакой страх не позволяет забыть, что как бы хорошо ни играл Мадок роль отца, именно он убил моих родителей.

Я ничего не говорю. Думаю об Ориане, боявшейся, что мы с Тарин своим поведением причиним неудобства ее мужу. А может быть, ее больше беспокоила его реакция, если что-то случится. Отрезать головы Валериану и Никасии — очень плохая политика, а наказать Кардана — деяние на грани измены.

В конце концов решаю положить этому конец.

— Я сама во всем виновата. Увидела яблоко, решила, что хорошее, и съела.

— Как можно быть такой глупой! — Ориана оборачивается и смотрит на меня так, словно вовсе и не удивлена, а я только лишь подтвердила ее худшие опасения. — Уж тебе ли не знать, как важно быть осторожной.

— Я просто хотела повеселиться. Думала, будет забавно, — отвечаю я, играя по мере возможности роль непослушной дочери. — Так и получилось. Я как будто оказалась в прекрасном сне и...

— Замолчите! — кричит Мадок, и мы обе останавливаемся на полуслове. — Вы, обе, ни звука больше!

Я невольно съеживаюсь.

— Джуд, перестань злить Ориану. — Он бросает на меня недовольный взгляд, которым раньше награждал только Виви.

Мадок знает, что я лгу.

— А ты, Ориана, не будь такой легковверной.

Поняв, что имеет в виду супруг, Ориана тихонько ахает и невольно вскидывает руку к губам.

— Так или иначе я выясню, кого ты покрываешь, и тогда им не поздоровится. Они еще пожалеют, что появились на свет.

— Легче от этого никому не станет. — Я откидываюсь на спинку стула.

Мадок опускается передо мной на колени и берет мою руку в свои шершавые зеленые пальцы. Должно быть, почувствовав, как я дрожу, медленно выдыхает и, отказавшись от дальнейших угроз, говорит:

— Тогда скажи, от чего тебе станет легче. Скажи, и я все сделаю.

Пытаюсь представить, что будет, если я все расскажу. Как унижала меня Никасия. Как пытался убить Валериан. Они старались произвести впечатление на принца Кардана, который откровенно меня ненавидит. И я боюсь их. Боюсь даже больше, чем тебя, а ты вселяешь в меня ужас. Останови их. Сделай так, чтобы они оставили меня в покое.

Но я молчу. Гнев Мадока бездонен. Я видела его испачканным в крови моей матери, которая лежала на полу в кухне. Этот гнев, стоит только его вызвать, назад в бутылку уже не загонишь.

Что, если он убьет Кардана? Если убьет их всех? На большинство проблем у него один ответ — кровопролитие. Если все они погибнут, их родители потребуют сатисфакции. На него падет королевский гнев. Мое положение только ухудшится, а сам Мадок, скорее всего, тоже умрет.

Я выбираю другой путь.

— Научи меня стратегии. Научи драться. Научи всему, что знаешь сам.

Может быть, принц Дайн и хочет сделать меня своей шпионкой, но это не значит, что я должна отказаться от меча.

На Мадока мои слова впечатление произвели, а вот Ориана раздосадована. Наверно, думает, что я манипулирую им и что у меня это неплохо получается.

— Хорошо, — вздыхает он. — Если чувствуешь, что не в состоянии присоединиться к нам в столовой, Таттерфелл подаст обед в комнату. Более интенсивные тренировки начнем завтра.

— Поем наверху, — кутаясь в одеяло, поднимаюсь к себе. По пути прохожу мимо закрытой двери Тарин. Зайти бы к сестре, упасть на кровать, выплакаться. Так хочется, чтобы она обняла, утешила, сказала, что никак иначе я поступить не могла. Чтобы сказала, какая я смелая и как она меня любит. Но я знаю, что ничего такого не будет, а потому прохожу мимо.

Пока меня не было, в комнате убрали, постель застелили, окна открыли свежему вечернему воздуху. В изножье кровати лежит сложенное домотканое платье с королевским гербом, который носят слуги принцев и принцесс. На балконе сидит хоб с совиным лицом. Прихорашивается, ерошит перья.

— Ты, — говорю я. — Ты один из его...

— Отправляйся завтра в Холлоу-Холл, сладенькая, — перебивает меня гость. — Найди секрет, который не понравится королю. Найди измену.

Холлоу-Холл. Дом принца Балекина, старшего из принцев.

Двор теней дает мне первое задание.

ГЛАВА 12

Спать ложусь пораньше, а когда просыпаюсь, за окном еще темно. Болит голова — может, из-за того что слишком долго спала, — и ноет тело. Должно быть, мышцы всю ночь оставались в напряженном состоянии.

Занятия уже начались, но сегодня это неважно. В любом случае я никуда не пойду.

Таттерфелл оставила на столике поднос с кофе, сдобренного корицей, гвоздикой и крохотной щепоткой перца. Наливаю чашечку. Чуть теплый, а значит, стоит здесь уже какое-то время. Есть еще тост, который я несколько раз макаю в кофе.

После завтрака умываюсь. Лицо и тело все еще липкие от яблочной мякоти. Наскоро причесываюсь, стягиваю волосы в пучок и закалываю веточкой.

О том, что случилось накануне, запрещаю себе даже думать. Вообще ни о чем думать не желаю, кроме того, что предстоит сделать сегодня и о поручении принца Дайна. «Отправляйся завтра в Холлоу-Холл. Найди секрет, который не понравится королю. Найди измену».

Итак, Дайн хочет, чтобы я помогла обеспечить избрание Балекина следующим королем. Элдред может провозгласить наследником любого из своих детей, но в фаворе у него трое старших: Балекин, Дайн и Эловин, причем шансы Дайна оцениваются выше. Вопрос лишь в том, помогут ли шпионы сохранить такое положение.

Если я выполню свою работу хорошо, то Дайн, после восшествия на престол, даст мне власть, в которой я так нуждаюсь. Особенно после вчерашнего. Этой власти я жажду так же отчаянно, как накануне жаждала эльфийского фрукта.

Надеваю платье служанки прямо на голое тело, чтобы выглядеть по возможности похоже. В дальнем углу гардероба нахожу пару старых кожаных тапочек. На большом пальце у них дырка, зашить которую я пыталась год назад, но так и не смогла: моих навыков швеи оказалось недостаточно, чтобы справиться с такой задачей. В результате все, чего мне удалось добиться, это изуродовать тапочки. Зато они отлично сидят на ноге, а моя другая обувь слишком красивая.

Людей-слуг в доме Мадока мы не видели, но в других частях Фейриленда они встречаются. Это акушерки, принимающие детей, рожденных в смешанных браках. Ремесленники, проклятые или

благословенные талантом. Няни, кормящие грудью болезненных или хилых младенцев фейри. Похищенные дети, не допущенные, как мы, к обучению с детьми знати. Попадают и просто любители магии, которые не против выполнить ту или иную тяжелую работу в обмен на исполнение желания.

Когда наши дорожки пересекаются, я всегда пытаюсь завести с ними разговор. Иногда наши желания совпадают, но бывает и наоборот. У большинства тех, кто выполняет работу попроще, память изменена, и они считают, что трудятся в лечебном заведении или в доме какого-то богача. По возвращении домой — Мадок уверяет меня, что возвращаются все, — с ними расплачиваются, а некоторые еще и получают подарки: удачу, сияющие волосы или способность угадывать правильные номера в лотерее.

Но есть и другие люди, те, кто заключает плохую сделку или каким-то образом обижает фейри, обижать которого не следует, и вот с ними обходятся не очень хорошо. Мы с Торин слышали истории — не предназначавшиеся для наших ушей, — о людях, которые спят на каменном полу и едят отбросы, полагая, что покоятся на пуховых перинах и вкушают изысканные кушанья, о людях, обезумевших от эльфийских фруктов. По слухам, таких несчастных немало среди слуг принца Балекина.

От этих мыслей меня бросает в дрожь. Тем не менее я понимаю, почему смертных используют в качестве шпионов. Дело даже не в том, что они способны лгать. На смертных просто не обращают внимания. С арфой мы — барды. В домашнем платье — слуги. В платье — жены с постоянно ноющими детьми-гоблинами.

Оставаясь незаметным, ты имеешь немалые преимущества.

Одевшись, я собираю сумку — кладу сменное платье и нож, набрасываю на плечи плотный бархатный плащ и спускаюсь по лестнице. В животе бурчит кофе. Уже дойдя до двери, вижу Виви, сидящую у окна на накрытом гобеленом диванчике.

— Встала? — Она поднимается. — Хорошо. Не хочешь пострелять из лука? Я приготовила стрелы.

— Может, попозже, — запахиваю поплотнее плащ и, вежливо улыбнувшись, пытаюсь пройти мимо. Не получается. Сестра останавливает меня.

— Тарин рассказала о твоём разговоре с принцем вчера после турнира. А Ориана сообщила, в каком виде ты явилась домой. Об остальном я и сама могу догадаться.

— Обойдусь без ещё одной лекции. — От воспоминаний о случившемся накануне меня удерживает только полная сосредоточенность на поручении Дайна. Отвлекаться я совершенно не хочу. Боюсь, что уже не

смогу сохранить самообладание.

— Тарин ужасно себя чувствует, — продолжает Виви.

— Да, — отвечаю я. — Некоторых тошнит от собственной праведности.

— Прекрати. — Она хватается меня за руку и смотрит на меня своими словно расколотыми зрачками. — Ты можешь поговорить со мной. Можешь довериться мне. Что происходит?

— Ничего. Я сделала ошибку. Разозлилась. Хотела доказать кое-что. Получилось глупо.

— Это из-за того, что я сказала? — Виви еще крепче сжимает мою руку. «Фейри будут обращаться с вами как с мусором».

— Виви, в том, что я приняла не те решения и испортила себе жизнь, твоей вины нет. Но они еще пожалеют, что разозлили меня. Это я обещаю.

— Подожди, что ты имеешь в виду? — спрашивает Виви.

— Не знаю. — Я высвобождаю руку, иду к двери, и теперь она меня не останавливает.

Выхожу и сразу же бегу через лужайку к конюшне.

С Виви я вела себя грубо. Ничего плохого она мне не сделала, всего лишь хотела помочь.

Может, я просто разучилась быть хорошей сестрой?

Возле конюшни останавливаюсь, прислоняюсь к стене и делаю несколько глубоких вдохов. Много лет, больше половины жизни, я сражаюсь с приступами паники. Когда ты постоянно на взводе и такое состояние кажется тебе нормальным и даже необходимым, это не очень хорошо. Но в данный момент я совершенно не представляю, как жить по-другому.

Самое важное сейчас — произвести впечатление на принца Дайна. Я не могу позволить, чтобы Кардан и его дружки мне помешали.

Для поездки в Холлоу-Холл решаю взять одну из жаб, поскольку разъезжать на конях с серебряными копытами дозволено только джентри. Возможно, слугам вообще положено перемещаться лишь пешком, но жаба по крайней мере не так бросается в глаза, как лошадь.

Только в Фейриленде гигантская жаба не самое примечательное средство передвижения. Седлаю одну, пятнистую, и вывожу ее на траву. Длинный язык хлещет по золотистому глазу, и я невольно делаю шаг назад. Потом ставлю ногу в стремя и вскакиваю в седло. Одной рукой сжимаю поводья, другой шлепаю по мягкой, прохладной коже спины. Жаба прыгает вверх, и мне остается только держаться.

Холлоу-Холл — каменное строение, кривоватая, неуклюжая башня,

скрытая наполовину плющом. На втором этаже — балкон с поручнями, но не железными, а веревочными. С балкона свисает завеса из тонких стеблей, напоминающая издали неряшливую, с комочками земли бороду. Во всем этом сооружении есть что-то уродливое, придающее башне зловещий вид. Привязываю жабу, засовываю плащ в седельную сумку и направляюсь к боковой стене, полагая, что там должна находиться дверь для слуг. По пути останавливаюсь и собираю попавшие под ноги грибы, чтобы со стороны выглядело так, будто у меня есть все основания находиться в лесу.

Чем ближе, тем сильнее колотится сердце. Снова и снова повторяю себе, что Балекин не сделает мне ничего плохого. И даже если попадусь, меня просто передадут Мадоку. Бояться нечего.

Убеждая себя, я вовсе не уверена, что так оно и есть на самом деле, но все же достигаю боковой двери и проскальзываю внутрь. Коридор ведет в кухню, где я оставляю грибы на столе, рядом с разделанными окровавленными кроликами, пирогом с голубем, связкой чеснока, букетиком розмарина, несколькими сливами и дюжиной бутылок вина. Чуть в стороне тролль помешивает что-то в большом котле. Рядом с ним крылатая пикси. Мои соплеменники, изможденного вида мальчик и девочка, оба с глуповатыми улыбками и остекленевшими глазами, нарезают овощи и при этом даже не смотрят, что делают. Удивительно, что они еще не отрезали себе пальцы. А даже если бы и отрезали, то, скорее всего, и не заметили бы. Вспоминаю, как чувствовала себя вчера, и эльфийский фрукт отзывается во рту непрошеным послевкусием, а к горлу подступает тошнота. Прибавляю шаг и торопливо иду дальше по коридору.

Бледноглазый страж-фейри хватается меня за руку. Поднимаю голову и смотрю на него, надеясь, что отработанное с годами выражение пустого довольства и туповатой мечтательности, как у тех ребят на кухне, не подведет и сейчас.

— Что-то я раньше тебя не видел, — говорит он, с подозрением меня рассматривая.

— Ты — милый, — с благоговением и некоторой растерянностью изрекаю я. — Глазки как зеркальца.

Он фыркает, по всей вероятности, выражая свое презрение к очарованной служанке. Похоже, получилось неплохо, но я все равно нервничаю, поймав себя на том, что импровизация дается мне хуже, чем я на то рассчитывала.

— Новенькая? — растягивая слоги, спрашивает он.

— Новенькая? — переспрашиваю я, пытаюсь представить, какой опыт может быть у того, кто только что попал сюда. Во рту усиливается

тошнотворный привкус, и вместо того, чтобы глубже войти в роль, я все острее ощущаю рвотные позывы. — Раньше я была в другом месте. Где-то еще... Но сейчас мне надо убрать в большом зале. Чтобы все сверкало.

— Ну, тогда поторопись. — Он отпускает меня.

Иду, стараясь удержать нарастающую под кожей дрожь. Я не лщу себе. Не мое искусство перевоплощения убедило стража. Он сам обманул себя: я — человек, а люди, в его понимании, должны быть слугами. Теперь мне еще понятнее, почему принц Дайн решил, что я могу быть полезной. После стража моя задача облегчилась, я получила большую свободу передвижения по Холлоу-Холлу. Десятки людей снуют туда-сюда по своим делам, словно забывшись в нездоровом сне. Кто-то напевает, кто-то бормочет себе под нос, но разговоры, обрывки которых доносятся до меня, происходят лишь в воображении этих несчастных. Их глаза как будто затянуты дымкой, губы потрескались. Неудивительно, что стражник счел меня новенькой.

Но, кроме слуг, есть, конечно, и фейри, гости, пришедшие на какой-то праздник, который не заканчивается, а только набирает силу.

Они спят. Одни почти полностью одетые, другие — почти голые. Спят, растянувшись на диванах и в обнимку на полу, в гостиных, мимо которых я прохожу. Губы у многих испачканы золотом «невермор», сверкающего порошка столь сильной концентрации, что фейри от него цепенеют, а смертные обретают способность очаровывать друг друга. Тут и там валяются кубки, и медовое вино растекается струйками по неровному полу и собирается в большие винные озера. Некоторые гости настолько неподвижны, что я начинаю беспокоиться — уж не упились ли они насмерть.

— Извините. — Я обращаюсь к девушке примерно моего возраста, несущей оловянное ведро. Она проходит мимо, словно и не заметив меня. Не зная, что делать, решаю последовать за ней. Мы поднимаемся по широкой, без перил, каменной лестнице. Еще трое лежат в ступоре рядом с бутылкой размером с наперсток. Сверху, с другого конца коридора, доносится странный, как будто от внезапной боли, вскрик. Что-то тяжелое падает на пол. Делаю вид, что ничего не слышу, удерживаю на лице выражение мечтательного безразличия, но это требует усилий. Сердце трепещет, как попавшая в силос птичка.

Девушка открывает дверь спальни, и я протискиваюсь за ней. На каменных стенах ни гобеленов, ни картин. Большую часть первой комнаты занимает массивная кровать с низким изножьем и балдахином. Передняя спинка украшена резными изображениями различных животных с

женскими головами и обнаженными бюстами — сов, змей и лис, — вовлеченных в какой-то причудливый танец. Удивляться нечему, поскольку Балекин возглавляет славящийся распутством Круг граклов. На деревянном столе стопка книг, среди которых я узнаю знакомые — по этим же учебникам занимаемся и мы с Тарин. Еще несколько разложены рядом с открытой чернильницей. На полях одной видны аккуратные пометки, другая испачкана кляксами. На заляпанной чернильными пятнами книге лежит сломанная ровно пополам и определенно намеренно — не представляю, как такое может получиться случайно, — деревянная ручка.

Ничего особенного. Ничего подозрительного.

Зная, что в дом я так или иначе проникну, принц Дайн снабдил меня формой. Он, конечно, рассчитывал, что дальше мне поможет способность лгать. Но теперь, оказавшись внутри, я надеюсь лишь на то, что в Холлоу-Холле есть что найти. А значит, несмотря на страх и волнение, нужно быть внимательной.

Вдоль стен тоже книги, в том числе и те, что имеются в библиотеке Мадока. Останавливаюсь перед стеллажом, стою, хмурясь, потом опускаюсь на колени. В самый уголок засунута книга, которую я знаю, но которую никак не ожидала увидеть здесь — «Алиса в Стране чудес и Алиса в Зазеркалье» в одном томе. Точно такую книгу читала нам мама в том мире, мире смертных.

Открываю. Вижу знакомые иллюстрации и натываюсь взглядом на слова:

— Но я не хочу гулять среди сумасшедших, — заметила Алиса.

— Ничего не поделаешь, — сказал Кот. — Мы все здесь сумасшедшие. Я — сумасшедший. Ты — сумасшедшая.

— Почему вы думаете, что я — сумасшедшая? — спросила Алиса.

— Потому что иначе ты бы сюда не пришла».

В горле поднимаются пузырьки смеха, и я, что-бы они не вырвались, прикусываю губу.

Девушка-служанка, стоя на коленях перед огромным камином, выгребает с решетки золу. По обе стороны от нее застыли подставки для дров, выполненные в форме громадных свернувшихся змей, глаза которых вспыхнут, как только оживет огонь.

Смешно, но я не могу заставить себя вернуть книгу на место. Книга, конечно, не та, которую взяла с собой Виви, не та, которую я видела в маминых руках, когда она читала ее нам перед сном. Сую под платье.

Иду к платяному шкафу, открываю, ищу какой-нибудь ключ, какую-то подсказку, что-то, что может быть ценной информацией. Но едва

заглядываю внутрь, как в груди вспыхивает паника. Я мгновенно понимаю, в чьей комнате нахожусь. Эти экстравагантные камзолы и бриджи принадлежат, конечно же, принцу Кардану. Это его роскошные, подбитые мехом плащи и рубашки из тончайшего и легкого, как паутина, шелка.

Убрав золу, девушка-служанка выкладывает пирамидой дрова и добавляет для растопки щепки благоухающей сосны. Меня так и тянет оттолкнуть ее и убежать из Холлоу-Холла.

Я предполагала, что Кардан живет во дворце с отцом, королем, но мне и в голову не приходило, что он может жить с одним из своих братьев. В памяти осталась картина: Дайн и Балекин пьют вместе на последней пирушке при Дворе. Остается только надеяться, что все это не подстроено специально, чтобы унижить меня еще больше, дать Кардану еще один повод — или, что хуже, возможность — наказать меня еще сильнее. Я не хочу в это верить. У принца Дайна, которого вот-вот возведут на трон, просто нет времени заниматься мелкими играми, приглашать меня на службу только потому, что так хочет младший брат. Принц не стал бы ради этого накладывать на меня защитное заклятие и торговаться со мной. Я должна верить, что все по-настоящему, потому что альтернатива ужасна.

Все это значит, что по пути домой я должна, кроме принца Балекина, избегать еще и принца Кардана. Каждый из них может узнать меня, увидев даже мимолетно. Следовательно, нужно позаботиться о том, чтобы никто не увидел. Может быть, они и не станут присматриваться. Разве люди-слуги вызывают у кого-то интерес?

Осознав, что не так уж отличаюсь от остальных, присматриваюсь к девушке. Отмечаю скопление бородавок на шее, секущиеся концы светлых волос и загрубевшую кожу на коленях. Выпрямляясь, она слегка покачивается, наверное, от усталости, даже если сама не отдает себе в этом отчета.

Узнаю ли я ее, если увижу снова?

Нет, чары лучше не разрушать, толку от этого не будет. Девушка продолжает работать, улыбаясь той же жуткой, довольной улыбкой. Когда она выходит из комнаты, я иду в противоположном направлении. Нужно найти личные покои Балекина, найти его тайны, а потом уже убираться.

Осторожно открываю двери, заглядываю. Обнаруживаю две спальни. В обеих толстый слой пыли. На кровати, под пологом из паутины, неподвижная фигура. На мгновение замираю, пытаюсь решить, что передо мной — статуя, труп или нечто живое, — а потом понимаю, что к моей миссии это не имеет никакого отношения, и быстренько отступаю. Открываю другую дверь и вижу несколько спящих в объятиях друг друга

фейри. Один из них сонно моргает и смотрит на меня. У меня перехватывает дыхание, но фейри лишь поворачивается на бок.

Седьмая комната выходит в коридор с винтовой лестницей, уходящей, должно быть, в башню. Сердце пускается вскачь, кожаные подошвы неслышно ступают по каменным ступенькам, и я быстро поднимаюсь наверх.

Круглая комната. Вдоль стен — книжные стеллажи, заполненные манускриптами и свитками, золотыми кинжалами и стеклянными флаконами с некими яркими жидкостями. В глаза бросается череп существа с массивными оленьими рогами, поддерживающими тонкие восковые свечи.

У единственного окна два больших кресла. Середину комнаты занимает громадный стол с расстеленными картами, уголки которых прижаты кусками стекла и металлическими предметами. Рядом стопка бумаг. Просматриваю документы и наталкиваюсь на такое письмо:

Я знаю, где найти румяный гриб, о котором вы спрашиваете, но обстоятельства его дальнейшего использования вами не должны быть связаны со мной.

После этого я буду считать мой долг оплаченным. И пусть мое имя никогда более не коснется ваших губ.

Хотя письмо не подписано, элегантный почерк выдает женскую руку. Похоже, что-то важное. Может быть, то самое доказательство, которое ищет Дайн? Может быть, это и есть то, что ему нужно? Вот только взять письмо я не могу. Нахожу чистый листок, прижимаю его к записке и как можно быстрее обвожу проступающие под бумагой буквы, стараясь передать почерк писавшего.

Уже заканчивая, слышу какой-то звук. По лестнице кто-то поднимается.

Я в панике. Спрятаться негде. В комнате, кроме стеллажей, ничего нет. Складываю записку, хотя и знаю, что скопировала не все и свежие чернила смажутся. Быстро забираюсь под кожаное кресло, сжимаюсь в комок. Эх, не надо было брать книгу, а теперь ее острый угол врезается под мышку. И о чем я только думала, считая себя ловкой шпионкой? Крепко зажмуриваюсь, как будто если я никого не увижу, то и никто из вошедших не увидит меня.

— Надеюсь, ты практикуешься, — говорит Балекин.

Чутьочку приоткрываю глаза. Кардан стоит возле книжного стеллажа. Тут же слуга с каменным лицом, в руке церемониальный меч с золотой гравировкой по клинку и металлическими крыльями, образующими гарду.

Чтобы не выдать себя случайно вырвавшимся звуком, прикусываю язык.

— А мы должны? — усталым тоном спрашивает Кардан.

— Покажи, чему ты научился. — Балекин берет посох со стенда позади стола, на котором представлен целый ассортимент посохов и палок. — Все, что нужно, это одно меткое попадание. Всего лишь одно, братишка.

Кардан остается на месте.

— Возьми меч. — Похоже, терпение Балекина на пределе.

Кардан страдальчески вздыхает и поднимает клинок. Стойка — ужасная. Понятно, почему Балекин так раздражен. По достижении определенного возраста, как только принц окрепнет достаточно, чтобы держать в руке палку, к нему приставляют инструкторов по боевым искусствам. Меня этому делу обучают с того самого времени, как я оказалась в мире фейри, так что у Кардана передо мной преимущество в несколько лет. И первым делом новичка учат принимать правильную стойку.

Балекин поднимает посох.

— Нападай!

Какое-то время, довольно долго, они стоят неподвижно, друг против друга. Потом Кардан неуверенно машет мечом, и Балекин в ответ резко опускает посох и бьет младшего брата по голове. Судя по звуку, с которым дерево ударяет в кость, получилось больно. Я невольно моргаю. Кардан злобно скалит зубы и подается вперед. Щека и ухо у него покраснели.

— Да это же нелепо. — Кардан плюет на пол. — Что за дурацкие игры? Зачем они нам? Или тебе такое нравится? Развлекаешься, да?

— Бой на мечах не игра и не забава. — Балекин делает еще один выпад. Кардан пытается отпрыгнуть, но посох бьет его в бедро. Младший принц кривится от боли и, защищаясь, выставляет меч.

— Но тебе-то нравится, да?

Балекин темнеет лицом, костяшки сжимающих посох пальцев белеют. Очередной удар застает Кардана врасплох и приходится в живот. Не удержавшись на ногах, бедняга падает на каменный пол.

— Я пытался направить тебя на верный путь, но ты упорно растрачиваешь свои таланты в пирушках и ночных гулянках, в бессмысленных состязаниях и жалких романах...

Кардан вскакивает и, словно дубинкой, размахивая мечом, бросается на брата. Перед лицом столь безумного натиска Балекин вынужден отступить.

Наконец-то Кардан демонстрирует свою технику боя. Теперь он действует более расчетливо и атакует противника с разных сторон. В школе

большого интереса к боевым искусствам за ним не замечается, и, хотя стороннему наблюдателю видно, что по крайней мере основы боя он постиг, систематической подготовки ему явно не хватает. Балекин обезоруживает брата безжалостно и эффективно. Выбитый из руки Кардана меч с лязгом падает и скользит по каменному полу. В мою сторону. Я еще глубже забиваюсь в тень под креслом. В какой-то момент меня охватывает страх, но положение спасает страж, который не моргнув глазом перехватывает грозное оружие.

Балекин подсекает брата ударом посоха по ногам, и тот снова оказывается на полу.

Я облегченно выдыхаю. Жаль только, посох не в моих руках.

— Можешь не вставать. — Балекин расстегивает пояс и передает стражу, который дважды оборачивает его вокруг ладони. — Ты не прошел испытание. Снова.

Кардан не отвечает. В его глазах бушует уже знакомая мне ярость, но только сейчас она направлена на другого. Он на коленях, но покорным не выглядит.

— Скажи-ка, когда ты наконец возьмешься за ум. — Балекин прохаживается вокруг младшего брата, и его голос обманчиво мягок. — Пока же ты одно сплошное разочарование.

— Может быть, тогда, когда ты перестанешь притворяться, что делаешь это не ради собственного удовольствия, — отвечает Кардан. — Хочешь унижить меня — давай, и не трать так много времени. Если...

— Отец, когда зачал тебя, был стар, и семя его было слабым. Потому и ты слаб. — Балекин кладет ладонь на шею брата. Жест вроде бы нежный, но Кардан вздрагивает и оказывается прижатым к полу. — Снимай рубашку и прими наказание.

Кардан стягивает рубашку, обнажая бледную спину с тонким узором едва заметных шрамов. Чувствую, живот как будто стягивает обруч. Сейчас его будут бить.

Мне бы торжествовать, видя врага таким униженным. Мне бы радоваться, что ему живется еще хуже, пусть даже он принц фейри, ублюдок, обреченный на вечную жизнь. Если бы мне сказали, что я увижу такое, я бы, наверно, захлопала в ладоши. Но сейчас, наблюдая за происходящим, я понимаю, что за его дерзостью прячется страх. Никто не хочет, чтобы о его страхах знали другие, и многие скрывают их за громкими словами. Нет, мое отношение к нему не меняется к лучшему, но впервые он кажется настоящим. Не хорошим — настоящим.

Балекин кивает, и слуга бьет. Дважды. Кожаным ремнем по спине. Эхо

кажется еще громче в неподвижном воздухе комнаты.

— Это не потому, что я злюсь на тебя, брат, — говорит Балекин, и меня бросает в дрожь от этих слов. — Это потому, что я тебя люблю. Потому что люблю нашу семью.

Страж в третий раз поднимает руку, и тут Кардан прыгает за своим мечом, лежащим на столе, куда и положил его слуга. В голове мелькает мысль: сейчас убьет.

Слуга не издает ни звука и даже не поднимает руку, чтобы защититься. Может быть, под действием чар он даже не сознает опасности. Может быть, так и умрет, ничего не предприняв. Меня едва не парализует ужас.

— Смелей, — скучающим тоном говорит Балекин и кивает в сторону стража. — Убей его. Покажи, что хотя бы крови не боишься. Покажи, что можешь по крайней мере нанести смертельный удар.

— Я не убийца, — отвечает, к моему удивлению, Кардан. Вот уж не думала, что этим молено гордиться.

Два шага, и вот уже Балекин рядом с братом. Как же они похожи. И у одного, и у другого чернильно-черные волосы, хищные глаза, надменное выражение лица. Но за спиной старшего десятилетия опыта, и он, легко обезоружив брата, толкает его на пол.

— А раз так, то и прими наказание, как подобает жалкому созданию, коим ты и являешься. — Балекин делает знак слуге, который, стряхнув дремоту, приступает к делу.

Я слежу за каждым ударом, за каждым вздрагиванием. Ничего другого не остается. Можно закрыть глаза, но нельзя заткнуть уши. И одно, и другое ужасно, а хуже всего пустое лицо Кардана и его бесстрастные, холодные, как свинец, глаза.

Своей жестокостью он в полной мере обязан старшему брату. В жестокости его растили, в нюансы жестокости посвящали, применению жестокости обучали. И как ни ужасен Кардан, теперь я понимаю, каким он может стать, и мне становится страшно.

ГЛАВА 13

В платье служанки попасть во Дворец Эльфхейм даже легче, чем войти во владения Балекина. Все, от гоблина до джентри и от смертного придворного поэта до сенешаля, едва достаивают меня мимолетным взглядом, когда я неловко пробираюсь по запутанным лабиринтам коридоров. Я — ничто и никто, посыльный, достойный внимания не больше, чем механическая игрушка или сова. Безмятежное выражение лица и устремленность вперед приводят меня в покои принца Дайна без малейшей заминки, и это притом, что я дважды сбиваюсь с пути и вынуждена возвращаться.

Стучу тихонько в дверь. К счастью, открывает сам принц. Увидев меня в домотканом платье служанки, он удивленно поднимает брови. Как и подобает девушке моего положения, делаю реверанс и на случай, если мы не одни, сохраняю на лице выражение довольной покорности.

— Да? — спрашивает Дайн.

— У меня для вас сообщение, ваше высочество, — говорю я, надеясь, что не нарушаю общепринятый этикет. — Прошу уделить мне минуту вашего времени.

— У тебя хорошо получается, — говорит он. — Входи.

Какое удовольствие расслабиться, снять маску, смахнуть бессмысленную улыбку.

Следую за принцем в его гостиную. Повсюду бархат, шелка и парча. В цветовой гамме доминируют малиновый, синий и зеленый, все глубоких, темных тонов, как перезрелые фрукты. Узоры на тканях привычные — замысловатые переплетения веток вереска, листья, которые могут оказаться пауками, если смотреть на них под другим углом, и сцены охоты, где не вполне понятно, кто на кого охотится. Я вздыхаю, сажусь в указанное мне кресло и опускаю руку в карман.

— Вот, — достаю сложенный листок, кладу на изящный столик с резными птичьими лапками вместо ножек и разглаживаю. — До конца скопировать и промокнуть не успела — помешали, так что немного смазлось. — Украденную книгу я оставила с жабой. Не хочу, чтобы Дайн знал, что я прихватила кое-что для себя.

Он щурится, стараясь разобрать за пятнами буквы.

— Балекин тебя не видел?

— Его отвлекли, а я спряталась. — Мне не приходится даже врать.

Дайн кивает и звонит в маленький колокольчик, возможно, вызывает слугу. Лучше бы кого-нибудь не под чарами.

— Хорошо. Тебе самой понравилось?

И как это понимать? Я не уверена, что знаю. По большей части мне было страшно — что же здесь может нравиться? Но чем дольше я думаю, тем яснее сознаю, что да, приключение, в общем-то, пришлось мне по душе. Едва ли не вся моя жизнь прошла в напряженном ожидании чего-то, какого-то логического завершения происходящего — дома, на занятиях, при Дворе. Страх быть пойманной в роли шпионки стал новым, до того не ведомым ощущением. По крайней мере я точно знала, чего именно следует бояться и что нужно, чтобы добиться успеха. Шнырять по дому Балекина было не страшнее, чем веселиться на некоторых пирушках.

Правда, многое переменялось после сцены с наказанием Кардана, невольной свидетельницей которой я стала. Там я почувствовала нечто такое, углубляться во что никак не хотелось бы.

— Мне нравится хорошо делать свое дело, и эта работа дает такую возможность, — говорю я наконец, найдя честный ответ.

Дайн задумчиво кивает и уже начинает говорить что-то, но тут в комнату входит гоблин. Лицо его все в шрамах, кожа зеленая, как вода в зацветшем пруду, длинный нос шмыгает влево-вправо, а когда возвращается в исходное положение, то напоминает косу. Волосы — черный хохолок на макушке. Глаза абсолютно непроницаемы. Несколько раз он моргает, словно никак не может взять меня в фокус.

— Меня тут кличут Тараканом. — Голос на удивление мелодичный и никак не вяжется с малоприятной физиономией. Отвесив поклон, он кивает в сторону Дайна. — Состою у него на службе. Смею предположить, как и ты. Ты ведь та новая девчонка, верно?

Я киваю.

— Мне положено представиться или изречь что-то умное?

Гоблин ухмыляется, что вовсе не добавляет привлекательности его безобразной физиономии.

— Мое дело — познакомить тебя со всей группой. И не беспокойся насчет того, какое имечко получишь. Это уж мы сами решаем. Думаешь, кому-то в трезвом рассудке захотелось бы зваться Тараканом?

— Отлично, — говорю я и вздыхаю.

Некоторое время он присматривается ко мне.

— Да, талант и впрямь немалый. Не говорить, что имеешь в виду.

Одет Таракан в некое подобие официального камзола, сшитого из обрывков кожи. Интересно, что сказал бы Мадок, узнав, где я была и с кем

встречалась. Полагаю, похвалы я бы от него не дождалась. Скорее всего, то, чем я сегодня занималась, его бы не обрадовало. У солдат свое, особенное, представление о чести. Прокрадываться в чужие дома, красть документы — такое с их понятиями о приличии сочетается плохо. И хотя у Мадока наверняка есть собственные шпионы, мое пребывание в этом звании он вряд ли бы одобрил.

— Так, значит, он шантажирует королеву Орлаг, — говорит Дайн, и мы с Тараканом поворачиваемся и смотрим на него.

Принц хмурится, и до меня вдруг доходит: он узнал почерк на моей копии письма. Женщина, добывшая яд для Балекина, — мать Никасии, королева Орлаг. И сделав это, она рассчиталась за некий долг, хотя, зная Никасию, можно предположить, что врожденная недоброжелательность и раздражительность не позволяют матери Никасии долго наслаждаться покоем. Но королева Подводного мира могуча и всевластна. Трудно даже представить, чем именно может шантажировать ее принц.

Дайн передает мое письмо Таракану.

— Ты по-прежнему считаешь, что он использует его до коронации?

Нос у гоблина слегка подрагивает.

— Ловкий ход. Как только корона будет на вашей голове, сбросить ее не сможет уже ничто.

До этого момента я еще не была уверена, кому предназначен яд. Открываю рот и тут же прикусываю язык, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость. Разумеется, речь идет о самом Дайне. Чьей еще смерти может желать Балекин? Если бы речь шла об особе не столь значительной, он, скорее всего, избрал бы другой, менее дорогостоящий способ.

Дайн, похоже, заметил, что я удивлена.

— Мы с братом никогда не ладили — уж слишком он честолобив. И все же я надеялся... — Он машет рукой, словно отгоняет какую-то мысль. — Яд, хотя и считается оружием трусов, отличается эффективностью.

— А как же принцесса Эловин? — спрашиваю я, не подумав как следует. Возможно, яд предназначен и ей тоже. У такой женщины, как королева Орлаг, отравы должно быть целая тележка.

Мой вопрос остается без ответа.

— Может быть, Балекин планирует жениться на ней, — говорит Таракан, к нашему с Даином удивлению. И, видя реакцию, пожимает плечами. — А что? Если он не позаботится о хорошем прикрытии, то станет следующим, кто получит нож в спину. А что касается женитьбы на сестре, то такое у джентри уже случалось.

Впервые за время разговора Дайн позволяет себе рассмеяться.

— Если он женится на ней, то получит нож в грудь.

Эловин всегда казалась мне женщиной мягкой и доброй. И теперь я снова сознаю, как мало на самом деле знаю о мире, в котором собираюсь прокладывать путь.

— Идем. — Таракан жестом предлагает мне встать. — Пора тебе познакомиться с остальными.

Бросаю просительный взгляд в сторону Дайна. Не хочу идти с гоблином, которого только-только встретила и которому еще не вполне доверяю. Даже я, выросшая в доме военного, боюсь гоблинов.

— Пока ты не ушла...— Дайн поднимается и подходит ко мне. — Я обещал, что никто, кроме меня самого, не сможет принудить тебя делать что-то вопреки твоему желанию. Боюсь, мне придется исполнить это обещание. Джуд Дуарте, я запрещаю тебе говорить вслух о том, что ты служишь мне.

Я запрещаю тебе выражать это письменно или песней. Ты никогда и никому не расскажешь о Таракане и других моих шпионах. Ты никогда не раскроешь их секреты, места их встреч, их убежища, квартиры. Пока я жив, ты будешь исполнять это требование.

На шее у меня бусы из ягод рябины, но от магии гейэс они защитить не могут. Это не обычные чары и не простое волшебство.

Бремя заклęcia обрушивается на меня, и я знаю, что, если только попытаюсь заговорить, губы не смогут оформить запретные слова. Мне это сильно не нравится. Ужасное, неконтролируемое чувство заставляет рыться в голове, искать способ обойти эту заповедь, но ничего не получается.

Думаю о нашей первой поездке в Фейриленд. Как же плакали, буквально выли, Тарин и Виви. Вспоминаю угрюмое лицо Мадока, его каменный подбородок. К детям, тем более человеческим, он явно не привык. Как же, наверно, звенело у него в ушах. Как, должно быть, он хотел, чтобы мы заткнулись. Думать о Мадоке что-то хорошее трудно — на его руках кровь наших родителей, — но в его пользу я скажу вот что: он никогда не прибегал к магии, чтобы стереть нашу печаль или приглушить наши голоса. Он никогда не делал ничего такого, чтобы облегчить себе жизнь.

Стараюсь убедить себя, что принц Дайн делает все правильно, налагая на меня печать молчания, что без этого нельзя. Но по коже бегут мурашки. В какой-то момент меня даже посещает сомнение: а правильным ли было решение поступить к нему на службу.

— И еще одно, — говорит Дайн, останавливая меня уже у порога. — Знаешь, что такое митридатизм?

Я качаю головой — что бы он ни собирался сказать сейчас, мне нет до этого никакого дела.

— Поинтересуйся. — Он улыбается. — Это не приказ, а только лишь предложение.

Иду за Тараканом по дворцу, держась на несколько шагов позади, чтобы никто не подумал, что мы вместе. Проходим мимо генерала, знакомого Мадока. Я опускаю голову. Не думаю, что он станет присматриваться и может узнать, но на всякий случай...

— Куда мы идем? — шепотом спрашиваю через несколько минут. — Далеко еще?

— Потерпи немного, — резко отвечает гоблин и, открыв буфет, забирается внутрь. Глаза его отсвечивают оранжевым, как у медведя. — Давай залезай и закрой дверцу.

— Я не вижу в темноте, — напоминаю я, потому что жители Фейриленда постоянно забывают об этой нашей особенности.

Он фыркает.

Забираюсь вслед за ним в тесное пространство, съезживаюсь так, чтобы не коснуться гоблина, и закрываю дверцу. Слышу, как мягко скользит дерево, чувствую порыв холодного, влажного воздуха и запах сырого камня.

Таракан осторожно берет меня за руку, но я все равно помню о его когтях. Не протестую, когда он тянет меня вперед, позволяю прикоснуться к голове, когда нужно наклониться. Наконец выпрямляюсь и вижу, что мы на узкой платформе, кажется, над дворцовыми винными погребами.

Глаза еще не привыкли к темноте, но, судя по тому, что я вижу, под дворцом расположена целая сеть петляющих переходов. Интересно, многие ли знают о ее существовании. Улыбаюсь — приятно все-таки владеть секретом. И, подумать только, этим секретом владею я.

А знает ли Мадок?

Кардан точно не знает.

Губы растягивает довольная ухмылка.

— Может, хватит лыбиться? — ворчит Таракан. — Я уже заждался.

— Расскажешь что-нибудь? — спрашиваю я. — Ну, там, куда идем и что будет, когда придем?

— Сама подумай. Пошли.

— Ты же сказал, что мы с кем-то встретимся. — Стараюсь не отставать, чтобы не споткнуться. — А принц взял с меня обещание не раскрывать местонахождение тайных убежищ. Понятно, что мы направляемся в твою берлогу. Но я все равно не представляю, что мы будем

там делать.

— Может, познакомим тебя с секретным рукопожатием. — Таракан делает что-то — в темноте мне плохо видно, что именно, — и секундой позднее я слышу щелчок, как будто кто-то вскрыл замок или разрядил капкан. Меня подталкивают легонько в спину, и я оказываюсь в еще одном, едва освещенном туннеле.

О том, что впереди дверь, узнаю, когда, к удивлению Таракана, врезаюсь в нее.

— А ты и вправду не видишь.

Тру лоб.

— Я лее так тебе и сказала!

— Да, сказала, но ты же лгунья, — напоминает он. — Нельзя же верить всему, что ты говоришь.

— Но зачем мне лгать насчет того, что мы не видим в темноте? — возмущаюсь я.

Вопрос повисает в воздухе. Ответ очевиден — проверяет, смогу ли я в одиночку найти обратный путь. Не увижу ли что-то, чего увидеть не должна. Насколько осторожным ему нужно быть в моем присутствии.

Пора бы уж мне перестать задавать глупые вопросы.

А ему пора избавиться от паранойи, ведь в любом случае я ничего не смогу рассказать, поскольку Дайн положил на меня заклятие молчания.

Таракан открывает дверь, и в коридор изливается столько света, что я машинально вскидываю руку и закрываю ладонью лицо. Жмурюсь и лишь потом заглядываю в логово шпионов принца Дайна. С четырех сторон нас окружают утрамбованные земляные стены, переходящие вверху в закругленный потолок. В первую очередь в глаза бросается большой стол, за которым сидят два незнакомых мне фейри. Оба смотрят на меня без особой радости.

— Добро пожаловать ко Двору теней, — говорит Таракан.

ГЛАВА 14

У двух других членов шпионской группы Дайна тоже кодовые имена. Сухощавый, симпатичный фейри, отчасти похожий на человека, подмигивает мне и предлагает называть его Призраком. Волосы у него песочного цвета, что нормально для человека, но необычно для фейри, а уши слегка заостренные.

Второй — миниатюрная, хрупкая девушка с крапчатой, как у косули, коричневой кожей. Волосы — белое облако вокруг головы, а на спине пара крохотных, как у бабочки, серо-голубых крылышек. В ней есть что-то от пикси и даже от импа.

Ее я знаю. Видела при королевском дворе на пиру по случаю полной луны. Там она украдала пояс у одного ога — с пристегнутым оружием и под сумками.

— Я — Бомба, — говорит она. — Люблю все взрывать.

Я киваю. Для фейри такая прямота необычна, хотя, с другой стороны, мне привычнее общество придворных фейри с их этикетом. Фейри-одиночки тоже явление редкое. Я в недоумении — как с ними разговаривать?

— Так вас, значит, трое?

— Теперь уже четверо, — говорит Таракан. — Наша задача — обеспечить, чтобы принц Дайн оставался жив, и держать его в курсе всего, что делается при Дворе. Ради его коронации мы крадем, обманываем, подглядываем и подслушиваем. И когда он станет королем, мы также будем красть, обманывать, подглядывать и подслушивать ради того, чтобы он остался на троне.

Киваю. Увидев, что представляет собой Балекин, я лишь укрепилась во мнении, что хочу видеть королем Дайна. Рядом с ним будет Мадок, и, если я проявлю себя наилучшим образом, может быть, они избавят меня от приставаний джентри.

— Ты можешь делать то, на что не способны мы, остальные, — говорит Таракан. — Во-первых, смешиваться с людьми-слугами. Во-вторых, свободно находиться среди джентри. Мы научим тебя кое-каким трюкам. Так что до тех пор, пока ты не получишь непосредственно от принца другое задание, твоя работа — делать то, что скажу я.

Чего-то в этом роде я и ожидала.

— Только так, как сегодня, получится не всегда. Мне нужно ходить на

занятия, а если буду часто пропускать, рано или поздно кто-нибудь заметит и спросит, где я была. А еще у Мадока такой порядок в доме, что около полуночи все ужинают в столовой.

Таракан смотрит на Призрака и пожимает плечами.

— В том-то и проблема с проникновением во дворец. Этикет отнимает слишком много времени. Когда можешь освободиться?

— После того, как все отправляются спать.

— Неплохо. Один из нас встретит тебя у дома и либо доставит в нужное место, либо передаст задание на словах. Приходить каждый раз сюда необязательно.

Призрак кивает с таким видом, будто мои проблемы — это часть работы, но для меня они детские отговорки.

— Ну так давайте устроим ей посвящение, — предлагает, подходя ко мне, Бомба.

У меня захватывает дух. Что бы ни случилось, я все выдержу. Я уже выдержала такое, о чем они и не догадываются.

Но Бомба смеется, и Таракан шутливо толкает ее в бок. Призрак сочувственно смотрит на меня и качает головой. Замечаю, что глаза у него голубые и ясные.

— Если принц Дайн говорит, что ты — часть Двора теней, то так оно и есть. Постарайся не слишком нас разочаровывать.

Медленно выдыхаю. Может быть, я бы все-таки предпочла какое-то испытание, какой-то способ показать себя.

Бомба корчит гримасу.

— По-настоящему одной из нас ты станешь, когда получишь кодовое имя. Но не жди, что это произойдет очень скоро.

Призрак подходит к настенному шкафчику, достает наполовину полную бутылку с зеленоватой жидкостью и отполированные чашечки из желудевых шляпок и наливает всем четверым.

— Выпей и не беспокойся, — говорит он мне. — Напиток такой же, как и все остальные. Хуже не будет.

Вспоминаю запах и вкус золотистого яблока, которым возили по моим губам, и качаю головой. Не хочу больше чувствовать, как тогда, свое полное бессилие.

— Пропускаю.

Таракан опрокидывает свою чашечку и морщится, словно напиток обжег ему горло.

— Ну, как хочешь, — выдыхает он и закашливается.

Призрак проглатывает содержимое своей, даже не моргнув глазом.

Бомба пьет мелкими глоточками. Глядя на нее, я убеждаюсь, что была права, отказавшись от угощения.

— Балекин может стать проблемой, — говорит Таракан, объясняя значение найденного мной письма.

Бомба отставляет свою желудевую шляпку.

— Не нравится мне все это. Если бы он хотел пойти к Элдреду, то давно бы уже сходил.

А я даже не подумала, что он может отравить своего отца.

Призрак, потягиваясь, поднимается.

— Уже поздно. Девочку надо проводить домой.

— Меня зовут Джуд.

Он ухмыляется.

— Я знаю, как срезать.

Возвращаемся к туннелям. Идти за ним — нелегкое испытание, потому как Призрак, оправдывая данное ему имя, движется совершенно бесшумно. Несколько раз кажется, что я осталась в туннелях одна, но, едва остановившись, ощущаю движение воздуха или слышу шорох песка под ногой и убеждаю себя идти дальше.

В конце концов — время тянется мучительно долго — дверь открывается. В проеме стоит Призрак, а за его спиной виден винный погреб короля. Мой проводник отвешивает поклон.

— Это и есть твой короткий путь? — спрашиваю я.

Он подмигивает.

— Если несколько бутылок случайно упадут в мою сумку, пока мы будем проходить здесь, разве в этом моя вина?

Выдавливаю из себя смешок, и звук получается какой-то скрипучий и фальшивый. Я не привыкла к тому, что местные включают меня в свои шуточки, за исключением разве что членов семьи. Предпочитаю верить, что, даже если меня околдовали и едва не убили в школе, я все равно сумею об этом забыть. У меня все хорошо.

Но если я не могу смеяться, то, может быть, не так уж все и хорошо.

В лесу, у границы владений Мадока, переодеваюсь в голубое платье, хотя устала так, что суставы ломит. А как фейри? Устают ли они так же, как люди, ощущают ли такую боль после долгого вечера? Жаба тоже выглядит не лучшим образом, хотя, может быть, она просто переела. Насколько я могу судить, все, что она сегодня сделала, так это выстрелила несколько раз языком в пролетающих мимо бабочек да парочку мышей.

В дом захожу, когда уже совсем темно. Деревья подсвечены крохотными спрайтами, между которыми со смехом носится Оук, за ним

гоняются Виви, Тарин и — вот черт! — Локк.

Его присутствие, совершенно в данный момент неуместное, сбивает с толку. Зачем он явился? Неужели из-за меня?

Оук с визгом мчится в мою сторону, забирается на седельные сумки и прыгает мне на колени.

— Лови меня! — кричит он из последних сил, крутясь и вертясь в неугомонном экстазе детства.

Даже фейри бывают однажды юными.

Я машинально прижимаю его к груди. Он теплый, и от него пахнет травой и лесом. На секунду малыш затихает, обнимает меня ручонками за шею и тычется маленькой рогатой головой мне в грудь. Потом соскальзывает со смехом и уносится прочь, бросив напоследок озорной взгляд.

Живя здесь, в Фейриленде, научится ли он презирать смертных? Когда я состарюсь, а он еще будет молодым, будет ли относиться ко мне свысока? Станет ли таким же жестоким, как Кардан? Таким же безжалостным, как Мадок? Я не знаю и знать не могу.

Слезаю с жабы, поворачиваюсь и похлопываю ее под носом. Золотистые глаза медленно закрываются. Кажется, она вот-вот уснет. Дергаю поводья и веду ее к конюшне.

— Привет, — говорит, догоняя меня, Локк. — И где же пропадала?

— Не твое дело, — отрезаю я и тут же смягчаю слова улыбкой. Ничего не могу с собой поделать.

— О? Леди с секретом? Мой любимый тип. — На нем зеленый камзол с прорезями, через которые видна шелковая рубашка. Лисьи глаза светятся. Образцовый влюбленный, словно только что сошел со страниц романтической повести. В таких повестях сбежавшую с героем девушку ждет обычно расплата за глупость. — Надеюсь, завтра ты вернешься на занятия.

Виви все еще бежит за Оуком, а вот Тарин остановилась у высокого вяза. Смотрит на нас с тем же выражением, что и на турнире, словно изо всех сил старается заставить меня не обижать Локка.

— Зачем? Чтобы твои друзья знали, что не смогли меня напугать? Разве это важно?

У него какой-то странный взгляд.

— Включилась в большую игру? Ту, где короли и принцы, короны и королевы? Конечно, важно. Все важно, все имеет значение.

И как его понимать? Я вовсе и не думала, что включилась в такую игру. У меня план другой: отыграться на тех, кто уже ненавидит меня, и

будь что будет.

— Возвращайся на занятия. Вам обоим нужно вернуться — тебе и Тарин. Я так ей и сказал.

Поворачиваюсь, ищу глазами сестру, но под вязом ее уже нет. Виви и Оук тоже исчезли. Наверно, Тарин ушла с ними.

Мы идем к конюшне. Я отвожу жабу в ее загон, наливаю в корыто воды из бочки, и появившийся мелкий туман дождиком ложится на ее кожу. Лошади ржут и бьют копытами. Локк молча наблюдает за всем этим.

— Можно спросить тебя кое о чем? — Он смотрит в направлении дома.

Я киваю.

— Почему ты не рассказала отцу, что случилось?

Конюшня у Мадока внушительная, и, может быть, находясь здесь, Локк вспомнил, какой силой и каким влиянием обладает генерал. Но это вовсе не означает, что я наследница всего этого. Локку следует помнить, что я всего лишь дочь смертной жены Мадока. Без Мадока никому до меня и дела не будет.

— Чтобы он ворвался в класс со своим мечом и убил всех, кто попадет под руку? — спрашиваю я, так и не став напоминать Локку, каково мое положение в этом обществе.

Он смотрит на меня большими глазами, как будто имел в виду что-то другое.

— Я думал, что твой отец заберет тебя из школы, что если ты ничего ему не сказала, то лишь потому, что хотела остаться.

— Нет, он поступил бы совершенно по-другому, — горько усмехаюсь я. — Мадок не из тех, кто признает поражение.

В конюшне темно и холодно, вокруг ржут лошади, а Локк вдруг берет меня за руки.

— Без тебя здесь все было бы не так.

Все эти взгляды, прикосновения так приятны, что я смущаюсь. Так на меня никто еще не смотрел.

Щеки горят. Помогут ли тени скрыть их жар? Взгляд у Локка такой пристальный, что кажется, он видит все: мои потаенные надежды, все мои мысли, даже случайные, пробегающие перед тем, как, уставшая, я проваливаюсь в сон перед рассветом.

Он поднимает одну мою руку, подносит к губам, целует ладонь. Все мое тело напрягается. Мне вдруг делается нестерпимо душно. Его дыхание — мягкий ветерок на моей коже.

Локк мягко тянет меня к себе. Его рука на моей талии. Он наклоняется,

чтобы поцеловать меня, и все мои мысли улечиваются.

Нет, так нельзя.

— Джуд? — слышу я неуверенный голос Тарин. Она где-то близко. Отстраняюсь от Локка. — Джуд? Ты еще в конюшне?

— Здесь. — Лицо горит. Мы выходим из одной темноты в другую — на ступеньках Ориана тянет домой Оука. Виви машет мальчишке, а тот рвется из рук матери. Тарин, подбоченясь, смотрит на нас. — Ориана зовет всех на ужин, — церемонно объявляет она. — И хочет, чтобы Локк остался и поел с нами.

Локк кланяется.

— Скажите вашей матери, что для меня честь быть приглашенным к столу, но я не хочу обременять ее своим присутствием. Я лишь хотел поговорить с вами обеими. Что ж, загляну в другой раз. Можете не сомневаться.

— Ты сказал Джуд о школе? — Голос Тарин дрожит. И о чем же они говорили до моего возвращения? Может, он все-таки уговорил ее снова посещать занятия, а если да, то как ему это удалось?

— До завтра. — Локк подмигивает мне.

Провожая его взглядом, а внутри беспокойно.

На Тарин не смею даже смотреть, боюсь, что сестра увидит на моем лице и все события минувшего дня, и почти состоявшийся поцелуй. Разговаривать не готова, так что сегодня в кои-то веки я избегаю ее.

С равнодушным видом поднимаюсь по ступенькам и направляюсь в свою комнату — переодеться к обеду.

Я уже и забыла, что просила Мадока научить меня искусству боя и военной стратегии, но после обеда он дает мне стопку книг по военной истории из своей личной библиотеки.

— Поговорим, когда прочитаешь. Я поставлю перед тобой ряд задач, а тебе нужно будет предложить способы их решения на основе определенных мной ресурсов.

Наверно, он ждет, что я стану возражать, требовать практических занятий с мечом, но я так устала, что даже думать об этом не могу.

Хлопнувшись через час на кровать, решаю не снимать голубое шелковое платье, которое надела вечером. Волосы в беспорядке, хотя я и пыталась придать им приемлемый вид с помощью симпатичных заколок. Теперь их надо бы вынуть, но не могу даже шевельнуть пальцем, и мысли остаются только мыслями.

Дверь открывается. Тарин входит и сразу запрыгивает на кровать.

— Ну ладно. — Она тычет меня пальцем в бок. — Чего хотел Локк?

Мне он сказал, что хочет поговорить с тобой.

— Он милый. — Я поворачиваюсь и складываю руки под головой. Смотрю на собранные сверху складки балдахина. — Не то что остальные. Не совсем еще марионетка Кардана.

Тарин, похоже, хочет возразить, но сдерживается.

— Что еще? Выкладывай.

— О Локке?

Она закатывает глаза.

— И о том, что случилось с ним и его друзьями.

— Они не стали бы меня уважать, если бы я не дала отпор.

Тарин вздыхает.

— Они никогда не станут тебя уважать. Точка.

Вспоминаю, как ползала по траве. Какие грязные были коленки. Вспоминаю вкус яблока во рту. Я чувствую его до сих пор. Помню, как оно заполнило открывшуюся во мне пустоту. Помню головокружительную, безумную радость от его обещаний.

— Вчера ты пришла домой практически голая, вся измазанная соком эльфийских фруктов, — продолжает сестра. — Разве этого мало? Тебе и вправду наплевать? — Она вытягивается в полный рост.

— Я устала обо всем думать, принимать все во внимание. Да и зачем?

— Они ведь могли убить тебя!

— Да лучше бы и убили. Потому что все остальное не сработает.

— У тебя есть план, как их остановить? — спрашивает Тарин. — Ты сказала, что бросишь ему вызов, покажешь, на что способна, и, если он попытается свалить тебя, прихватишь его с собой. Как ты намерена это устроить?

— Пока точно не знаю, — признаюсь я.

Она раскидывает в отчаянии руки.

— Нет, послушай, — говорю я. — Каждый день, когда я не прошу у Кардана прощения за им же начатую ссору, можно считать моей победой. Он может унижать меня, но каждый раз, когда он делает это, а я не отступаю, его сила убывает. Как-никак он бросает все, что у него есть, на обычную девчонку, и из этого ничего не выходит. Рано или поздно он отступится.

Тарин вздыхает, придвигается ближе, кладет голову мне на грудь, обнимает. А потом шепчет мне в плечо:

— Он — кремень, ты — трут.

Я притягиваю ее к себе и ничего не обещаю.

Мы лежим так долго, потом она тихонько спрашивает:

— Локк угрожал тебе? Он пришел, искал тебя здесь, а у тебя, когда ты вышла из конюшни, было какое-то странное выражение лица.

— Нет, ничего плохого. Не знаю, зачем именно он пришел, но руку мне поцеловал, прямо как в книжке. Было приятно.

— В книжках ничего приятного не бывает. А если и бывает, то дальше случается что-то плохое. Потому что иначе было бы скучно, и эти книжки никто бы не читал.

Теперь вздыхаю уже я.

— Знаю, глупо думать хорошо об одном из друзей Кардана, но он действительно помог мне. Остановил Кардана. Но давай лучше поговорим о тебе. У тебя кто-то есть, да? Когда ты сказала, что влюбишься, ты ведь уже имела в виду кого-то?

«Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье».

— Есть один мальчик, — медленно говорит она. — На коронации принца Дайна он намерен попросить у Мадока моей руки, а потом в моей жизни все изменится.

Я вспоминаю, как она стояла рядом с Карданом и плакала. Как злилась из-за того, что я ссорюсь с ним. Вспоминаю, думаю и чувствую, как ползет по мне холодный, ужасный страх.

— Кто? Кто он?

Пожалуйста, только не Кардан. Кто угодно, только не Кардан.

— Я обещала никому не говорить. Даже тебе.

— Наши обещания не важны, — возражаю я, а сама думаю о заклятии принца Дайна и о том, как мало все они нам доверяют. — Чести от нас никто не ждет. Все знают, что мы лжем.

Тарин бросает на меня строгий, неодобрительный взгляд.

— Это фейрийский запрет. Если я нарушу его, он узнает, а мне нужно показать, что я могу жить как одна из них.

— Ладно.

— Порадуйся за меня, — говорит она, и ее слова задевают за живое. Сестра нашла свое место в Фейриленде, а я, наверно, нашла свое. Но поделаться с собой ничего не могу — тревога не отпускает.

— Тогда просто расскажи о нем. Скажи, что он добрый. Скажи, что ты любишь его и что он обещал не обижать тебя.

— Он — фейри. Они любят не так, как мы. И, думаю, тебе бы он понравился — это уже что-то.

На Кардана, которого я презираю, вроде бы не похоже. Но и обнадеживающим ее ответ мне не показался.

Тебе бы он понравился... Что это значит? Понимать ли так, что мы с

ним еще не встречались? Они любят не так, как мы. Звучит как-то загадочно.

— Я рада за тебя. Честно. — Рада, конечно, но беспокойство сильнее. — Это так волнительно. Вот придет портниха Орианы, и тебе нужно обязательно заказать какое-то восхитительное платье.

Чувствую, Тарин расслабилась.

— Я просто хочу, чтобы все было лучше. Для нас обеих.

Тянусь к прикроватному столику, за книгой, которую стащила из Холлоу-Холла.

— Помнишь? — Я поднимаю «Алису в Стране чудес». Из книги выскальзывает и, порхая, падает на пол сложенный листок.

— Мы читали ее, когда были маленькими. — Тарин берет книгу. — Где ты ее взяла?

— Нашла. — Объяснить, на чьей полке она стояла и что я вообще делала в Холлоу-Холле, невозможно. Проверая силу заклятия, пытаюсь произнести слова: шпионила для принца Дайна. Но губы даже не шевелятся. И язык неподвижен. Меня накрывает волна паники, но я отталкиваю ее. За то, что он дал мне, цена невелика.

Впрочем, дальнейших объяснений Тарин не требует. Она уже нашла занятие: листает страницы и зачитывает какие-то отрывки вслух. Модуляции маминого голоса я не помню, но его эхо слышу в голосе сестры.

— Видишь ли у чтобы остаться на месте, надо бежать со всех ног, — читает она. — А если хочешь попасть куда-то еще, то бежать нужно по крайней мере вдвое быстрее!

Опускаю незаметно руку и засовываю листок под подушку. Собираюсь развернуть его и прочитать, когда Тарин уйдет к себе, но засыпаю раньше, еще до того, как она заканчивает.

Просыпаюсь рано утром, одна. Шлепаю в ванную, поднимаю юбки и делаю свое дело в оставленную для этой цели медную чашу. От стыда теплеют щеки, хотя меня никто не видит. Вот он, один из самых унижительных аспектов человеческого бытия. Да, фейри не боги — может быть, я знаю это лучше многих смертных, — но я ни разу не видела никого из них присевшим над судном.

Возвращаюсь к себе, сдвигаю штору и впускаю солнечный свет, который ярче любой лампы. Потом достаю из-под подушки сложенный вдвое листок.

Разглаживаю. Вижу горячечный, самоуверенный почерк Кардана, разлетевшийся по странице, заполнивший все доступное место. Кое-где

нажим был такой сильный, что перо порвало бумагу.

Джуд. Сами буквы моего имени сочатся ненавистью и как будто бьют в живот.

[illegible]

ГЛАВА 15

Портниха приходит на следующий день, сразу после полудня — это фейри с длинными пальцами по имени Брамблвефт. Ноги чуть выгнуты назад, отчего походка несколько странная. Глаза, как у козы, карие, с черной горизонтальной линией по центру. Платье на ней — образчик собственной работы: тканое, с вышитыми колючками и шипами, образующими идущий по всей длине полосатый узор.

С собой портниха принесла рулоны тканей: плотной золотой; переливчатой, как радужные крылышки жука; шелковой, легкой, как паутинка, и такой тонкой, что ее можно трижды продеть в игольное ушко, но притом достаточно прочной, так что резать ее нужно серебряными, вечно острыми ножницами; пурпурной, прошитой золотыми и серебряными нитями и такой яркой, что она, подобно лунному свету, разливается по подушкам.

Все образцы развешаны на диване в гостиной Орианы — на наше обозрение. Приходит даже Виви и с рассеянной улыбкой пробегает пальцами по ткани. В мире смертных ничего подобного нет, и ей это прекрасно известно.

Нынешняя служанка Орианы, косматое, высушенное существо по имени Тодфлосс, приносит чай и кексы, мясо, орехи и джем — все свалено кучкой на огромном серебряном подносе. Я наливаю себе чай, без сливок, надеясь успокоить желудок.

Ужас последних дней не отпускает, то и дело отзываясь непроизвольной дрожью. Память об эльфийском фрукте подступает к горлу, вызывая и другие картины: потрескавшиеся губы слуг в доме Балекина, звук ударов кожаным ремнем по обнаженной спине принца Кардана.

И мое собственное имя на листке из книги. Я думала, что знаю, как сильно он ненавидит меня, но, глядя на ту бумажку, поняла, что даже не представляла всю глубину его ненависти. А ведь принц еще больше возненавидит меня, если узнает, что я видела его на коленях, избитого слугой. И то, что этим слугой был смертный, лишь добавит дозу ярости.

— Джуд? — окликает Ориана, и я ловлю себя на том, что смотрю в окно, за которым меркнет свет уходящего дня.

— Да? — Я изображаю беззаботную, лучезарную улыбку.

Тарин и Вивьен смеются.

— О ком это ты думаешь с таким мечтательным выражением? — спрашивает Ориана, и Виви снова смеется. Тарин молчит, наверно, думает, что я тронулась.

Качаю головой — только бы не покраснеть.

— Нет, ничего такого. Я просто... Неважно. Так о чем мы говорили?

— Швея хочет снять мерку. Ты ведь самая младшая.

Смотрю на Брэлвифт, которая уже держит в руке мерную ленту.

Поднимаюсь, становлюсь на приготовленный ящик, развожу руки. Сегодня я хорошая, послушная дочь. У меня будет красивое платье. И я буду танцевать на коронации принца Дайна, пока не собою в кровь ноги.

— Не хмурьтесь, — говорит портниха и, прежде чем я успеваю извиниться, добавляет негромко: — Мне было сказано пошить платье с карманами, чтобы спрятать оружие, яд и прочие безделушки. И, конечно, нам еще нужно представить вас в наилучшем виде.

От удивления я едва не падаю с ящика.

— Чудесно, — шепчу в ответ вместо благодарности. Фейри не верят в словесные благодарности. Они верят в долги и сделки, а того, кому я обязана больше всего, здесь нет.

Расплаты ждет принц Дайн.

Она улыбается с булавкой во рту, и я улыбаюсь в ответ. Я расплачусь с ним, хотя, похоже, и с большими процентами. Он еще будет гордиться мной. А вот остальные очень, очень пожалеют.

Поднимаю голову и натыкаюсь на недоверчивый взгляд Виви. Следующая на примерку — Тарин. Она становится на ящик, а я отхожу в сторону и наливаю еще чаю. Потом съедаю кекс и полоску ветчины.

— Куда это ты ходила вчера? — интересуется Виви, наблюдая, как я, с жадностью хищной птицы, проглатываю мясо. Голод проснулся. Раздумываю, как бы избежать допроса по дороге в Холлоу-Холл. Отмолчаться не получится, но и объяснить толком невозможно — мой язык под заклятием. Пожимаю плечами.

— Я тут заставила одного мальчишку рассказать, что случилось, — продолжает Виви. — Ты ведь могла умереть. А живой осталась только потому, что им не хотелось заканчивать игру.

— Они такие, какие есть, — напоминаю я. — Ничего не поделаешь, так здесь устроено. Хочешь, чтобы мир был другим? Увы, мы попали сюда.

— Этот мир не единственный, — негромко говорит она.

— Он — мой, — говорю я, а в груди колотится сердце. Прежде чем Виви успевает возразить, встаю. Иду потрогать ткань, но руки дрожат и ладони влажные от пота.

С того дня, как притащилась домой в одном белье, я стараюсь не думать о случившемся. Боюсь, что если дам волю чувствам, то уже не смогу это вынести.

Этот жуткий случай не первый, что я пережила и засунула в дальний уголок памяти. Только так я с этим и справляюсь, и если есть другой способ, то мне он неизвестен.

Сосредотачиваюсь на ткани, жду, пока снова смогу дышать ровно, пока не рассеется паника.

Сине-зеленый бархат напоминает озеро в сумерках. Какая изумительная, фантастическая ткань, расшитая мотыльками и бабочками, папоротниками и цветами. Я поднимаю ее, а под ней другой рулон — чудесного цвета серого тумана с дымчатой рябью. Все такое красивое. Платья из таких тканей носят принцессы в сказках. Конечно, Тарин права. С теми принцессами всегда случается что-то плохое. Их колют тернии, их травят яблоками и выдают замуж за собственных отцов. Им отсекают руки, а их братьев превращают в лебедей, возлюбленных рубят на куски и сажают в горшки с базиликом. Их рвет брильянтами, а когда они идут, то как будто ступают по лезвиям ножей.

И все же они ухитряются выглядеть милыми и прекрасными.

— Хочу вот это. — Тарин указывает на рулон ткани с вышивкой у меня в руках. Мерку с нее уже сняли, и теперь на ящике, разведя руки, стоит Виви. При этом она не сводит с меня глаз, словно дает понять, что читает все мои мысли.

— Этот материал первой выбрала твоя сестра, — качает головой Ориана.

— Пожааааалуйста, — жалобно обращается ко мне Тарин и, склонив голову набок, смотрит на меня из-под ресниц. Она и шутит и не шутит. Ей нужно выглядеть лучше всех для того мальчика, который, как предполагается, заявит о своих намерениях на коронации, и она действительно не понимает, какая польза мне оттого, что я буду красивой, при моих-то обидах и раздорах.

Я принужденно улыбаюсь и кладу рулон на диван.

— Он весь твой.

Тарин чмокает меня в щеку. Похоже, тучка в наших отношениях испарилась. Если бы все проблемы в моей жизни решались так вот просто.

Выбираю другой материал, темно-синий бархат. Вивьен останавливается на фиалковом, который, когда она вешает его на руку, кажется серебристо-серым.

Последняя в очереди — Ориана. Для себя она берет голубовато-

розовый, для Оука — бледно-зеленый.

Брамблвефт делает первые наброски — пышные юбки, изящные маленькие накидки, корсеты с вышитыми на них причудливыми существами.

Словно зачарованная, смотрю на то, что портниха предлагает для меня: на корсете два золотистых жука в чем-то, напоминающем кирасы, и с гербом Мадока; ниже — вышитые блестящей нитью завитки; широкие рукава — снова золото.

Во всяком случае, ни у кого не возникнет сомнений относительно того, к какому дому я принадлежу.

Мы еще обсуждаем кое-какие детали, когда в гостиную, преследуемый Гнарбоном, врывается Оук. Первой увидев меня, мальчик забирается мне на колени, обхватывает ручонками шею и легонько кусает за плечо.

— О! — удивленно вскрикиваю я, но он только смеется, и я тоже смеюсь.

Оук немного странный, может быть, потому, что он фейри, а может, потому, что дети, к какому бы народу ни принадлежали, все странные.

— Хочешь услышать историю про мальчика, который укусил камень и лишился всех своих белых зубов? — спрашиваю я суровым тоном и щекочу Оука под мышками.

— Да, — тут же выдыхает он, втиснув ответ между визгами и хихиканьем.

С озабоченным видом к нам подходит Ориана.

— Ты очень любезна, но нам всем нужно переодеться к обеду. — Она берет сына за руку и тянет к себе. Оук протестующе вопит и брыкается, причем один раз попадает мне в живот достаточно сильно, чтобы оставить синяк. Я молчу.

— Хочу историю! — кричит он. — Историю!

— Джуд сейчас занята, — объясняет Ориана и несет корчащегося в руках сына к двери, где его принимает Гнарбон.

— Почему вы не доверяете мальчика мне? — кричу я ей вслед, и она оборачивается, шокированная вопросом из категории тех, которые здесь задавать не принято. Я и сама шокирована, но остановиться не могу. — Я не какое-то чудовище и не сделала ни ему, ни вам ничего плохого.

— Хватит, — твердо говорит Ориана, как будто мы все только и делаем, что спорим. — Поговорим об этом позже с твоим отцом.

Поставив точку, она выходит из комнаты.

— Не знаю, с чьим отцом вы собираетесь поговорить, потому что мне он точно не отец, — бросаю я ей вслед.

Тарин смотрит на меня большими, как блюдца, глазами. На губах у Вивьен улыбка. Отпив глоток чаю, она поднимает чашку и салютует мне. Портниха опускает голову и на нас не смотрит, так что мы ненадолго остаемся втроем.

Загнать себя в рамки послушной дочери я уже не могу.

На следующий день, в школе, Тарин везде ходит со мной, помахивая корзинкой с нашим обедом. Я ни от кого не прячусь, держу голову повыше и на каждый взгляд отвечаю взглядом. В одном кармане юбки у меня ножичек, в другом соль, а на шее новые бусы из ягод рябины, собранных Таттерфелл.

Прогуливаясь по дворцовому саду, собираю кое-что еще.

— А тебе разрешили? — спрашивает Тарин, но я не отвечаю.

После полудня у нас лекция в башне — о певчих птицах. Каждый раз, чувствуя, как слабеют воля и смелость, я сжимаю холодную сталь лезвия. Локк пытается поймать мой взгляд и, когда это у него получается, подмигивает.

Сидящий у противоположной стены Кардан хмуро поглядывает на наставника, но молчит. Поднимаясь, чтобы взять чернильницу из сумки, он морщится, и я думаю, как ему должно быть нелегко двигаться. Но во всех прочих отношениях принц ведет себя как обычно.

Да, скрывать боль он определенно научился.

Думаю о записке с моим именем, о проколотых пером местах, о чернильных брызгах, разлетевшихся по бумаге, когда он вдавливал в нее мое имя. Может, даже на столе царапины остались.

Если он сделал такое с бумагой, то страшно подумать, что хочет сделать со мной.

После школы практикуюсь с Мадокком. Он показывает мне особенно ловкий блок, и я повторяю его снова и снова, с каждым разом все лучше и быстрее, чем удивляю даже самого генерала.

Потная и запыхавшаяся, возвращаюсь в дом и вижу Оука, бегущего куда-то и тянущего за собой на грязной веревке мягкую игрушку, змею, явно украденную из моей комнаты.

— Оук! — зову я его, но он взбегает по лестнице и исчезает.

Умываюсь в ванной, а потом у себя в комнате разбираю школьную сумку. В самом низу, в уголке, завернутый в обрывок бумаги, лежит изъеденный червяками эльфийский фрукт, который я подобрала по дороге домой. Кладу находку на поднос и натягиваю кожаные перчатки. Потом достаю нож и режу плод на кусочки. Крохотные полоски мягкого, вязкого золотистого фрукта.

Сведения об эльфийских ядах я отыскала в пыльных, захватанных пальцами книгах в библиотеке Мадока. Прочитала о растущих на деревьях бледных грибах, о грибах-румянах, на которых при прикосновении выступают напоминающие кровь капли красной жидкости. В небольших дозах они вызывают паралич, в больших — смертельно опасны даже для фейри. Есть еще «сладкая смерть», вызывающая сон длиной в сто лет, и «дух-ягода», разгоняющая кровь так, что сердце в конце концов останавливается. И, конечно, эльфийский фрукт, названный в одной книге «вечным яблоком».

Я достаю вынесенную из кухни бутылку соснового ликера, густого, как древесный сок, и погружаю в него фрукт — для сохранения свежим.

Дрожат руки.

В последнюю очередь я пробую его языком — ударяет так сильно, что я стискиваю зубы. Потом достаю другие трофеи. Лист дух-ягоды из дворцового сада. Лепесток цветка «сладкой смерти». И крохотную капельку сока румяного гриба. От каждого образца отрезаю мельчайший кусочек и проглатываю. Это и есть митридатизм. Забавное словечко, да? Так называется процесс употребления яда для выработки иммунитета. Если сейчас я не умру, то потом убить меня будет труднее.

К обеду не спускаюсь. Меня тошнит, трясет и бросает в пот. Засыпаю поближе к ванной, растянувшись на полу.

Там меня и находит Призрак. Прихожу в себя оттого, что он тычет мне в живот мыском сапога. Я бы закричала, если бы не чувствовала себя так плохо.

— Вставай, Джуд. Таракан хочет, чтобы ты потренировалась сегодня.

Заставляю себя подняться, ни на что другое просто нет сил.

Выходим на росистую траву. Первые лучи солнца уже ползут через остров. Призрак показывает, как бесшумно карабкаться на деревья. Как ставить ногу, чтобы под ней не треснула ветка и не хрустнул сухой лист. Я думала, что научилась кое-чему на уроках во дворце, но он указывает мне на ошибки, которых не заметили и не поправили учителя. Делаю одно и то же раз за разом, но в основном неудачно.

— Хорошо, — говорит Призрак, когда у меня начинают дрожать мышцы. Говорит он так мало, что от звука его голоса я вздрагиваю. Почти закругленные уши, карие глаза и светло-русые волосы помогли бы ему сойти за человека даже легче, чем, например, Виви, но при этом он остается для меня непонятным чужаком, более спокойным и бесстрастным, чем она.

Солнце уже почти поднялось, и листья окрашиваются в золото.

— Продолжай практиковаться. Используй своих сестер. — Призрак усмехается, светлые волосы падают на глаза, и он вдруг выглядит моложе даже меня. Впрочем, может быть и моложе.

Он уходит, как будто исчезает, а я возвращаюсь в дом и проверяю приобретенные навыки, чтобы неслышно пройти по лестнице мимо слуг. Поднимаюсь в комнату и на этот раз падаю уже на кровать.

Поднявшись утром, повторяю все, чему научилась накануне, еще раз.

ГЛАВА 16

Лекции высиживаю с трудом. Во-первых, мне плохо. Организм сражается с теми ядами, что я проглотила накануне. Во-вторых, меня вымотали тренировки — сначала с Мадок, потом с Призраком, посланцем Двора теней принца Дайна. Мадок поставил задачу: двенадцать рыцарей-гоблинов штурмуют крепость, которую защищают девять необученных джентри. Поставил и теперь каждый вечер, после ужина, требует ответа. Таракан приказывает учиться незаметному передвижению в толпе придворных и подслушивать разговор, не выказывая к нему интереса. Бомба рассказывает, как обнаружить слабое место у здания и точку пережатия на теле. Призрак показывает, как свеситься с балки и остаться незамеченным, как правильно целиться при стрельбе из арбалета и как унять дрожь в руках. Дважды мне дают практические поручения. В первом случае я краду во дворце адресованное Эловин письмо со стола одного рыцаря. Во втором, переодевшись невестой, проникаю во время вечеринки в личные апартаменты красавицы Тараканд, одной из супруг принца Балекина, и забираю со стола кольцо. В обоих случаях знать истинное значение похищенного мне не позволено.

На занятиях я сижу вместе с Карданом, Никасией, Валерианом и остальными, всеми теми, кто потешался, видя мое унижение. Я не даю им повода торжествовать, не бегу и не прячусь, но после того случая с эльфийским яблоком никаких стычек больше нет. Я выжидаю, и они, судя по всему, делают то же самое. Разумеется, я не настолько глупа, чтобы думать, будто в нашем с ними деле поставлена точка.

Локк продолжает флиртовать и во время ланча, когда мы с Тарин расстилаем одеяло, подсаживается к нам и наблюдает закат. Иногда он провожает меня через лес и целует на прощание у границы владений Мадок. Горечь яда на моих губах остается, похоже, незамеченной.

Не могу понять, что он нашел во мне, но, как бы там ни было, такое внимание приятно. Тарин, кажется, тоже этого не понимает и поглядывает на Локка с недоверием и подозрением. Поскольку я беспокоюсь из-за ее загадочного избранника, нет ничего странного в том, что она беспокоится из-за моего.

— Развлекаешься? — спрашивает Локка Никасия, не замечая, что я стою поблизости. — Имей в виду, Кардан не простит тебя за то, что ты делаешь с ней.

Пройти мимо, не дождавшись ответа, невозможно. Но Локк только смеется.

— А может, он злится из-за того, что ты предпочла ему меня? Или потому, что я выбрал не тебя, а смертную?

Я вздрагиваю: уж не ослышалась ли?

Никасия открывает рот, но замечает наконец меня и, скривив губы, роняет:

— Мышка-малышка, не верь его сладким речам.

Таракан бы, наверно, разуверился во мне, видя, как неуклюже применяю я приобретенные навыки в полевых условиях. Я не сделала ничего из того, чему он меня учил: не скрылась из виду, не смешалась с другими, чтобы остаться незамеченной. Если во всем и есть что-то хорошее, так это то, что теперь уже никто не заподозрит во мне шпионку.

— Так что, простил тебя Кардан? — спрашиваю у нее и с удовлетворением отмечаю растерянное, болезненное выражение. — Жаль. Расположение принца — большое дело.

— А зачем мне принцы? — раздраженно отвечает она. — Моя мама — королева!

О ее матери, королеве Орлаг, я многое могла бы рассказать — о том, например, что она планирует отравление, — но приходится держать рот на замке. С довольной улыбкой иду к тому месту, где сидит Тарин.

Неделя пролетает за неделей, и вот уже до коронации остаются считанные дни. Я так устала, что засыпаю везде, где только можно преклонить голову. Уснула даже в башне во время демонстрации вызова насекомых. Наверно, меня убаюкал тихий шорох их крылышек.

Просыпаюсь на каменном полу. Голова гудит. Ищу свой нож. Где я? Сначала думаю, что должно быть упала. Или у меня паранойя. Потом вижу ухмыляющегося Валериана. Это он выдернул из-под меня стул. И это его выражение хорошо мне знакомо.

Нет, до такой степени паранойи я еще не дошла.

Снаружи доносятся голоса. Скоро вечер, и остальные наши одноклассники вышли на ланч и рассаживаются на лужайке. Слышны и вопли детишек помладше; наверно, гоняются друг за дружкой из-за одеял.

— Где Тарин? — спрашиваю я. Странно, что она ушла, не попытавшись меня разбудить.

— Она же обещала не помогать тебе, помнишь? — Золотистые пряди Валериана свешиваются над моим глазом. Как обычно, он одет в красное, причем такого глубокого оттенка, что на первый взгляд может показаться черным. — Если не словом, то делом.

Ну разумеется. Как же я забыла.

С усилием сажусь и замечаю синяк на голени. Сколько же я проспала? Отряхиваю пыль с туники и брюк.

— Что тебе надо?

— Ты меня огорчила, — с лукавой ухмылкой говорит он. — Обещала обставить Кардана, но так ничего и не сделала, только дуешься после того маленького розыгрыша.

Машинально сжимаю рукоять ножа.

Валериан достает из кармана мои бусы с ягодами рябины и скалится. Должно быть срезал, когда я уснула.

Мне становится не по себе при мысли, что он был так близко и мог не только срезать бусы, но и порезать кожу.

— А теперь ты будешь делать то, что я скажу. — Я практически ощущаю в воздухе запах чар. — Позови Кардана. Скажи, что он победил. А потом спрыгни с башни. В конце концов родиться смертным — это почти то же самое, что родиться уже мертвым.

Жестокость приказа, решимость без колебаний переступить последнюю черту шокируют меня. А ведь случись это несколько месяцев назад, и я бы не смогла противиться магии. Я бы подчинилась, признала себя побежденной и спрыгнула с башни. Я погибла бы сегодня, если бы не та сделка с Даином.

Возможно, Валериан планировал мое убийство с того дня, когда пытался задушить. Помню, как горели его глаза, помню, с каким интересом он наблюдал, как я задыхаюсь. Тарин предупреждала, что я доиграюсь до смерти, а я хвастала, что, мол, готова ко всему. Нет, не готова.

— Пожалуй, воспользуюсь ступеньками, — говорю я Валериану, изо всех сил стараясь не показать, как потрясли меня его слова. И с безразличным видом, словно все происходящее совершенно естественно, иду мимо него.

Секунду-другую он смотрит на меня растерянно, но быстро трансформирует растерянность в ярость и встает у меня на пути, не пропуская к выходу.

— Я приказал тебе. Почему ты не подчиняешься?

Смотрю ему в глаза и заставляю себя улыбнуться.

— Ты дважды имел преимущество передо мной и дважды не смог им воспользоваться. Попробуй еще раз — удачи.

— Ты — ничтожество! — кричит он в бешенстве, брызгая слюной. — Вы, смертные особи, только притворяетесь такими стойкими. На самом деле вся ваша жизнь — одна долгая игра в самообман. Если бы не ваша

способность врать, вы бы все перерезали себе горло, чтобы положить конец страданиям.

Меня цепляет слово «особи», само его представление о нас как о чем-то совершенно ином, вроде муравьев, собак или оленей. Не знаю, прав он или нет, но мне это не нравится.

— Не могу сказать, что так уж страдаю сейчас. — Главное — не показать, что мне страшно.

Он презрительно кривит рот.

— Какое у вас может быть счастье? Совокупляться да рожать? Ты сошла бы с ума, если бы приняла правду о себе. Ты — пустое место. Тебя все равно что нет. Твоя единственная цель — наплодить как можно больше себе подобных и умереть бессмысленной и мучительной смертью.

Снова смотрю ему в глаза.

— И?

Валериан как будто застигнут врасплох, хотя злобная ухмылка так и осталась на его лице.

— Да. Да. Конечно. Я умру. А еще я большая лгунья. И что с того?

Он толкает меня. Прижимает к стене.

— Признай, что ты проиграла.

Пытаюсь вывернуться, но Валериан не дает — схватил за горло и сжимает пальцы, так что дышать все труднее.

— Я могу убить тебя прямо сейчас. И тебя все забудут, как если бы ты и не родилась.

Сомневаться в его намерениях не приходится, угроза вполне реальна.

Уже задыхаясь, достаю из кармашка нож и бью ему в бок. Прямо между ребрами. Будь лезвие подлиннее, оно проткнуло бы легкое.

Его зрачки моментально расширяются от шока. Хватка ослабевает. Я знаю, что сказал бы Мадок — поверни лезвие вверх и дави. Бей в артерию. Целься в сердце. Но если я это сделаю, то убью одного из привилегированных сынов Фейри. Невозможно даже представить, каким будет наказание.

«Ты не убийца».

Отталкиваю Валериана, высвобождаю нож и выбегаю из комнаты. Окровавленный нож прячу в карман. Быстро, стуча каблуками по каменным ступенькам, спускаюсь по лестнице. Оглянувшись, вижу: он стоит на коленях и зажимает ладонью рану, чтобы остановить кровь. При этом еще и шипит от боли. Ах да, мой нож — холодное железо, а оно для фейри очень опасно.

Хорошо, что ношу с собой, вот и пригодилось.

Сворачиваю за угол и едва не сталкиваюсь с Тарин.

— Джуд! Что случилось?

— Идем. — Я тащу ее за собой туда, где сидят остальные.

На костяшках пальцев, на ладони у меня кровь, но ее немного, и я быстро стираю все туникой.

— Что он тебе сделал? — кричит Тарин, едва поспевая за мной.

Снова говорю себе, что не злюсь на сестру, что она вовсе не обязана охранять меня и навлекать на себя неприятности. Тем более что она с самого начала не хотела в этом участвовать, о чем неоднократно говорила. Хотя, конечно, могла бы предупредить, шепчет раздраженный голос, разбудить — и к черту последствия.

Да, могла бы. Но я и сама не предполагала, что Валериан решится зайти так далеко.

Пересекаем лужайку, и тут навстречу нам идет Кардан. Одежда свободная, в руке — учебный деревянный меч.

Заметив кровь на моих пальцах, нацеливает на меня острие.

— А ты, похоже, порезалась.

Интересно, его не удивляет, что я жива? И не наблюдал ли он все это время за башней, не ждал ли развязки увлекательного спектакля с моим смертельным, самоубийственным прыжком в финале?

Я достаю из-под туники нож с красноватыми разводами на лезвии и показываю ему. Улыбаюсь.

— Могу и тебя порезать.

— Джуд! — восклицает Тарин, явно шокированная моей дерзостью. Да, мое поведение шокирует. Ну и пусть.

— Да иди же, — отмахивается от нее Кардан. — Не докучай нам.

Тарин отступает на пару шагов. Теперь уже и я удивляюсь. Это что такое? Часть игры?

— А разве твой грязный нож и не менее грязные привычки должны что-то значить? — лениво тянет он и смотрит так, словно я допустила бестактность, направив оружие на него, хотя именно его прихвостень напал на меня. Уже во второй раз.

Кардан как будто ждет от меня какой-то остроумной реплики в ответ на его выпад, но я не знаю, что сказать.

Неужели его и впрямь несколько не беспокоит, что я сделала с Валерианом?

Возможно ли, чтобы он не знал о планах своего подручного?

Увидев невдалеке Локка, Тарин спешит к нему через поле. Они перебрасываются несколькими словами, и она уходит. Заметив, куда я

смотрю, Кардан фыркает, будто его оскорбляет мой запах.

Локк направляется к нам — свободная походка, сияющие глаза. Машет мне. Я чувствую себя почти в безопасности. Хорошо, что Тарин прислала его. И хорошо, что Локк идет сюда.

Обращаюсь к Кардану:

— Ты ведь думаешь, что я недостойна его.

Он медленно улыбается, и эта улыбка напоминает луну, неторопливо опускающуюся за волны озера.

— О нет. Вы идеально подходите друг другу.

Локк, подойдя, кладет руку мне на плечи.

— Идем отсюда.

И мы уходим. Даже не оглянувшись.

Идем через Кривой лес, все деревья в котором наклонены в одном направлении, словно с первых дней жизни их кренил сильный ветер. Я останавливаюсь, срываю с колючего ежевичного куста несколько ягод. Прежде чем отправить их в рот, сдуваю сахарных муравьев.

Предлагаю ягоду Локку, но он отказывается.

— В общем, если коротко, Валериан пытался меня убить, — заканчиваю я свою историю. — Пришлось ударить его ножом.

— Ты ударила Валериана ножом?

— Так что у меня могут быть проблемы. — Я перевожу дух.

Он качает головой.

— Валериан никому не скажет, что над ним взяла верх смертная девушка.

— А Кардан? Разве его не беспокоит, что план сорвался? — Я смотрю на виднеющееся между деревьями море. Кажется, оно уходит в вечность.

— Сомневаюсь, что он даже знает об этом, — говорит Локк и, заметив мое удивление, улыбается. — Ему, конечно, хотелось бы убедить тебя, что он наш лидер, но Никасия больше любит власть, мне нравится драма, а Валериану — насилие. Кардан обеспечивает нас и первым, и вторым, и третьим.

— Драма? — эхом повторяю.

— Мне нравится, когда что-то происходит, когда история не стоит на месте. А когда найти интересную историю не удастся, я создаю ее. — Вид у него в этот момент как у настоящего трикстера. — Я знаю, ты подслушала наш с Никасией разговор о том, что было между нами. У нее был Кардан, но власть над ним она получила лишь тогда, когда оставила его ради меня.

Раздумывая над сказанным, я не сразу замечаю, что мы не идем обычной дорожкой к владениям Мадока. Локк повернул в другую сторону.

— Куда ты ведешь меня?

— В мое поместье, — говорит он с ухмылкой, довольный тем, что его замысел раскрыт. — Здесь недалеко. Надеюсь, тебе понравится лабиринт из живой изгороди.

В других здешних поместьях, за исключением Холлоу-Холла, я еще не бывала. В мире людей мы, дети, всегда играли во дворах наших соседей — качались на качелях, купались, прыгали, — но здесь правила совсем другие. Большинство детей при Королевском дворе — королевские особы, присланные из дворов поменьше для более близкого знакомства с принцами и принцессами, и на что-то еще им просто не хватает времени.

Конечно, в мире смертных есть такая вещь, как задний двор.

Здесь — лес и море, скалы и лабиринты, а цветы бывают красными только тогда, когда напиваются свежей кровью. Возможность заблудиться в лабиринте из живой изгороди не представляется мне привлекательной, но я улыбаюсь, как будто ничто другое не порадовало бы меня больше. Не хочется его огорчать.

— Вечером будут посиделки, — продолжает Локк. — Тебе надо остаться. Обещаю — развлечешься.

В животе вяжется узел. Вечеринок без друзей не бывает.

— Не самая лучшая мысль, — уклончиво говорю я, чтобы не отказывать напрямую.

— Твоему отцу не нравится, когда ты задерживаешься? — В голосе Локка слышны просительные нотки.

Понимаю, что он пытается заставить меня вести себя по-детски безрассудно и при этом прекрасно знает, почему я не могу остаться, но хотя я сознаю это, прием все равно срабатывает.

Поместье Локка поскромнее владений Мадока и выглядит менее укрепленным. Между деревьями поднимаются высокие шпили, скрытые дранкой из мшистой коры. По стенам ползут плющ и жимолость.

— Вот это да. — Я проезжала неподалеку и видела издалика эти шпили, но кому принадлежит это все, не знала. — Красиво.

Он усмехается.

— Пройдем в дом.

Фасад украшают массивные двойные двери, но Локк ведет меня к маленькой боковой двери, через которую мы попадаем в кухню. На столе — свежий хлеб, яблоки, смородина и мягкий сыр, но слуг, которые приготовили это, не видно.

Невольно вспоминаю девушку, чистившую камин в Холлоу-Холле. Знают ли родители, где их дочь? И какую сделку она заключила? А ведь я

легко могла оказаться на ее месте.

Гоню прочь тягостные мысли.

— Это ваш семейный дом?

— У меня нет семьи. Мой отец не вписывался в рамки Двора. Лесная чаща нравилась ему больше, чем интриги моей матери. Он ушел от нее, а она умерла. Так что остался только я.

— Ужасно. И так одиноко.

Локк отмахивается.

— Мне знакома история твоих родителей. Вот уж трагедия, достойная баллады.

— Это было давно. — Меньше всего мне хочется говорить о Мадоке и смерти отца и матери.

— А что случилось с твоей матерью?

— Она связалась с Верховным Королем. Родила ребенка — от него, полагаю, — но кто-то очень не хотел, чтобы он родился. Они воспользовались ядовитым грибом.

Начавшийся на легкой ноте, рассказ заканчивается на трагической.

Румяный гриб? О нем упоминалось в письме королевы Орлаг, которое я нашла в доме Балекина. Пытаюсь убедить себя, что в записке речь не могла идти об отравлении матери Локка, что у Балекина нет мотива, ведь Король уже назвал Дайна своим преемником. Но как ни стараюсь, не могу не думать, что такая возможность есть и что мать Никасии приложила руку к смерти матери Локка.

Зря спросила — не подумала, и получилось нехорошо.

— Мы — дети трагедии. — Он качает головой, потом улыбается. — Не такое начало я планировал. Хотел угостить тебя вином, хлебом и сыром. Хотел сказать, какие чудесные у тебя волосы... словно выющийся дымок, а глаза — точь-в-точь цвета лесного ореха. Думал, что сочиню для тебя оду, но я не слишком хорош в поэзии.

Я смеюсь, а он хватается за сердце, будто сраженный моей жестокостью.

— Прежде чем познакомить с лабиринтом, позволь показать кое-что еще.

— И что же? — Мне уже любопытно.

Локк берет меня за руку.

— Идем. — Он ведет по дому к винтовой лестнице. Мы поднимаемся выше, выше, выше.

У меня кружится голова. Ни дверей, ни площадок нет. Только камень и ступеньки. Только сердце стучится в груди громче и громче. Только его

улыбка и янтарного цвета глаза. Только бы не поскользнуться, не споткнуться. Все сильнее кружится голова, но я не отстаю.

Думаю о Валериане. Прыгни с башни.

Продолжаю подниматься. Хватаю воздух мелкими глотками.

Ты — ничтожество. Тебя все равно что нет.

Добираемся наконец до самого верха. Перед нами маленькая, в половину моего роста, дверь. Я прислоняюсь к стене, жду, когда пройдет головокружение. Локк поворачивает изящную серебряную ручку и, согнувшись, проходит. Набираюсь смелости, отталкиваюсь от стены, следую за ним и...

И замираю. Мы на балконе, на самом верху самой высокой башни, той, что выше самых высоких деревьев. Отсюда я вижу залитый лунным светом лабиринт с искусственными руинами в центре. Вижу Дворец Эльфхейма, поместье Мадока и Холлоу-Холл Балекина, окружающее остров море и, за ним, смягченные вечным туманом яркие огни городов и поселков человеческого мира. Никогда еще я не смотрела на наш мир из другого, чужого.

Локк кладет ладонь мне на спину, между лопатками.

— По ночам мир людей выглядит так, словно он полон упавших звезд.

Я подаюсь назад, стараюсь не думать об изнуряющем подъеме и держусь подальше от края балкона.

— Ты бывал там когда-нибудь?

Он кивает.

— Мать брала меня с собой, когда я был еще ребенком. Говорила, что без вашего наш мир станет словно стоячее болото.

Хочу сказать, что тот мир больше не мой, что я едва его понимаю, но моя поправка звучала бы так, словно мы говорим о разных вещах. Что касается чувств его матери в отношении мира смертных, то они определенно мягче и добрее тех, которые разделяют большинство ее соотечественников. Должно быть, она сама была женщиной доброй.

Локк поворачивается ко мне... и вот его губы уже совсем близко.

Они мягкие, дыхание теплое, и я вдруг чувствую себя так, словно покинула собственное тело и вижу его издали, как огни того далекого города. Рука сама тянется к перилам. Я сжимаю их крепко-крепко, а он обнимает меня за талию, словно хочет удержать здесь, в этом мгновении и на этом месте, убедить себя, что я рядом, высоко над всем, и что происходящее — не сон, а реальность.

Локк отстраняется.

— Ты и в самом деле прекрасна.

Как же хорошо, что они не способны лгать.

— Я рада, что ты привел меня сюда, — смотрю вниз. — Невероятно. Отсюда все выглядит таким маленьким, как на доске в «Стратегии».

Он смеется, словно я не могу сказать такое всерьез.

— Я так понимаю, что ты много времени проводишь в отцовском кабинете?

— Немало. Достаточно, чтобы понимать, какие у меня шансы против Кардана. Против Валериана и Никасии. Против тебя.

Он берет мою руку.

— Кардан — глупец. Остальные роли не играют. — Улыбка на его лице сползает куда-то вбок. — Но, может быть, это часть твоего плана — заставить меня привести тебя в самое сердце моей крепости. Может быть, ты посвятишь меня сейчас в твои зловещие замыслы и подчинишь своей воле. Так вот, знай, сделать это будет совсем не трудно.

Я смеюсь.

— Ты не такой, как они.

— Неужели?

Смотрю на него долго и пристально.

— Не знаю. Хочешь приказать мне спрыгнуть с балкона?

Он вскидывает брови.

— Конечно, нет.

— Тогда ты и вправду другой. — Я с силой толкаю его в грудь. Кулак почти непроизвольно раскрывается, и его тепло проникает в меня через ладонь. Я лишь теперь осознаю, что замерзла, стоя на ветру.

— А ты не такая, как они о тебе говорят. — Он наклоняется и снова меня целует.

Думать о том, что они обо мне говорят, не хочется. Не сейчас. Хочу только, чтобы целовал и целовал, стирая все-все-все.

Спуск длится долго. Мои пальцы путаются в его волосах. Мои губы на его шее. За спиной — древняя каменная стена. Так медленно... так хорошо... и так бессмысленно... Этого не может быть. Это не моя жизнь. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Мы сидим за длинным банкетным столом и едим хлеб и сыр. Пьем бледно-зеленое вино с ароматами трав из массивных кубков — Локк достает их из глубин настенного шкафчика. Ему дважды приходится мыть кубки — столько на них пыли.

Потом он поднимает меня и усаживает на стол так, что наши тела оказываются вжатыми одно в другое. Восхитительно и ужасно. Я ощущаю себя настоящей фейри.

Не уверена, что умею хорошо целоваться. Мои губы, язык такие неуклюжие. Я застенчива. Хочу прижаться к нему еще крепче и в то же время оттолкнуть. У фейри — в отличие от меня — в плане стеснительности табу нет. Мое смертное тело отдает потом и страхом. Я не знаю, куда деть руки, как обнимать, насколько глубоко вонзать ногти в его плечи. И хотя я знаю, что следует обычно за поцелуями и что ищут его пальцы на моем покрытом синяками бедре, скрыть неопытность не удастся.

Локк отстраняется, смотрит на меня, и я из последних сил гашу панику.

— Останься, — шепчет он.

В первое мгновение я думаю, что он предлагает остаться с ним здесь, и сердце несется прытью, подстегнутое желанием и страхом. Но потом понимаю, что речь идет о вечеринке, на которой будут и его друзья. Невидимые слуги, кто бы они ни были, должно быть, уже готовят дом, и вскоре в саду будет танцевать, например, мой несостоявшийся убийца Валериан.

Ну, может, и не танцевать, а стоять, неловко прислонившись к стене, с выпивкой в руке, повязкой на ребрах и новым планом убийства в сердце. Если не с прямым приказом от Кардана.

— Твоим друзьям это не понравится. — Я соскальзываю со стола.

— Они быстро напьются и перестанут обращать на что-либо внимание. Нельзя же провести всю жизнь под замком в казарме Мадока. — Он добавляет улыбку, явно рассчитанную на то, чтобы очаровать меня. Отчасти она срабатывает. Вспоминаю предложение Дайна поставить мне на лоб любовную метку. Интересно, есть ли такая у Локка, потому что, вопреки всему, я уже готова поддаться соблазну.

— У меня и одежды подходящей нет, — показываю на тунику, испачканную кровью Валериана.

Локк неторопливо оглядывает меня снизу доверху. Даже чересчур неторопливо.

— Платье я тебе найду. Найду все, что только пожелаешь. Ты спросила о Кардане, Никасии и Валериане — приходи и увидишь, какие они вне школы, какими потерявшими достоинство придурками бывают, когда выпьют. Увидишь их уязвимые места, трещинки в их броне. Ты же должна знать, как их победить? Я не говорю, что ты проникнешься к ним теплыми чувствами, но тебе ведь этого и не надо, верно?

— Мне ты нравишься. Мне нравится играть с тобой, притворяться.

— Притворяться? — повторяет он задумчиво, словно не зная, оскорбляю я его этим или нет.

— Конечно. — Я подхожу к окну, выглядываю. Лунный свет падает на вход в зеленый лабиринт. Неподалеку уже горят факелы, и язычки пламени подрагивают от ветра.

— Конечно, мы притворяемся. Мы нездешние, но все равно веселимся. Он бросает на меня заговорщический взгляд.

— Тогда пусть так и будет.

— Хорошо, — уступаю я. — Останусь. Пойду на твою вечеринку. — Слишком мало радости я видела здесь, чтобы сопротивляться заманчивому предложению.

Идем через комнаты к двойной двери. В какой-то момент он останавливается в нерешительности и оглядывается. Потом открывает дверь. За ней огромная спальня. Все укрыто толстым слоем пыли. На полу следы двух пар ног. Локк приходит сюда, но не часто.

— В гардеробе платья моей матери. Возьми что понравится, — предлагает он и берет меня за руку.

Оглядывая эту нетронутую комнату в самом сердце дома, я понимаю его горе, понимаю, почему он так долго держал ее под замком. И рада, что допущена сюда. Будь у меня комната с мамиными вещами, я, может быть, никому бы ее не открыла. И, возможно, сама бы не осмелилась войти.

Локк открывает один из шкафов. Многие вещи попорчены молью, но представить, какими они были, совсем нетрудно: юбка, украшенная зернышками граната; другая, за которой, как за занавесом, прячутся механические игрушки. Еще одна расшита силуэтами танцующих фавнов. Я восхищалась платьями Орианы, элегантными и роскошными, но эти пробуждают во мне прямо-таки неутолимое желание иметь такие же. Жаль, мне не довелось увидеть мать Локка в одном из этих нарядов. Мне почему-то кажется, что она была смешливая.

— Ничего подобного я еще не видела. Ты действительно хочешь, чтобы я надела такое?

Он проводит ладонью по рукаву.

— По-моему, они немного обветшали.

— Нет. Мне нравятся.

То, что с фавнами, пострадало меньше других. Я смахиваю с него пыль и переодеваюсь за старинным экраном. Платье из разряда тех, надеть которое без помощи Таттерфелл было бы затруднительно. Что делать с волосами, я не знаю, а потому временно оставляю их как есть — заплетенными в корону вокруг головы. Я протираю рукой серебряное зеркало, вижу себя в платье умершей матери Локка, и по спине пробегает дрожь.

Зачем я здесь? Не знаю. Каковы намерения Локка? В них я тоже не уверена. И когда Локк пытается надеть на меня украшения своей матери, я отказываюсь от них.

— Идем в сад. — Не хочу больше оставаться в этой пустой, отзывающейся эхом комнате.

Он убирает длинное изумрудное ожерелье, и мы идем к выходу. У порога я оглядываюсь и смотрю на шкаф с рассыпающейся одеждой. Несмотря на одолевающее меня беспокойство, не могу не дать воли воображению: интересно, каково было бы стать хозяйкой такого дома? Представляю принца Дайна с короной на голове. Представляю моих одноклассников за длинным столом — тем самым, на котором мы с Локком целовались. Они пьют светло-зеленое вино и делают вид, что никогда и не пытались меня убить. Локк держит в руке мою руку.

И я шпионю за ними всеми — во имя короля.

Лабиринт из живой изгороди высотой в рост огра. Плотные и блестящие, темно-зеленые листья. Похоже, компания Кардана собирается здесь частенько. Когда мы с Локком, немного опоздав, выходим из дома, до меня из центра лабиринта доносится их смех.

В воздухе витает аромат соснового ликера. В свете факелов все отбрасывает длинные тени и окрашивается в красное. Мои шаги неспешны.

Опустив руку в карман заимствованного платья, касаюсь ножа, лезвие которого еще испачкано кровью Валериана, и чего-то еще, оставленного, должно быть, много лет назад матерью Локка. Достая и вижу простенькую безделушку — золотой желудь. На украшение не похоже — нет цепочки, а служить какой-то иной цели, кроме как радовать глаз своей милой красотой, он не может. По крайней мере я такой цели представить не могу и опускаю находку в карман.

Взявшись за руки, мы идем по лабиринту. Поворотов, изгибов, похоже, не так уж много. На случай, если придется выходить одной, стараюсь составить мысленную карту. Простота его не добавляет уверенности, а, скорее, смущает. В мире фейри простых вещей не так уж много. Дома сейчас заканчивается подготовка к обеду. Без меня. Тарин, наверно, рассказывает Виви, что я ушла куда-то с Локком. Мадок будет хмуриться и раздраженно резать мясо, недовольный тем, что я пропускаю занятие.

Что ж, переживала и кое-что похуже.

В центре лабиринта дудка выводит озорную, буйную мелодию. В воздухе порхают лепестки белых роз. Компания собралась, гости едят и пьют за длинным банкетным столом, заставленным главным образом выпивкой: наливками, в которых плавают корни мандрагоры, сливовым

вином, ликерами с добавкой лугового клевера и бутылки с золотистым «невермор».

Кардан в расстегнутой белой рубашке лежит, откинув голову, на одеяле. Вечер только начался, а принц уже пьян. Какая-то рогатая, незнакомая мне девушка целует его в горло, а другая, с волосами цвета нарцисса, впиалась губами в икру над верхом сапога.

Валериана не видно, и я облегченно выдыхаю. Надеюсь, он остался дома залечивать полученную рану.

Локк приносит мне ликера, и я из вежливости пригубливаю обжигающий напиток. И тут же закашливаюсь. Кардан поворачивается и смотрит на меня из-под полуопущенных век. Я вижу влажный блеск глаз. Девушка целует его в губы и просовывает руку под полу гофрированной рубашки, но он продолжает наблюдать за мной.

Щеки теплеют. Я отвожу взгляд и тут же злюсь на себя — еще вообразит, будто смутил меня. Любит устраивать спектакль с собой в главной роли.

— Вижу, член Круга червей почтил нас сегодня своим присутствием. — На Никасии платье со всеми цветами заката. Она смотрит на меня. — Но который из них?

— Тот, который тебе не нравится, — говорю я, делая вид, что не замечая издевки в ее тоне.

Мой ответ вызывает у нее взрыв пронзительного фальшивого смеха.

— О, ты бы удивилась, узнав, какие чувства испытывают некоторые из нас в отношении вас обоих.

— Я обещал тебе развлечения получше этого, — сдержанно говорит Локк, беря меня за локоть и увлекая к столу пониже, вокруг которого разбросаны в беспорядке подушки. Я благодарна ему за этот жест, но в последний момент, не удержавшись, оборачиваюсь и одариваю Никасию враждебным взглядом. Потом, воспользовавшись тем, что Локк на секунду отвернулся, выплескиваю свой напиток в траву. Дудочник умолкает, и его место занимает обнаженный мальчик, с ног до головы покрытый сияющей золотой краской. Взяв лиру, он заводит непристойную песню о разбитых сердцах: «О леди, ты прекрасна! О леди, ты опасна! О как же я скучаю по шалостям твоим. По волосам скучаю. И по глазам скучаю. И таю, умираю по бедрам твоим!»

Перед костром Локк снова целует меня. Видеть это могут многие, но смотрят ли — не знаю. Не знаю, потому что в этот самый момент я крепко-накрепко зажимаю глаза.

ГЛАВА 17

Я просыпаюсь в доме Локка, на кровати, укрытой гобеленами. Во рту — вкус кислой сливы, губы распухли от поцелуев. Локк рядом, на кровати, в той же, что был на вечеринке, одежде. Глаза закрыты. Начинаю вставать, но замираю и, воспользовавшись моментом, рассматриваю его повнимательнее: заостренные уши, лисий мех волос, мягкий контур рта, длинные, раскинутые во сне конечности. Голова покоится на спрятавшемся под манжетой запястье.

Ночь возвращается потоком воспоминаний. Танцы и беготня по лабиринту. В какой-то момент я упала в грязь и рассмеялась, что совершенно мне несвойственно. Смотрю на бальное платье, в котором уснула, и верно, вижу на нем пятна от травы.

«Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье».

Принц Кардан наблюдал за мной всю ночь, как кружащая неустанно акула, выбирающая подходящий для атаки момент. Далее сейчас мне не составляет труда вызвать из памяти вылеженную черноту его глаз. И если я смеялась громче, чем обычно, то лишь ради того, чтобы позлить принца. И если я улыбалась шире и целовала Локка дольше, то это тот обман, осудить который не могут даже фейри.

И однако вот сейчас ночь кажется долгим и невозможным сном.

Спальня Локка в полнейшем беспорядке — на диванах и полу валяются книги и одежды. Бреду к двери и дальше по пустому коридору. Добираюсь до пыльной комнаты его матери, снимаю ее платье и надеваю свой вчерашний наряд. Потом опускаю руку в карман, за ножом, и достаю вместе с ним золотой желудь. Машинально засовываю и одно, и другое в тунуку. Хочу оставить что-то на память об этой ночи, если ничего подобного ей больше не случится. Локк сказал, что я могу взять что угодно, вот я и беру золотой желудь.

Выйдя из спальни, прохожу мимо длинного обеденного стола. За ним сидит Никасия, чистит ножичком яблоко.

— У тебя волосы — дебри, — говорит она, отправляя в рот кусочек.

Гляжу в серебряное зеркало на стене — там мое искаженное и размытое отражение. В любом случае она права — голова в окружении неаккуратного ореола. Начинаю расплетать косу, пользуясь вместо расчески пальцами.

— Локк спит, — сообщаю ей, полагая, что она хочет его увидеть. Но

ожидаемое ощущение превосходства — как-никак из его комнаты вышла я — почему-то не приходит. Есть только чувство паники, и я не знаю, что с этим делать. Не знаю, как, проснувшись в доме парня, вести себя с той, у кого были с ним отношения. При этом то обстоятельство, что она, возможно, желает моей смерти, воспринимается, как ни странно, как нечто вполне нормальное.

— Моя мать и его брат думали, что мы поженимся, — сообщает Никасия с таким видом, словно говорит в пустоту, а меня здесь и вовсе нет. — Считалось, что это будет полезный альянс.

— С Локком? — растерянно спрашиваю я.

Она смотрит на меня раздраженно, словно я своим вопросом отвлекла ее.

— С Карданом. Он все портит. Ему так нравится. Все портить.

Конечно, Кардану нравится все портить. Неужели она лишь сейчас это поняла. И, по-моему, в этом отношении они очень даже похожи.

Я оставляю ее с яблоком и воспоминаниями и иду в направлении дворца. Прорвавшись через деревья, холодный ветер разметает волосы и приносит запах сосен. В небе кричат чайки. Хорошо, что сегодня лекция и есть повод не идти домой и не выслушивать упреки Орианы.

Лекция в башне, в том месте, которое нравится мне менее других. Поднимаюсь по ступенькам, усаживаюсь. Я опоздала, но все же нахожу свободный уголок на одной из задних скамеек. Тарин сидит на противоположной стороне. Смотрит на меня и поднимает брови. Рядом с ней Кардан в зеленом, расшитом золотой нитью бархате. Сидит, раскинувшись, и длинные пальцы беспокойно постукивают по деревянной скамье.

Гляжу на него и тоже проникаюсь беспокойством.

Хорошо, что хотя бы Валериан так и не появился. Надеяться на то, что он вообще больше не вернется, не приходится, но по крайней мере у меня есть сегодня.

Новый наставник, рыцарша по имени Дулкамара, рассказывает о правилах наследования, возможно, имея в виду приближающуюся коронацию.

Коронацию, которая знаменует и мое восхождение к власти. Как только принц Дайн станет Верховным Королем, его шпионы обживут темные закоулки Эльфхейма, и только сам Дайн будет нам управой.

— В некоторых нижних дворах трон может завладеть убийца короля и королевы, — говорит Дулкамара и добавляет, что сама она принадлежит ко Двору термитов, который пока еще не встал под знамя Элдреда.

Доспехов на ней нет, но держится она так, словно носить их ей доводилось.

— Именно поэтому Королева Мэб договорилась со свободными фейри изготовить корону, которую носит сейчас Король Элдред и которая может переходить только ее потомкам. Завладеть ею силой весьма мудрено. — Тут она свирепо ухмыляется.

Если бы Кардан попытался прервать ее урок, она посмотрела бы на него так, будто готова сожрать его заживо и расколоть кости, чтобы добраться до костного мозга.

Детишки джентри поглядывают на Дулкамару с опаской. По слухам, лорд Ройбен, ее король, намерен присягнуть новому Верховному Королю и перейти на его сторону со всем своим большим двором, многие годы отвлекавшим силы Мадока. Решение Ройбена присоединиться к Высокому двору Эльфхейма воспринимается как крупный дипломатический успех, достигнутый путем переговоров, которые, вопреки желаниям Мадока, вел принц Дайн. Думаю, Дулкамара прибыла сюда из-за коронации.

Один из наших младших, Ларкспур, подает голос с места.

— А как быть, если в роду Зеленого вереска не будет детей?

— Как только наследников останется меньше двух, — тут Дулкамара мягко улыбается — один, чтобы носить корону, другой, чтобы возложить на голову правителя, — власть Верховной Короны рухнет. И весь Эльфхейм освободится от принесенных клятв. Что потом? А кто же знает? Может быть, новый правитель изготовит новую корону. Может быть, вы снова станете воевать с меньшими дворами. Может быть, встанете под наши знамена на юго-западе. — Улыбка показывает, какой из перечисленных вариантов предпочла бы она сама.

Я поднимаю руку, и Дулкамара кивает.

— Что, если кто-то пытается захватить корону?

Кардан бросает взгляд в мою сторону. Хочу ответить ему тем же, но перед глазами стоит вчерашняя картина: принц на одеяле и девушки вокруг. К щекам снова приливает кровь, и я опускаю глаза.

— Интересный вопрос. Согласно легенде, сама корона не позволит возложить ее на голову того, кто не является наследником Мэб, но, как известно, сама эта династия весьма плодovита. Так что, если парочка потомков попытается забрать корону, у них вполне может получиться. Но самая опасная часть предприятия заключена вот в чем: корона проклята, и убийство того, кто ее носит, влечет смерть убийцы.

Я думаю о записке в доме Балекина, о ядовитых грибах, о последствиях убийства.

После лекции осторожно спускаюсь по ступенькам, помня, как неслась по ним после того, как ранила Валериана. В какой-то момент глаза застилает пелена, голова начинает кружиться, но, к счастью, все быстро проходит. Тарин идет следом, а когда мы выходим из башни, чуть ли не тащит меня в лес.

— Первое. О том, что ты не ночевала дома, не знает никто, кроме Таттерфелл. Я купила ее молчание, отдав одно из твоих лучших колечек. Но мне ты должна сказать, где была.

— Локк устраивал вечеринку у себя дома. Я осталась там, но... в общем, ничего такого не случилось. Мы только целовались. И все.

Она трясет головой, да так, что каштановые косички летают туда-сюда.

— Даже не знаю, можно ли тебе верить.

Я вздыхаю. Может быть, чуточку картинно.

— Зачем мне врать? Это же не я скрываю личность своего ухажера.

Тарин хмурится.

— А я думаю, что оставаться на ночь в чьем-то доме и спать в чьей-то постели это даже хуже, чем просто целоваться.

Вспоминаю, как проснулась, как увидела растянувшего рядом Локка, и чувствую, как вспыхивает лицо. Чтобы отвлечь от себя внимание, переключаю его на сестру.

— О, так, может быть, это принц Балекин. Ты за него собираешься замуж? Или Ноггл? Не с ним ли ты считаешь звезды?

Тарин шлепает меня по руке. Пожалуй, через чур сильно.

— Прекрати. Не тычь пальцем в небо. Ты же знаешь, я не могу сказать.

— У... — Я срываю цветок лихниса и втыкаю в волосы за ухом.

— Так он тебе нравится? — спрашивает сестра. — По-настоящему?

— Локк? Конечно, нравится.

Она бросает на меня быстрый взгляд, а я думаю, что, должно быть, заставила ее поволноваться, не явившись на ночь домой.

— Балекин мне нравится меньше, — говорю я, и Тарин закатывает глаза. Дома находим оставленную Мадокон записку — предупреждает, чтобы рано его не ждали. Заняться особенно нечем, и я отправляюсь на поиски Тарин. Еще несколько минут назад она поднялась к себе, но сейчас ее там уже нет. Платье брошено на кровать, шкаф открыт, одежда на вешалках в беспорядке. Все выглядит так, будто здесь искали что-то второпях.

Убежала на встречу с кавалером? Поворачиваюсь, осматриваю комнату взглядом шпионки — ищу намеки на какие-то тайны. Ничего подозрительного не находится, если не считать сохнувшие на туалетном

столике лепестки белой розы.

Я возвращаюсь к себе и ложусь на кровать. Перебираю воспоминания о прошлой ночи. Достая из кармана нож — надо же в конце концов его почистить. Из кармана выкатывается золотой желудь. Беру его, поворачиваю, рассматриваю. На первый взгляд ничего особенного — обычная симпатичная безделушка. Потом, присмотревшись, замечаю тонкие поперечные линии, вроде бы указывающие на подвижные части. Пазл?

Как ни стараюсь, повернуть верхнюю половинку не могу. Сделать что-либо еще тоже. Я уже собираюсь оставить это безнадежное дело и бросить желудь на туалетный столик, но вижу вдруг крохотную дырочку, расположенную в самом низу и почти незаметную.

Вскакиваю с постели, копаюсь в столе, ищу булавку. Нахожу заколку с жемчужинкой на конце и пытаюсь просунуть острие в дырочку. Не сразу, но получается. Проталкиваю заколку, преодолевая некоторое сопротивление. Мои усилия вознаграждаются щелчком. Желудь открывается.

Из сверкающей серединки, где сидит крохотная золотая птичка, выезжают механические ступеньки. Клюв ее открывается и закрывается, издавая негромкие скрипучие звуки.

Друг мой дражайший, ты слышишь прощальные слова Аириопы. У меня три золотые птички. Три попытки доставить хотя бы одну в твои руки. Принимать противоядие уже поздно, а потому, если ты слышишь это, я оставляю тебе бремя моих секретов и последнее желание моего сердца. Защити его. Увези подальше от опасностей этого двора. Сбереги его и никогда, никогда не рассказывай правду о том, что случилось со мной.

В комнату входит Таттерфелл. В руках у нее поднос с чайными принадлежностями. Пытается подсмотреть, что я делаю, но я накрываю золотой желудь рукой.

Когда служанка удаляется, я откладываю безделушку, наливаю чай и держу ладони над чашкой — согреваюсь. Лириопа — мать Локка. В послании, адресованном неизвестному — дражайшему другу, — она просит его или ее увезти и укрыть от опасности Локка. В письме она говорит о прощальных словах, следовательно, понимала, что умирает. Возможно, письмо предназначалось отцу Локка в надежде, что пусть лучше сын до конца дней исследует с ним неведомые земли, чем попадет в водоворот интриг. Но поскольку Локк все еще здесь, то, похоже, ни один из золотых желудей до адресата не дошел. Может быть, они так и остались где-то в доме.

Наверно, будет правильно отдать послание Локку, и пусть он решает сам, что с ним делать. Но покоя не дает та записка в столе Балекина, в которой вина за смерть Лириопы возлагается на самого принца.

*Нужно ли обо всем рассказывать Локку?
Я знаю, где найти румяный гриб,
о котором вы спрашиваете,
но обстоятельства его дальнейшего использования
вами не должны быть связаны со мной.
После этого я буду считать мой долг оплаченным.
И пусть мое имя никогда более не коснется ваших губ.*

Снова и снова я верчу в уме слова послания, как вертела раньше сам желудь-тайник, и чувствую те же стыки.

Есть в этом письме что-то странное.

Записываю текст на листок бумаги, чтобы точно знать, чтобы запомнить его правильно, слово в слово. При первом чтении все выглядело так, будто смертельным ядом Балекина снабдила королева Орлаг. Но грибы-румяна встречаются редко и растут только в диких условиях, даже на этом острове. Я собирала их в Молочном лесу, возле мест обитания терновниковых пчел, которые строят свои ульи на деревьях, высоко над землей (читая недавно одну книгу, я узнала, что противоядие делают именно из их меда). И румяный гриб не опасен, если не выпьешь красный напиток.

А что, если записка королевы Орлаг не означает, что она нашла ядовитые грибы и собиралась отправить их Балекину? Что, если слова «найти румяный гриб» следует понимать буквально и королева говорит, что знает, откуда взялись грибы? Она предупреждает его о том, что он намерен делать с информацией, а не с самими грибами.

Отсюда следует, что Балекин не собирался убивать Дайна.

И тогда можно предположить, что Балекин, узнав, у кого грибы, выяснил, кто виновен в смерти матери Локка.

Ответ мог находиться где-то там, среди других бумаг, которые я второпях проглядела.

Придется возвратиться. Возвратиться в башню. И сделать это уже сегодня, пока до коронации еще осталось какое-то время. Ведь может так случиться, что Балекин и не собирается убивать Дайна, и Двор теней неверно все понимает. И даже если понимает все верно, то орудием

убийства могут быть не грибы, а что-то иное.

Допиваю чай, достаю из глубин шкафа одежду служанки и привожу в порядок волосы, заплетая их в косы наподобие тех, что носят девушки в доме принца. Прячу на поясе нож и вытряхиваю в карман побольше соли из серебряной коробочки. Потом хватаю накидку, надеваю кожаные сапоги и выскакиваю за дверь. Ладони уже потеют.

Со времени первой вылазки в Холлоу-Холл я многое узнала и многому научилась и теперь лучше понимаю, чем рискую. Вот только нервов это не касается. Я видела, как он поступил с Карданом, и вовсе не уверена, что выдержу те испытания, которым, если поймает, подвергнет меня Балекин. Перевожу дух и убеждаю себя, что не попадусь.

Это, как постоянно говорит Таракан, и есть настоящая шпионская работа. Информация вторична. Главное — чтобы тебя не поймали.

В холле прохожу мимо Орианы, которая оглядывает меня с головы до ног. С трудом удерживаюсь оттого, чтобы не завернуться поплотнее в накидку. На Ориане платье цвета незрелой малины, волосы убраны назад. Кончики заостренных ушей прикрыты мерцающими хрустальными каффами. Жаль у меня таких нет, они прикрыли бы мои закругленные человеческие уши.

— Вчера ты очень поздно пришла домой, — раздраженно говорит она. — Пропустила обед, и отец тебя ждал — вы же должны были заниматься.

— Исправлюсь, — отвечаю я и тут же сожалею о сказанном, потому что могу опоздать и сегодня. — Завтра. Начну исправляться завтра.

— Лживое создание. — Ориана смотрит на меня так, словно одной лишь силой взгляда может вытащить из меня все мои секреты. — Опять что-то затеяла.

Как же я устала от ее подозрений.

— Вы всегда так думаете. Просто на этот раз оказались правы.

Оставив ее размышлять над тем, что бы это значило, сбегая по ступенькам и выхожу на траву. Сегодня мне никто не мешает, никто не встает у меня на пути, никто не заставляет усомниться в задуманном. На этот раз я не беру жабу — нужно быть осторожной.

Идя через лес, замечаю кружащую над головой сову. Натягиваю на голову капюшон, закрываю лицо.

Добравшись до Холлоу-Холла, складываю накидку, прячу между дровами в поленнице и вхожу через кухню, где идет подготовка к ужину. Голубей обмазывают розовым желе, от запаха хрустящей кожицы текут слюнки, и жалобно сжимается желудок.

Открываю шкафчик, там выстроились двенадцать свечей, все цвета

бычьей кожи и с золотым оттиском личного герба Балекина — три смеющихся черных дрозда. Беру девять штук и, стараясь двигаться, как заведенный автомат, прохожу мимо стражей.

Один из них смотрит на меня как-то странно. Что-то не так, но мое лицо ему уже знакомо, и сегодня я держусь увереннее, чем в прошлый раз.

И тут вижу спускающегося по лестнице Балекина.

Он бросает взгляд в моем направлении, и все, на что меня хватает, это держать голову прямо и не прибавлять шагу. Вношу свечи в первую попавшуюся комнату, которой оказывается библиотека.

К счастью, толком он меня не увидел. И все равно сердце уже колотится, и дыхание едва поспевает за ним.

Девушка-служанка, в прошлый раз чистившая камин в комнате Кардана, расставляет книги на полке. Проверяю память — худенькая, потрескавшиеся губы, синяк под глазом. Движения замедленны, словно воздух в комнате густой, как вода. Она как будто спит, и в этом заколдованном сне я интересую ее не больше, чем мебель, и гораздо менее важна.

Нетерпеливо пробегаю глазами по полкам, но ничего полезного не вижу. Надо подняться в башню, просмотреть переписку принца Балекина и, если повезет, найти что-то, имеющее отношение к матери Локка, Дайну или коронации. Что-то, что в прошлый раз прошло мимо моего внимания.

Но между мной и лестницей — Балекин.

Я снова смотрю на служанку. Как ей живется здесь, о чем она мечтает? Выпадала ли ей возможность убежать отсюда? По крайней мере благодаря заклятию мне такая судьба не грозит. Далее если попадусь.

Жду. Считаю до тысячи. Сваливаю свечи на кресло. Выглядываю. Балекина нет. Быстро выхожу и поднимаюсь по ступенькам в направлении башни. Проходя мимо комнаты Кардана, задерживаю дыхание, но удача на моей стороне — дверь плотно закрыта.

Вот и кабинет Балекина. Оглядываюсь и замечаю по всей комнате растения в горшочках. Теперь я смотрю на них новыми глазами. Некоторые ядовитые, но большинство — наркотического действия. Грибов-румян не вижу. Подхожу к рабочему столу и вытираю руки о грубую ткань платья, чтобы не оставить следов пота. Стараюсь запомнить расположение бумаг.

Два письма от Мадока, но речь в них идет, похоже, о том, какие рыцари будут присутствовать на коронации и в каком порядке они встанут вокруг центрального помоста. В других говорится о назначениях, празднованиях, балах. О ядовитых грибах ни слова. И вообще ничего ни о каких-либо отравках. Ни Лириопа, ни убийство не упоминаются.

Единственное, что вызывает некоторое удивление, — это нескладная романтическая поэма, написанная рукой принца Дайна и посвященная неназванной женщине, о которой говорится лишь, что у нее волосы «цвета утренней зари» и «сияющие глаза».

Ничто здесь не указывает на существование какого-то плана выступления против принца Дайна. Разумеется, Балекин далеко не глуп и, если намерен убить брата, держать на виду выдающие его документы не станет. Даже письма о ядовитом грибе больше нет.

Я рискнула прийти в Холлоу-Холл и... ничего не обнаружила.

Секунду-другую просто стою, собираюсь с мыслями. Надо уходить. И сделать это, не привлекая к себе внимания.

Посыльный. Я притворюсь посыльным. Обмен сообщениями происходит постоянно. Беру чистый лист, пишу на нем имя Мадока, складываю лист пополам и запечатываю восковой печатью. В воздухе повисает запах серной спички. Жду, пока он рассеется, и с пустым листком спускаюсь по лестнице.

Проходя мимо библиотеки, замедляю шаг. Девушка-служанка все еще там, с механической монотонностью берет книжки из стопки на полу и ставит на полку. И делать это она будет, пока ей не скажут заняться чем-то другим, пока не свалится и не угаснет, безвестная, никем не помянутая. Как будто она — ничто. Я не могу оставить ее здесь.

Мне не за чем возвращаться в мир людей, но ей, может быть, есть. И да, это предательство. Я предаю веру в меня принца Дайна, предаю сам Фейриленд. Знаю. И все равно не могу ее оставить.

Осознав это, я испытываю облегчение.

Вхожу в библиотеку, кладу на стол запечатанный листок, опускаю в карман руку и зачерпываю немного соли. Протягиваю ей, как протянула бы лошади кусочек сахара.

— Съешь, — говорю ей тихо.

Она поворачивается и смотрит на меня рассеянно.

— Мне нельзя. — Голос хриплый. Наверно, говорить ей приходится нечасто. — Соль есть нельзя. Не полагается...

Прижимаю ладонь ей ко рту. Немного соли просыпается на пол. Я дура.

Импульсивная дура.

Обнимаю ее, отвожу в глубь библиотеки. Девушка колеблется — то ли закричать, то ли укусить. Царапает мои руки, впивается ногтями в кожу. Я держу ее, прижимаю к стене. Соппротивление слабеет.

— Извини, — шепчу я. — Не хочу тебе навредить. Пожалуйста,

позволь мне тебя спасти.

Она затихает. Жду еще немного, потом, решившись, убираю руку. Она тяжело дышит, но не кричит. И это уже хороший знак.

— Мы выйдем отсюда. Можешь мне довериться.

Девушка смотрит на меня непонимающе.

— Просто води себя как обычно, — поднимаю ее и вижу, что попытка не удалась. Я прошу о невозможном. Глаза у нее закатились, как у испуганного пони. Сколько еще у нас времени, прежде чем она потеряет сознание?

— Держись. Мне нужно вернуться и...

Она жалобно стонет и пытается вырваться. Я тащу ее к двери, подбираю по пути листок, комкаю и сую в карман.

Теперь никакого толку от него нет. Если стражи увидят его, то свяжут исчезновение служанки с домом той, что увела ее.

— Как тебя зовут?

Девушка качает головой.

— Ты должна помнить свое имя, — настаиваю я. Ужасно. Вместо того чтобы сочувствовать, злюсь и раздражаюсь. Надо торопиться. Отвлечься от своих переживаний. Надо уходить.

— Софи, — всхлипывает она. В ее глазах набухают слезы, а мне не по себе от собственной жестокости.

— Тебе нельзя плакать, — резко бросаю я, надеясь, что мой тон испугает ее и заставит подчиняться. Стараюсь подражать Мадоку, говорить так, словно привыкла командовать, привыкла, чтобы мне подчинялись. — Я не разрешаю. Если понадобится, ударю.

Она съеживается от страха, но умолкает. Вытираю ей глаза обратной стороной ладони.

— Договорились?

Софи не отвечает, и я понимаю, что дальнейший разговор невозможен. Направляю ее в сторону кухни. Придется пройти мимо стражей, другого выхода нет. Она изображает улыбку — получается ужасно, но по крайней мере на это ей самообладания хватило. Что тревожно, она не может взять себя в руки и перестать смотреть по сторонам. Чем ближе к стражам, тем напряженнее ее взгляд, и скрыть это уже невозможно.

Буду импровизировать.

— Нас вызвал принц Кардан, — говорю я монотонным голосом, словно повторяю заученное распоряжение.

Один страж поворачивается к другому.

— Балекину это не понравится.

Стараюсь не реагировать, но такое усилие дается с трудом. Стою и жду. Если не поверят, придется их убить.

— Хорошо, — говорит первый страж. — Идите. Но скажите Кардану, чтобы на этот раз привел вас обоих обратно.

Ох, не нравится мне это.

Второй страж присматривается к Софи, взгляд которой мечется по сторонам.

— В чем дело?

Я чувствую, как она дрожит. Надо что-то сказать. И побыстрее, пока Софи не открыла рот.

— Лорд Кардан приказал нам быть внимательнее. — Надеюсь, страж спишет ее странное поведение на вполне объяснимое замешательство, вызванное двусмысленным распоряжением.

Мы с Софи проходим через кухню, мимо других слуг, спасать которых я не собираюсь, понимая всю тщетность таких усилий. С другой стороны, имеет ли смысл помощь одному, когда тех, кто в ней нуждается, так много?

Говорю себе, что придумаю что-нибудь, когда получу власть. А я получу ее, как только Дайн станет королем.

Стараюсь не спешить, сдерживаю шаг и только за дверью позволяю себе вдохнуть полной грудью.

Но и с этим я, оказывается, поторопилась. Кардан скачет к нам на высоком, сером в яблоках коне. За ним девушка, в которой я узнаю Никасию. Как только он войдет, стражи расскажут о нас, и он поймет, что здесь что-то не так.

Если, конечно, он не узнает меня еще раньше.

Каким может быть наказание за похищение слуги? Не знаю. Может быть, проклятие, и тогда меня превратят в ворона и заставят лететь на север и жить там семижды семь лет в ледяном дворце. Или, что еще хуже, и проклятия никакого не будет...

Все мои силы уходят на то, чтобы не сорваться, не побежать. В любом случае. В любом случае до леса не добраться, тем более волоча за собой Софи. Верхом он легко догонит нас обоих.

— Перестань таращиться, — сердито шепчу Софи. — Смотри под ноги.

— Хватит мне выговаривать, — огрызается она. Хорошо еще, что не плачет.

Иду, опустив голову, держу под руку Софи. Иду к лесу.

Краем глаза вижу, как Кардан соскакивает с седла и ветер треплет его черные волосы. Он смотрит в моем направлении и на мгновение

останавливается.

Я замираю, но не бегу.

Не могу бежать.

Не гремят копыта, не несется конь во весь опор, никто не спешит схватить и покарать.

К огромному моему облегчению, Кардан видит всего лишь двух направляющихся к лесу служанок — может, за дровами, а может, за ягодами.

Чем ближе опушка леса, тем труднее дается каждый шаг.

А потом Софи падает на колени и поворачивается к поместью Балекина.

Вырвавшийся из груди звук больше всего напоминает похоронный плач.

— Нет. Нет, нет, нет, нет. Нет. — Она качает головой. — Этого не может быть. Этого не было.

Хватаю ее под мышки и рывком поднимаю на ноги.

— Шевелись или брошу тебя здесь. Ты понимаешь? Я оставлю тебя здесь, а принц Кардан найдет и утащит в крепость.

Осторожно оглядываюсь и вижу его самого. Он спешил и ведет коня к конюшне. Никасия осталась в седле и, закинув голову, громко смеется над чем-то. Он тоже улыбается. Именно улыбается, а не ухмыляется, как обычно. Сейчас Кардан совсем не похож на жестокого злодея из книжки. Обычный парень, вышедший на прогулку под луной со своей подружкой.

Софи, пошатываясь, плетется вперед.

— Теперь нас не поймают, ведь мы уже так близко.

С первым шагом под сень деревьев на усыпанную сосновыми иголками землю я выдыхаю, кажется, все скопившееся внутри напряжение, но все равно не даю Софи присесть, пока мы не достигаем речки. Переходим ее вброд. Вода холодная, ноги вязнут, и получается не слишком быстро, но так нужно. Сейчас самое важное — скрыть наши следы, и ради этого стоит постараться.

На другом берегу Софи наконец валится на землю и дает волю слезам. Смотрю на нее и думаю, что же делать дальше. И почему я такая раздражительная и сварливая, а не добрая и сочувствующая. Вот и сейчас меня гнетет одна и та же мысль, что любая задержка обернется бедой и нас поймают.

Заставляю себя присесть на изъеденное термитами бревно. Пусть выплачется, а я подожду.

Но минута летит за минутой, а слезы не кончаются. Подхожу к ней,

опускаюсь на колени в болотистую траву.

— До моего дома уже близко, — говорю я, стараясь быть убедительной. — Надо только пройти еще немного.

— Замолчи! — кричит она и машет рукой, прогоняя меня.

Меня захлестывает гнев. Хочется кричать и ругаться, схватить и встряхнуть как следует. Чтобы не сорваться, прикусываю язык и сжимаю изо всех сил кулаки.

— Ладно. — Перевожу дух. — Все слишком быстро, понимаю. Но я действительно хочу тебе помочь. Я могу вытащить тебя из Фейри. Сегодня же вечером.

Девушка снова качает головой.

— Не знаю. Я ничего не знаю. Была в «Горящем», а потом подошел какой-то парень и сказал, что есть работа — передать закуску для одного богатенького чудака в палатке с кондиционером. Предупредил, чтобы ничего не брала. Мол, если что-то возьмешь, то будешь служить мне тысячу лет...

Она умолкает, но теперь я знаю, как ее заманили в ловушку. Все происходившее, должно быть, показалось ей шуткой. Она, наверно, посмеялась, он поулыбался. А потом... Может, Софи проглотила парочку креветочных чипсов или прихватила что-то из столового серебра — неважно.

— Все в порядке. Все будет хорошо.

Софи смотрит на меня и как будто впервые видит по-настоящему. Видит, что я одета в такое же, как она, платье, но и замечает во мне что-то другое.

— Кто ты? Что это за место? Что с нами случилось?

Я спрашивала, как ее зовут, так что теперь, наверно, надо и самой представиться.

— Меня зовут Джуд. Я выросла здесь. Одна из моих сестер может перенести тебя через море в человеческий город, который недалеко отсюда. Потом позвони кому-нибудь, чтобы за тобой приехали, или обратись в полицию, и они найдут твоих близких. Вот и все.

Софи ненадолго задумывается.

— Это какое-то... А что случилось? Я помню кое-что... невероятное... невозможное. И я хотела... Нет, я не могла этого хотеть...

Она умолкает, и я не знаю, что сказать. Не представляю, чем могло закончиться ее недосказанное предложение.

— Пожалуйста, скажи, что все это мне только привиделось. Что этого не было на самом деле. Иначе я просто не смогу жить.

Софи оглядывается, словно пытаясь убедить саму себя в том, что это просто лес, что в нем нет ничего магического, а раз так, то и все остальное самое обычное. Глупо, конечно. Все леса — магические.

— Идем. — Мне совсем не нравятся такие разговоры, но и лгать лишь ради того, чтобы девушке стало легче, бессмысленно. Так или иначе, ей придется принять, что она попала в ловушку и провела какое-то время у фейри. И у меня нет лодки, чтобы перевезти бедняжку через море, а есть только коньки из крестовника. — Сможешь пройти еще немного? — Чем быстрее она вернется в мир людей, тем лучше.

Мы уже приближаемся к владениям Мадока, когда я вспоминаю про накидку, оставшуюся в пленнице возле Холлоу-Холла, и снова проклиная себя за невнимательность. Подвожу Софи к конюшне, открываю пустое стойло и устраиваю ее там. Девушка тут же падает на сено. Думаю, одного взгляда на здоровенную жабу хватит, чтобы рассеять ее недоверие ко мне.

— Ну вот и пришли. — Бодрый тон дается с немалым усилием. — Я пойду за сестрой, а ты жди здесь и никуда не уходи. Обещаешь?

Она смотрит на меня испуганными глазами.

— Нет, не могу. Не могу смотреть на... это.

— Придется потерпеть. — Независимо от меня, в голосе слышатся жесткие нотки. Захожу в дом и торопливо поднимаюсь наверх. Только бы не нарваться на кого-нибудь. Бесцеремонно, даже не постучав, толкаю дверь и врываюсь в комнату Вивьен.

Повезло. Моя старшая сестра лежит на кровати и пишет письмо зелеными чернилами, добавляя на поля рисунки — сердечки, звездочки и рожицы. Поднимает голову, откидывает свои черные волосы и смотрит на меня.

— Интересный у тебя сегодня наряд.

— Я сегодня наделала глупостей.

Вивьен поднимается, соскальзывает с кровати.

— Что случилось?

— Увела девушку-служанку из дома принца Балекина, и теперь мне нужна твоя помощь. Пока никто не хватился, надо переправить ее в мир людей, — объясняю я, запыхавшись, и снова ругаю себя. Как нелепо все получилось. Как глупо и рискованно. Ему ведь ничего не стоит найти другую девушку, готовую заключить заманчивую сделку.

Но Вивьен не ругает меня и не корит.

— Хорошо. Подожди, я только обуюсь. Думала, ты скажешь, что убила кого-то.

— А с чего ты так подумала?

Она только фыркает. Находит ботинки, завязывает шнурки и смотрит на меня.

— Джуд, это ты Мадока можешь обмануть вежливой улыбкой, но я-то вижу оскаленные зубы.

Что тут скажешь?

Вивьен надевает длинное, отороченное мехом зеленое пальто с застежками в виде лягушек.

— Где девушка?

— В конюшне. Я тебя отведу и...

Сестра качает головой.

— Вот уж нет. Прежде всего переоденься. Потом спускайся к обеду и веди себя так, как будто ничего не случилось. Если придут с вопросами, скажи, что все время была в своей комнате.

— Меня никто не видел!

Вивьен смотрит на меня холодно.

— Никто? Ты уверена?

Кардан, вернувшийся домой ровно в тот момент, когда мы шли к лесу. Стражи, которым я солгала.

— Не совсем. Но никто ничего не заметил. — Если Кардан узнал меня, легко я не отделаюсь. Такого шанса он не упустит.

— Я так и подумала. — Вивьен предостерегающе поднимает руку с длинными пальцами. — Джуд, это небезопасно.

— Я все-таки пойду. Девушку зовут Софи, и она сильно напугана.

Сестра хмыкает.

— Да уж могу себе представить.

— С тобой она не пойдет. Ты такая же, как они. — Больше всего я боюсь, наверно, что сорвусь, не совладаю с нервами. Эффект адреналина слабеет, оставляя меня один на один с последствиями моего безумия. Но если уж Софи с подозрением отнеслась ко мне, то нетрудно предсказать, как подействуют на нее кошачьи глаза Вивьен. — Ты — одна из них.

— Напоминаешь на случай, если я забыла?

— Надо идти. Я с тобой. Не будем сейчас спорить на этот счет — времени нет.

— Тогда пойдем.

Мы вместе спускаемся по лестнице и уже подходим к двери, когда она вдруг хватает меня за плечо.

— Знаешь, нашу маму ты не спасешь. Ее уже нет.

Чувство такое, словно мне отвесили пощечину.

— Здесь не то...

— Неужели? Разве не это ты делаешь? Разве та девушка не замещение мамы?

Стряхиваю ее руку с плеча.

— Я всего лишь хочу помочь Софи. Только Софи.

Луна поднялась уже высоко, и ее свет серебрит листья. По пути Виви собирает букетик крестовника.

— Отлично. Пойдем за твоей Софи.

Девушка на месте, там, где я ее оставила. Сидит на сене, раскачивается и тихонько сама с собой разговаривает. Мне сразу становится легче — все-таки не сбежала, и нам не надо искать ее в лесу. И слуги Балекина не явились и не утащили ее с собой.

— Ну, мы готовы. — Я натужно улыбаюсь.

— Да. — Софи поднимается. Лицо заплаканное, но слез уже нет. Похоже, она в шоке.

— Все будет хорошо.

Девушка не отвечает, но покорно следует за мной к тому месту, где нас ожидает Виви с двумя поджарыми пони. У животных зеленые глаза и шелковистые гривы.

Софи смотрит на них, потом на Виви и начинает отходить от меня в сторонку.

— Нет, нет, нет. Пожалуйста, не надо. Не надо больше. Нет.

— Магии здесь лишь чуточку, — пытается образумить ее Виви, но Софи видит лишь пушок на острых кончиках ушей и глаза, сияющие в темноте золотом. — Самая капелька. Зато ты никогда больше никакой магии не увидишь. Вернешься в мир людей, дневной, нормальный мир. Другого пути отсюда нет. Мы полетим.

— Нет. — Голос у Софи разбитый.

— Пойдем к берегу, — предлагаю я. — Ты увидишь огни, может быть, даже корабли. Увидишь, куда попадешь, и тебе сразу станет лучше.

— У нас мало времени, — напоминает Виви и многозначительно смотрит на меня.

— Здесь недалеко, — уговариваю я. А что еще делать? Разве что стукнуть ее по голове или попросить сестру, чтобы немножко заколдовала упрямыцу. Оба варианта опасны.

Снова идем через лес, и пони тащатся за нами. Софи, похоже, успокоилась. На ходу поднимает несколько гладких камешков, смахивает с них пыль и кладет в карман.

— Ты помнишь свою прежнюю жизнь? — спрашиваю я.

Она кивает, но отвечает не сразу и, лишь помолчав, снова

поворачивается ко мне и так странно, отрывисто и хрипло, смеется.

— Всегда хотела, чтобы в мире была магия. Ну не смешно ли? Хотела быть Пасхальным кроликом или Санта-Клаусом. И еще Динь-Динь. Но теперь ничего этого не хочу.

— Знаю. — Я действительно знаю. И раньше хотела многого. Каждый год чего-то нового. Но в душе больше всего хотела, чтобы это все было не по-настоящему.

У края воды Виви садится на пони и сажает перед собой Софи. Я забираюсь на второго. Софи с опаской смотрит на лес, а потом переводит взгляд на меня. Похоже, ей уже не страшно. Может, действительно поверила, что самое худшее осталось позади.

— Держись крепче, — говорит Виви, и ее конек прыгает с обрыва в пустоту.

Мой устремляется за ним.

Восторг от полета переполняет меня, и я широко и радостно улыбаюсь. Внизу видны белые шапки волн, впереди, словно усыпанная звездами загадочная страна, светятся огни города.

Поворачиваюсь к Софи, хочу ободрить ее, но она не смотрит в мою сторону, и ее глаза закрыты. А потом девушка начинает клониться вбок, отпускает гриву пони и падает. Виви пытается схватить ее, но уже поздно. Софи летит беззвучно через ночное небо к зеркальной тьме моря, и, когда падает, мы слышим только далекий плеск.

Ошеломленная, я немею. Все вокруг как будто замедляется. Перед мысленным взором ее потрескавшиеся губы, в ушах ее голос: «Пожалуйста, скажи, что все это мне только привиделось. Что этого не было на самом деле. Иначе я просто не смогу жить».

Вспоминаю, как она собирала и опускала в карманы камешки.

Я не слушала ее. Не хотела слушать. Хотела только спасти.

ГЛАВА 18

Просыпаюсь с тяжелой головой. Уснула, только когда выплакала все слезы, и вот теперь глаза опухли и покраснели, в висках стучит пульс. Прошлый вечер вспоминается как жуткий, лихорадочный кошмар. Сегодня уже не верится, что я проникла в дом Балекина и увела одну из его служанок. Еще меньше верится в то, что она предпочла утонуть, но не жить с памятью о фейри.

Допиваю чай с фенхелем и одеваюсь, когда к двери подходит Гнарбон.

— Прошу прощения. — Он коротко кланяется. — Джуд, нужно сейчас же...

Таттерфелл машет на него рукой.

— Она не готова с кем-то там видаться. Вот оденется, и я ее пришлю.

— Принц Дайн ждет внизу, в кабинете генерала Мадока. Мне приказано привести ее даже в домашнем платье, а при необходимости принести. — Говорить такое Гнарбону определенно неприятно, но всем ясно, что отказаться невозможно.

Холод страха сковывает живот. Как же я не подумала, что уж принц-то, располагающий маленькой армией шпионов, первым узнает, что я натворила. Вытираю руки о бархатную кофту и, вопреки всем приказам, натягиваю брюки и обуваюсь. Меня никто не останавливает, не торопит. Даже в моем нынешнем, уязвимом положении важно сохранить остатки достоинства.

Принц Дайн стоит у окна, за рабочим столом Мадока. Стоит спиной ко мне, и мой взгляд машинально перескакивает на меч, свисающий с ремня и почти полностью скрытый тяжелым шерстяным плащом. Поворачиваться ко мне он не спешит.

— Я допустила ошибку. — Хорошо, что Дайн стоит там, где стоит. Разговаривать легче, когда он не смотрит на меня. — И я понесу любое наказание, которое только...

Принц поворачивается, и в его искаженном гневом лице я, неожиданно для себя, вижу сходство с Карданом. Рука падает на стол, сотрясая все, что на нем стоит.

— Не я ли принял тебя на службу и наградил великим даром? Не я ли пообещал тебе место при моем дворе? И однако же ты воспользовалась всем, чему я научил тебя, чтобы поставить эти планы под угрозу.

Опускаю голову и упираюсь взглядом в пол. Власть у него, и он может

сделать со мной что угодно. Все, что угодно. Даже Мадок не в состоянии защитить меня. И я не только послушалась его, но и продемонстрировала верность чему-то совершенно чуждому принцу. Я помогла смертной девушке. Я сама повела себя как смертная.

Прикусываю губу, чтобы не поддаться слабости и не молить о прощении. Я не могу позволить себе говорить.

— Рана оказалась не такая опасная, какой могла оказаться, но будь лезвие подлиннее, удар стал бы смертельным. И не думай, я знаю, что именно такой удар ты и готовила.

Ошеломленная этим заявлением, я вскидываю голову. Вот так сюрприз! Несколько неловких для обоих секунд мы смотрим друг на друга. Глядя в его серебристо-серые глаза, я вижу нахмуренный лоб и глубокие, недовольные морщины. Я отмечаю это все, чтобы не думать о том, как едва не призналась в преступлении большем, чем то, о котором он узнал.

— Ну? — Дайн первым нарушает молчание.

— Он хотел заколдовать меня чарами и заставить спрыгнуть с башни.

— Значит, теперь он знает, что ты неуязвима для чар. Все хуже и хуже.

— Принц выходит из-за стола. — Ты — мое творение, Джуд Дуарте. Ты будешь наносить удары, только когда я прикажу. Во всех остальных случаях воздерживайся от любых действий. Понятно?

— Нет, — машинально отвечаю я. Это же нелепость. — Мне что же, нужно было уступить? Даже во вред себе?

Дайн зол, но был бы в ярости, если бы знал, что я натворила вчера.

Он бросает на стол кинжал.

— Подними.

Я ощущаю давление чар. Пальцы сжимают рукоять кинжала. Меня словно окутывает какая-то дымка. Я знаю и в то же время не знаю, что делаю.

— Через секунду я попрошу тебя проткнуть кинжалом руку. Хочу, чтобы ты вспомнила, где у тебя кости и вены. Хочу, чтобы ты проткнула руку с наименьшим ущербом для себя.

Голос убаюкивает, навевает сонливость, гипнотизирует, но пульс все равно ускоряется.

Наперекор собственной воле нацеливаю острие и мягко прижимаю его к коже. Я готова.

Ненавижу Дайна, но готова. Ненавижу его и ненавижу себя.

— Бей, — говорит он, и в тот же миг чары отпускают. Я делаю шаг назад. Я снова контролирую себя, даже держа в руке кинжал. Принц хотел...

— Не огорчай меня, — говорит Дайн.

Я вдруг понимаю, что не получила помилование. Он снял чары не потому, что хочет пощадить меня. Он может в любой момент снова воспользоваться магией, но не станет это делать, потому что ему нужно, чтобы я сама, по своей воле, проткнула себе руку. Ему нужны доказательства моей преданности — кровь и кости. Я колеблюсь. Еще бы нет.

Это же абсурдно. И ужасно. Отвратительно. Так преданность не выказывают. Это какая-то бессмыслица. Полная чушь.

— Джуд? — Не могу понять, что он хочет: чтобы я прошла испытание или чтобы провалила. Представляю Софи, лежащую на дне моря с камешками в карманах. Представляю довольное лицо Валериана в тот момент, когда он приказал мне прыгнуть с башни. Представляю глаза Кардана, приглашающие меня бросить ему вызов.

Я старалась быть лучше их и проиграла.

Кем я стану, если меня не будут трогать ни смерть, ни боль, ни все остальное? Если отступлюсь от всего и всех?

Вместо того чтобы бояться, я могла бы стать той, которую бояться.

Не спуская с него глаз, вонзаю клинок в руку. Боль накатывает волной, которая поднимается выше и выше, но не опадает. В горле рождается, но там и остается низкий, глухой стон. Я, может быть, не заслуживаю наказания за это, но наказания вообще заслуживаю.

На лице Дайна странное, отсутствующее выражение. Он делает шаг назад, от меня, словно я не просто исполнила приказ, но и сама совершила нечто шокирующее. Откашливается.

— Не раскрывай свое владение кинжалом. Не раскрывай свою власть над чарами. Не демонстрируй все, что ты умеешь. Выказывай силу через бессилие. Вот что мне нужно от тебя.

— Да, — выдыхаю я и вытаскиваю лезвие. Кровь стекает на стол Мадока, и ее больше, чем я ожидала. Все вокруг вдруг начинает кружиться.

— Вытри, — коротко, сквозь зубы, бросает Дайн. Удивление на его лице сменяется чем-то другим.

Вытереть стол нечем, кроме как краем кофты.

— А теперь дай руку. — Я неохотно подчиняюсь, но он бережно берет ее и оборачивает зеленой тряпицей, которую достает из кармана. Пытаюсь пошевелить пальцами и едва не теряю сознание от острой боли. Ткань повязки быстро темнеет, пропитываясь кровью. — Когда я уйду, отправляйся на кухню и обложи рану мхом.

Я снова молча киваю, не надеясь, что смогу облечь мысли в слова.

Стоять становится все труднее, но я смыкаю колени и цепляюсь взглядом за красную щербину, оставленную на столе острием кинжала.

Дверь кабинета открывается, застывая врасплох нас обоих. Дайн роняет мою руку, и я сую ее в карман, покачнувшись от боли. На пороге стоит Ориана, с деревянным подносом, на котором поместились дымящийся чайник и три глиняные чашки. Сейчас на ней домашнее платье цвета незрелой хурмы.

— Принц Дайн. — Она изящно кланяется гостю. — Слуги сказали, что вы уединились с Джуд, и я подумала, что они ошиблись. Приближается коронация, и ваше время слишком ценно, чтобы тратить его на глупую девчонку. Вы оказываете ей слишком большую честь, и, несомненно, ваше внимание излишне.

— Несомненно, — скалится Дайн. — Я и не заметил, что задержался.

— Пока вы еще с нами, выпейте чаю. — Она ставит поднос на стол. — И мы могли бы поговорить. Все вместе. Если Джуд как-то оскорбила вас...

— Извините, — бесцеремонно перебивает он. — Вы напомнили мне о моих обязанностях, так что я незамедлительно приступлю к их исполнению.

Принц проходит мимо Орианы, но, прежде чем выйти, оглядывается и смотрит на меня. Пройдено испытание или нет, так и остается загадкой. В любом случае он уже не доверяет мне так, как доверял до самого последнего времени. Ну да ладно. Я тоже не очень-то ему доверяю.

Поворачиваюсь к Ориане.

— Спасибо. — Меня колотит. На этот раз — надо же! — она воздерживается от своей обычной критики. Вообще ничего не говорит, только касается пальцами моих плеч. Я прислоняюсь к ней, и в нос бьет запах вербены. Закрываю глаза и втягиваю знакомый аромат. Мне плохо. Я в отчаянии и приму любое утешение.

О занятиях даже не думаю и, дрожа с головы до ног, отправляюсь к себе в комнату и залезаю в постель. Таттерфелл мимоходом поглаживает меня по голове, как будто я сонная кошка, и возвращается к сортировке моих нарядов. К вечеру должны принести мое новое платье, а сама церемония коронации состоится послезавтра. После провозглашения Дайна королем начнется месяц празднеств, гуляний и попоек. За это время исчахнет и родится заново луна.

Рука болит так сильно, что я даже мох на рану не кладу — боюсь потревожить. Просто держу ее у груди и баюкаю. Боль обретает собственный пульсирующий ритм, становится вторым, рваным сердцебиением. Подвигнуть себя на какую-то активность не могу, поэтому

лишь лежу и жду, когда она отступит. В голове носятся по кругу мысли.

Лорды, леди и ленники, правящие дальними дворами, уже прибывают, чтобы засвидетельствовать свое почтение новому Королю. Темные дворы и Светлые дворы, Свободные и Дикие. Подданные Верховного Короля дворов, с которыми заключено перемирие, пусть даже неустойчивое. Присутствовать будет даже Двор Подводного мира. Многие принесут клятву верности новому Королю в обмен на его мудрость и защиту, пообещают защищать его и, если потребуется, отомстить за него. А потом выкажут свое уважение неумными гуляньями.

Мне полагается праздновать вместе со всеми. Танцевать, есть, пить, драться — и так целый месяц.

Чтобы подготовиться к такому испытанию, нужно почистить, погладить и освежить каждое платье. Таттерфелл пришивает новые, сделанные из сосновых чешуек манжеты к обтрепавшимся рукавам. Небольшие дырочки на юбках закрываются вышивкой в форме листьев или гранатов, а в одном случае прыгающей лисой. Десятки пар уже починенной кожаной обуви стоят наготове с тем расчетом, что я, предаваясь безумным пляскам, буду менять их каждый вечер.

По крайней мере есть с кем танцевать — с Локком. Пытаясь отвлечься от боли в руке, вспоминаю его янтарные глаза.

Таттерфелл снует по комнате, а я закрываю глаза и проваливаюсь в странный, рваный сон. Просыпаюсь глубокой ночью, вся в поту. Слезы высохли, паника и боль улеглись, и меня окутывает покой. Раненая рука напоминает о себе глухой пульсацией. Таттерфелл ушла. В изножье кровати сидит Виви, и в ее кошачьих глазах лунный блеск и зеленоватое сияние шартреза.

— Пришла посмотреть, в порядке ли ты. Конечно, нет.

Опираясь на одну руку, заставляю себя подняться.

— Извини за то, о чем попросила. Не надо было. Заставила тебя рисковать.

— Я — твоя старшая сестра. И ты вовсе не обязана защищать меня от моих же собственных решений.

После падения Софи мы с Виви до самого рассвета ныряли в черную, ледяную воду, пытались найти девушку, звали ее, пока не охрипли.

— И все-таки...

— И все-таки, — жестким эхом повторяет она. — Я хотела помочь. Хотела помочь той девушке.

— Жаль, не получилось... — Слова застревают у меня в горле.

Вивьен пожимает плечами, и этот жест напоминает мне о том, что мы,

пусть и сестры, во многих отношениях разные.

— Ты приняла очень смелое решение. Гордись этим. Смелым может быть не каждый. Мне самой иногда смелости не хватает.

— Ты о чем? «Не говорите Хизер, что на самом деле происходит», — передразниваю ее.

Виви строит гримасу, но и улыбается — ей приятно, что я перевела разговор на менее опасную тему, от погибшей смертной девушки к другой, ее подруге, тоже смертной.

— Несколько дней назад Хизер стала водить пальцем по моему уху. Я подумала, что она хочет спросить о чем-то, но она только сказала, что оно у меня стильное. Оказывается, есть люди, которые отрезают уши, делают их заостренными, а потом пришивают.

Ничего удивительного. Я понимаю желание иметь уши, как у нее, и даже завидовала сестре — вот бы и мне такие, торчком, с легким пушком. Умалчиваю я о другом: никто, потрогавший их, не поверит, что над ними потрудился кто-то, кроме природы. Хизер обманывает — либо Виви, либо себя саму.

— Не хочу, чтобы она боялась меня.

Думаю о Софи и уверена, что сестра тоже думает о ней, о набитых камешками карманах. Софи лежит на морском дне. Может быть, эта смерть все же подействовала на мою сестру сильнее, чем она хочет показать?

Снизу доносится голос Тарин.

— Принесли! Наши платья! Идите смотреть!

Виви соскакивает с кровати и улыбается мне.

По крайней мере у нас было приключение.

И скоро будет еще одно. Жду, пока она выйдет — надо надеть перчатку, чтобы скрыть рану, — и следую за ней по лестнице.

Платья уже лежат на трех стульях и диване в гостиной Орианы. Мадок терпеливо выслушивает неумеренные комплименты супруги, восторгающейся идеальным качеством шитья. Ее бальное в точности повторяет розовый цвет ее глаз с постепенным переходом в красный и выглядит так, словно пошито из огромных лепестков, вытянувшихся в длинный шлейф.

У Тарин шикарная ткань, а крой корсажа идеален.

Между этими двумя лежат симпатичный костюмчик Оука и камзол с накидкой Мадока в его любимом цвете засохшей крови.

Виви поднимает свое серебристо-серое платье и улыбается мне.

А вот и мое. Поднимаю его, и Тарин ахает.

— Ты не это заказывала! — говорит она обвинительным тоном, как

будто я намеренно и тайком в чем-то ее обманула.

Действительно, бальное платье у меня в руках совсем не то, что предлагала Брамблвефт. Оно совсем другое и чем-то напоминает изумительные, безумные наряды из гардероба матери Локка. Белое у горла, платье понемногу темнеет, переходя к голубому и индиго в самом низу. На этом фоне четко выделяются вышитые силуэты деревьев, похожие на то, что я вижу на закате за моим окном. Швея даже пришила крохотные кристаллические бусинки, представляющие звезды.

Такое платье я не могла даже представить, и оно настолько прекрасно, что, глядя на него, я на мгновение замираю и не могу думать ни о чем, кроме этой красоты.

— Оно... оно, кажется, не мое, — бормочу я. — Тарин права. Это не совсем то, что было на эскизе.

— И все равно миленькое, — утешительно, словно я чем-то расстроена, говорит Ориана. — А еще на нем твое имя.

В душе я рада, что никто не пытается отнять платье. Не знаю, почему оно попало ко мне, но если я смогу в него влезть, то несомненно надену.

Мадок поднимает брови.

— Мы все произведем прекрасное впечатление.

Проходя мимо, он треплет меня по голове. В такие мгновения почти можно убедить себя в том, что нас не разделяет река пролитой крови.

Ориана хлопает в ладоши.

— Девочки, подойдите сюда, пожалуйста. Помогите мне.

Озадаченные, мы обступаем диван и ждем.

— Завтра вы окажетесь среди гостей из многих разных дворов. Вы находитесь под защитой Мадока, но большинство присутствующих ничего об этом не знает. Будьте осторожны, не позволяйте соблазнить вас предложениями заключить сделку

и не давайте обещаний, которые могут быть использованы против вас. А самое главное, не допускайте оскорблений, которые могут послужить поводом для злоупотребления гостеприимством. Не ведите себя безрассудно, чтобы не оказаться в чьей-либо власти.

— Безрассудно мы никогда себя не ведем, — уверенно говорит Тарин, что является вопиющей и неприкрытой ложью.

Ориана отвечает болезненной гримасой.

— Я бы удержала вас от пирушек и прочих увеселений, но Мадок особо настаивает на вашем в нем участии. Так что следуйте моему совету. Будьте осторожны, и, возможно, вы даже получите от этого удовольствие.

Этого и следовало ожидать — еще одна лекция об осторожности. Если

она не верит, что мы сможем достойно вести себя на пирушке, то о коронации и говорить нечего.

Все поднимаются, и каждая из нас, проходя мимо Орианы, удостоивается поцелуя — ее холодные губы прижимаются к нашим щекам. Мне достается последний.

— Не стремись подняться выше своего положения, — негромко напутствует она меня.

Я не сразу соображаю, что она имеет в виду, но потом до меня доходит. Вот ужас. После всего случившегося сегодня Ориана думает, что я — любовница принца Дайна.

— И мыслей таких нет, — выпаливаю я. Кардан, конечно, сказал бы, что у меня все выше моего положения.

Ориана берет меня за руку, и на ее лице написано сожаление.

— Я лишь думаю о твоём будущем, — мягко и тихо говорит она. — Приближенные к трону редко бывают по-настоящему близки к кому-то. У смертной девушки союзников еще меньше.

Я киваю, как будто принимаю к сведению ее мудрый совет. Раз уж она мне не верит, то самое легкое ладить с ней и соглашаться. Полагаю, в ее версии смысла больше, чем в правде — что Дайн выбрал меня в команду его шпионов и воров.

Заметив что-то в выражении моего лица, Ориана хватается за обе руки. Прикосновение к ране отдается болью, и я морщусь.

— До того, как стать женой Мадока, я была супругой Короля Элдредра. Послушай, Джуд. Быть супругой Короля дело нелегкое. Опасность всегда рядом. И ты всегда пешка.

Шокированная признанием, я таращусь на нее. Меня никогда не интересовала ее жизнь до нашего появления в семье. И вот теперь опасения Орианы за нас приобретают иной смысл: она привыкла играть по совершенно другим правилам.

Ощущение такое, будто пол качнулся под ногами. А ведь я не знаю эту женщину, которая стоит сейчас передо мной, не знаю, какие испытания выпали на ее долю до того, как она попала в этот дом, не знаю даже, как случилось, что она стала женой Мадока. Любила ли она его или вышла замуж по расчету, чтобы обеспечить себе защиту?

— Я не знала. — Звучит, конечно, глупо.

— У меня не было детей от Элдредра. Но у другой это почти получилось. После ее смерти ходили слухи, что, мол, ее отравил кто-то из принцев, чтобы избежать соперничества за престол. — Ориана внимательно наблюдает за мной своими розовыми глазами. Вероятно, речь

идет о Лириопе. — Ты вовсе не обязана верить мне. Слухов много, и все они ужасны. Когда в одном месте концентрируется огромная власть, за нее всегда идет борьба. Если двор не упивается ядом, то исходит желчью. Не думаю, что тебе подходит такое место.

— Почему вы так считаете? — Последняя реплика цепляет за живое — почти то же самое сказал Мадок, когда решил, что я не гожусь в рыцари. — Может, мне-то как раз и подходит.

Ориана снова касается пальцами моего лица, убирает назад волосы. Вроде жест нежности, но у нее он оценивающий.

— Должно быть, он очень любил вашу мать. Он без ума от вас. На его месте я бы давным-давно отослала вас назад.

Кто бы сомневался.

— Если ты, невзирая на мое предупреждение, свяжешься с принцем Даином и если он сделает тебе ребенка, своего наследника, не говори об этом никому, пока не скажешь мне. Поклянись могилой матери.

Я чувствую ее руку на моей шее, ее ногти на коже и мигаю.

— Никому. Понятно?

— Обещаю. — Ну уж эту-то клятву я выполню без труда. Нужно только добавить серьезности, чтобы она поверила. — Серьезно. Я обещаю.

Ориана убирает руку.

— Можешь идти. Отдохни хорошенько. Когда встанешь, до коронации будет уже всего ничего, а потом времени на отдых останется мало.

Делаю реверанс и выхожу.

В холле ждет Тарин. Сидит на скамеечке, украшенной резными свернувшимися змеями, и качает ногами. Когда дверь закрывается, она поднимает голову.

— Что это с ней?

Чувства смешались, и я пытаюсь отодвинуть весь этот комок.

— Ты знала, что она была когда-то женой Верховного Короля?

Брови у Тарин подскакивают.

— Нет. Это она тебе сказала?

— Да. — Я думаю о матери Локка и поющей птичке в золотом желуде, об Элдред, сидящем на троне со склоненной под тяжестью короны головой. Представить его с любовницей трудно, да и сколько их должно быть, чтобы иметь столько детей. Для фейри их количество просто неестественно. А может быть, у меня просто слабое воображение.

— Ха. — Выражение на лице у моей сестры говорит о том, что у нее с воображением тоже не все в порядке. Она недоуменно хмурится, потом вроде бы вспоминает, о чем хотела меня спросить.

— Ты знаешь, зачем сюда приходил принц Балекин?

— Он был здесь? — Большого удивления я изобразить бы не смогла.
— В доме?

Тарин кивает.

— Приехал с Мадоком, и они несколько часов провели в его кабинете.

Интересно. Значит, они прибыли уже после отъезда принца Дайна. Надеюсь, принц Балекин не услышал об исчезновении служанки. Боль пронзает руку каждый раз, когда я шевелю ею, но сейчас хорошо уже то, что она вообще шевелится. Еще одного наказания можно и не выдержать.

И тем не менее Мадок вовсе не казался сердитым, когда принесли платья. Он был таким же, как всегда, даже довольным. Может, они с Балекином разговаривали о чем-то другом.

— Странно. — Я не могу рассказать сестре о Софи, не признавшись, что служу Дайну, а раскрывать эту тайну мне запрещено. Хорошо, что до коронации рукой подать, а после нее все будет по-другому.

Поздно вечером лежу на кровати в одежде, жду Призрака, дремлю. Пропущено уже два занятия: первое — из-за вечеринки у Локка, второе — из-за Софи. Если он придет, то определенно не в лучшем настроении.

Выбрасываю все постороннее из головы и сосредотачиваюсь на отдыхе. Вдох — выдох.

Когда я только попала в Фейриленд, у меня возникли проблемы со сном. Логично предположить, что должны были быть кошмары, но последних я почти не помню. Мои сны старались конкурировать с ужасом реальной жизни. Я не могла успокоиться так, чтобы отдохнуть. Всю ночь и все утро я ворочалась и металась, слушая, как рвется из груди сердце, а когда, далеко за полдень, засыпала, остальные фейри еще только поднимались. Словно беспокойный призрак, я слонялась по пустым коридорам, листала старинные книги, переставляла на доске фигурки из «Лисы и гусей», делала тосты с сыром на кухне и тарасилась на пропитанный кровью берет Мадока, как будто в его складках крылись ответы на все вопросы вселенной. Обычно меня находил один из работавших здесь домовых, Нелл Утер. Он отводил меня в мою комнату, говорил, что если я не могу спать, то должна по крайней мере лежать с закрытыми глазами. Тогда, если уж мозг не знает покоя, отдохнет по крайней мере тело.

Так, с закрытыми глазами, я и лежу, когда с балкона доносится шорох. Поворачиваюсь, ожидая увидеть Призрака, и уже хочу подразнить его — мол, ходить бесшумно разучился, — но вдруг понимаю, что гость, пытающийся открыть дверь, вовсе не Призрак, а Валериан, и в руке у него

длинный нож, а на губах злобная ухмылка.

— Что... — Я кое-как сажусь. — Что ты здесь делаешь? — ловлю себя на том, что говорю шепотом, словно боюсь, как бы его не обнаружили здесь. — Почему ты здесь?

«Ты — мое творение, Джуд Дуарте. Ты будешь наносить удары, только когда я прикажу. Во всех остальных случаях воздерживайся от любых действий».

По крайней мере принц Дайн не пользовался чарами, чтобы заставить меня подчиниться тем приказам.

— А почему бы мне не быть здесь? — спрашивает Валериан, подходя ближе. От него пахнет подъяльником и жжеными волосами, а на щеке видна полоска золотистой пыли. Не знаю, где он был и откуда пришел, но у меня такое впечатление, что он нетрезв.

— Это мой дом. — Я приготовилась к тренировке с Призраком, поэтому у меня при себе два ножа: один в сапоге, другой на поясе, но, помня приказание Дайна и не желая расстраивать его еще больше, я не достаю ни один, ни другой. Присутствие Валериана здесь, в моей комнате, ставит меня в неловкое положение.

Он подходит к кровати. Нож держит более или менее правильно, но видно, что опыт практического владения у него невелик. Валериан не генеральский сын.

— Это не твой дом, — возражает он дрожащим от злости голосом.

— Если ты действуешь по указке Кардана, то тебе стоит подумать как следует о ваших отношениях. — Теперь мне уже страшно, но голос благодаря какому-то чуду звучит ровно и спокойно. — В холле стражи, и, если я закричу, они поднимутся сюда. У них большие и острые мечи. Огромные. Кардан подставляет тебя.

«Выказывай силу через бессилие».

Мои слова, похоже, не доходят до него. Глаза безумные, покрасневшие, внимание рассеяно.

— Знаешь, что он сказал, когда узнал, что ты меня ударила? Сказал, что я заслужил большего.

Невозможно. Валериан, должно быть, ослышался, неправильно его понял. Кардан, наверно, просто смеялся над ним.

— А чего ты ожидал? — спрашиваю я, старательно пряча удивление. — Не знаю, заметил ты или нет, но твой приятель — настоящий псих.

Если раньше Валериан не был уверен, что хочет атаковать, то сейчас с сомнениями покончено. Он прыгает и с силой вонзает нож в матрас, а я скатываюсь на пол с другой стороны кровати и тут же вскакиваю.

Валериан вырывает нож из матраса, и в воздух взлетают и медленно, словно хлопья снега, опускаются гусиные перышки. Он тоже поднимается, и я достаю свой нож.

«Не раскрывай свое владение кинжалом. Не раскрывай свою власть над чарами. Не демонстрируй всеу что ты умеешь».

О чем Дайн не знал, так это о моем умении выводить людей из себя.

Валериан снова наступает. Он пьян и вне себя от бешенства да и обучен плохо, но у него врожденные кошачьи рефлексy и высокий рост, что дает ему определенное преимущество. Сердце стучит все сильнее. Я понимаю, что надо позвать на помощь. Закричать.

Открываю рот, и Валериан бросается на меня. Крик вылетает шумным выдохом. Я теряю равновесие, грохаюсь плечом на пол и откатываюсь в сторону.

Отточенный до автоматизма рефлекс срабатывает, несмотря даже на то, что он застиг меня врасплох. Я выбрасываю ногу, бью в руку, и нож отлетает в сторону.

— Хорошо, — говорю я, как будто уговариваю нас обоих успокоиться. — Хорошо.

Мой противник не позволяет себе даже малейшей паузы. Валериана не останавливает ни то, что я отразила уже две атаки и обезоружила его, ни то, что раньше ранила ножом в бок. Теперь его цель — схватить меня за горло. Ногти впиваются в кожу, и я вспоминаю, как он заталкивал мне в рот эльфийский фрукт, как мякоть расплзлась по зубам, как я захлебывалась сладким нектаром и, опьяненная, не понимала, что умираю. Валериан хотел наблюдать. Видеть, как я пытаюсь бороться, как хватаю ртом воздух. Я заглядываю в его глаза — там то же, что и тогда, выражение.

«Ты — пустое место. Тебя все равно что нет. Твоя единственная цель — наплодить как можно больше себе подобных и умереть бессмысленной и мучительной смертью».

В отношении меня он ошибается. Я сделаю все, чтобы моя жизнь, пусть и короткая в его понимании, как жизнь бабочки-однодневки, прошла не впустую.

Я не буду бояться их неодобрения, его или принца Дайна. Если нельзя стать лучше их, стану намного хуже.

Его пальцы уже сжимают мое горло, и в глазах, на границе поля зрения, начинает темнеть, но я спокойна и бью, лишь убедившись, что попаду, куда нужно. Вгоняю нож в грудь. В самое сердце.

Валериан скатывается с меня на пол. В горле у него клокочет, и я успеваю схватить несколько глотков воздуха. Он пытается подняться,

покачивается и падает на колени. Смотрю на него затуманенными глазами и вижу торчащую из груди рукоятку. Красный бархат камзола темнеет, пропитываясь кровью.

Он тянется к ножу, словно хочет вытащить его.

— Не надо, — машинально предупреждаю я, потому что всякое движение только усугубляет положение.

Шарю рукой вокруг себя, ищу что-нибудь, чтобы остановить кровотечение, и натыкаюсь на брошенную нижнюю юбку. Валериан клонится набок, пытается отодвинуться от меня и, хотя глаза у него почти закрываются, усмехается.

— Позволь мне... — начинаю я.

— Проклинаю тебя, — шепчет он. — Проклинаю тебя. Трижды тебя проклинаю. Раз уж ты убила меня, пусть твои руки всегда будут запятнаны кровью. Пусть смерть будет единственным твоим спутником. Пусть... — Его обрывает приступ кашля, а когда обрывается и кашель, он уже не шевелится. Глаза застывают под полуопущенными веками, но свет в них гаснет.

Моя раненая рука взлетает ко рту в ужасе от проклятия, словно чтобы остановить крик. Но я не кричу. Не кричала, когда он пришел, и не собираюсь кричать теперь, когда причин звать на помощь уже нет.

Минуты летят одна за другой. Я сижу возле Валериана, смотрю, как бледнеет лицо, к которому уже не приливает кровь. Как синеют губы. Он умер так же, как умирают смертные, хотя его самого это бы оскорбило. Возможно, если бы не я, он прожил бы тысячу лет.

Разболелась рука. Должно быть, потревожила ее в пылу схватки. Оглядываюсь и ловлю в зеркале, на другой стороне комнаты, свое отражение: девушка с взерошенными волосами и лихорадочно блестящими глазами и растекающаяся у ее ног лужа крови.

Призрак вот-вот придет. Уж он-то наверняка знает, что делать с мертвецом. Наверняка и сам убивал. Но принц Дайн уже злится на меня за то, что я ранила сына почтенного члена его Двора. Убийство того же юнца перед самой коронацией приятной новостью не станет. И меньше всего мне нужно, чтобы об этом проведала команда Двора теней.

Нет, спрятать тело должна я сама.

В надежде на озарение пробегаю взглядом по комнате, но единственное место, где можно на какое-то время спрятать труп, это под кроватью.

Расстилаю рядом с убитым свою сорочку и перекаत्याю тело на нее. Меня немного подташнивает. Валериан еще не остыл. Тем не менее тащу

его к кровати и запихиваю под нее вместе с сорочкой — сначала руками, а потом и ногами.

На полу остается только пятно крови. Беру кувшин с водой, поливаю на деревянные половицы и брызгаю себе на лицо. Когда заканчиваю, дрожит уже и здоровая рука. От слабости опускаюсь на пол.

Мне нехорошо.

Мне плохо.

Очень плохо.

Но когда на балконе появляется Призрак, то ничего подозрительного он не замечает, и это самое главное.

ГЛАВА 19

В ту ночь Призрак показывает, как взбираться по стене даже выше того выступа, где мы с Тарин прятались в последний раз. Поднимаемся до стропил над холлом и усаживаемся на прочных деревянных балках. Под нами вовсю идет подготовка к коронации. Раскатывают синий бархат, выкладывают кованое серебро, разворачивают расшитые золотом скатерти со штандартом дома Зеленого вереска — цветущее дерево, колючки и корни.

— Как думаешь, то, что Королем станет принц Дайн, это к лучшему или к худшему? — спрашиваю я.

Призрак неопределенно улыбается и с печальным вздохом качает головой.

— Все будет как есть. Только еще более.

Что он хочет этим сказать, я не понимаю, но ответ вполне характерный для фейри, и я понимаю, что больше из него ничего не вытащишь. Думаю о лежащем у меня под кроватью теле Валериана. Мертвецы здесь портятся не так, как у людей. Бывает, тело зарастает мхом и лишайниками или покрывается грибами. Рассказывают даже о полях сражений, превратившихся в зеленые холмы. Хорошо было бы вернуться и обнаружить, что он превратился в перегной, но все же сомнительно, что это происходит так быстро. Думать надо не о трупе; думать надо о нем. И беспокоиться надо не только о том, что схватят, а о много большем.

Незамеченные, идем по балкам, бесшумно перепрыгивая с одной на другую высоко над суетящимися внизу слугами. Поворачиваюсь к Призраку, смотрю на его спокойное лицо, наблюдаю, с какой уверенностью он ставит ногу при каждом шаге, и стараюсь делать то же самое. Раненую руку берегу и использую только для удержания равновесия. Он, похоже, замечает, но ни о чем не спрашивает. Может, уже знает, что случилось.

— Подождем, — говорит Призрак, когда мы устраиваемся на очередной балке.

— Чего-то особенного?

— Мне донесли, что из дома Балекина прибывает посыльный, переодетый для маскировки в королевскую ливрею. Нам нужно убить его до того, как он войдет в королевские покои.

Эту новость Призрак сообщает совершенно равнодушно, не проявляя никаких видимых эмоций. Интересно, давно ли он работает на Дайна и

приходилось ли ему, исполняя просьбу принца, пронзать кинжалом ладонь. Все ли тайные слуги принца проходят такое испытание, или оно предназначено исключительно для смертных?

— Этот посыльный должен убить принца Дайна? — спрашиваю я.

— Давай не будем выяснять.

Внизу, подо мной, насаживают на вертела причудливые засахаренные создания. Раскрашенные золотом яблоки лежат на банкетных столах в таких количествах, что с их помощью можно отправить в сладкий сон едва ли не половину Двора.

Вспоминаю испачканный золотом рот Кардана.

— А ты точно знаешь, что он будет идти этим путем?

— Да, — коротко отвечает он.

Ждем. Минуты складываются в часы, и я стараюсь не нервничать и по возможности двигаться, разминать мышцы. Это тоже часть моего обучения, тот аспект, который Призрак считает самым важным, за исключением разве что бесшумного передвижения. Не раз и не два я слышала от него, что умение ждать — главная составляющая вора и шпиона. Самое трудное, по его мнению, сохранять концентрацию и не отвлекаться на размышления о постороннем. Наверно, он прав. Здесь, наверху, наблюдая за текущими потоками слуг, я ловлю себя на том, что начинаю думать о коронации, об утонувшей девушке, о Кардане и Никасии, подъехавших к дому, когда мы с Софи убегали из Холлоу-Холла, о застывшей на губах Валериана предсмертной улыбке.

Поворачиваю мысли к настоящему. Вижу внизу странное существо с длинным безволосым хвостом, волочащимся за ним по земле.

Кто-то из кухонных рабочих? Пожалуй, нет — уж слишком грязная у него сумка, да и с ливреей, похоже, что-то не так. Слуги Балекина носят свои ливреи по-другому, а на здешнюю форму она и вовсе не похожа.

Поворачиваюсь к Призраку.

— Хорошо, — говорит он. — А теперь стреляй.

Достаю миниатюрный арбалет, и ладони моментально потеют. Я выросла на скотобойне. Я училась этому. Мое главное детское воспоминание — пролитая кровь. Сегодня на моем счету уже есть одно убийство. И тем не менее в какой-то момент появляется сомнение, начинаю думать, что не смогу.

«Ты — не убийца».

Делаю вдох, и стрела вылетает. Раненая рука вздрагивает от отдачи. Существо с хвостом падает, цепляя пирамиду золотых яблок, и те раскатываются по грязному полу.

Как учили, прижимаюсь к перекрестью балок и сливаюсь с ними. Внизу кричат, слуги оглядываются, высматривая стрелка.

Рядом со мной краем рта улыбается Призрак.

— Первый? — спрашивает он и, видя, что я смотрю на него непонимающе, поясняет: — Убивала раньше?

«Пусть смерть будет единственным твоим спутником».

Чувствуя, что в такой ситуации могу и не соврать убедительно, качаю головой.

— У смертных бывает по-разному: кого-то рвет, кто-то плачет. — Он определенно доволен, что со мной ничего такого не случилось. — Стыдиться тут нечему.

— Со мной все в порядке, — снова делаю глубокий вдох и прилаживаю вторую стрелу. Чувствую в себе нервную, адреналиновую готовность. Я как будто переступила какую-то черту. Раньше не знала, как далеко смогу зайти. Теперь ответ, похоже, есть. Я пойду до конца, пока будет, куда идти. Даже слишком далеко.

Призрак вскидывает брови.

— Ты молодец. Стреляешь метко, выдержка есть, кровь хорошо переносишь.

Удивительно. Обычно Призрак к комплиментам не склонен.

Я поклялась, что стану хуже своих противников. Два убийства за одну ночь — неплохо для начала. Таким падением можно гордиться. Мадок и представить не мог, как сильно ошибается в отношении меня.

— Большинству детей джентри недостает терпения, — продолжает Призрак. — И они не привыкли пачкать руки.

Я не знаю, что ответить, — в памяти еще свежо проклятие Валериана. Может быть, когда родителей убили на моих глазах, внутри у меня что-то надломилось. Может быть, моя сломанная жизнь превратила меня в кого-то, кто способен делать грязные дела. Или, может быть, все дело в том, что я выросла в доме Мадока, у которого кровопролитие — семейный бизнес. Почему я такая? Из-за того, что он сделал с моими родителями, или из-за того, что он мой родитель?

«Пусть твои руки всегда будут запятнаны кровью».

Призрак тянется к моей руке и, прежде чем я успеваю убрать ее, сжимает запястье и указывает на бледные полумесяцы у основания ногтей.

— Кстати... Я вижу, что ты делала с собой по вот этому обесцвечиванию на пальцах. И я чувствую в запахе твоего пота. Ты принимала яд. Травила себя.

Я сглатываю, а потом, поскольку отпираться нет смысла, киваю.

— Зачем?

Что мне нравится в Призраке, так это то, что он спрашивает не для того, чтобы прочитать лекцию, а потому, что ему действительно интересно.

Как же объяснить?

— Я — смертная, и мне приходится труднее, а значит, и стараться надо больше.

Он смотрит на меня изучающе.

— Кто-то действительно забил тебе голову всякой чушью. Многие смертные превосходят фейри во многих отношениях. А иначе почему, по-твоему, мы их похищаем?

Не сразу, но я все же понимаю, что он говорит серьезно.

— Так я могу быть...

— Лучше меня? — Призрак фыркает. — Не искушай судьбу.

— Ты не так меня понял! — протестую я, но он только усмехается. Смотрю вниз. Тело лежит на прежнем месте. Возле него толпятся несколько рыцарей. Как только мертвеца унесут, мы тоже уйдем. — Мне нужно только одно — уметь побеждать врагов. Вот и все.

Он смотрит на меня удивленно.

— А разве у тебя много врагов? — Для него я одна из тех девочек с нежными ручками и в бархатной юбочке. Девочка, у которой все по мелочам.

— Не много. — Я вспоминаю тот презрительный взгляд, который бросил в меня Кардан в зеленом лабиринте. — Но они высокого качества.

Рыцари наконец уносят тело убитого. Нас никто больше не ищет, и Призрак снова ведет меня по балкам. Проскальзываем по коридорам и подбираемся к сумке посыльного — нам нужны те бумаги, что в ней.

Мы уже близко, когда я делаю открытие, от которого в жилах стынет кровь. Оказывается, посыльный изменил внешность. Он — женщина. Хвост — фальшивый, а вот длинный, приплюснутый нос — совершенно настоящий. Посыльный — один из шпионов Мадока.

Призрак сует бумагу в карман куртки и не разворачивает ее, пока мы не добиремся до леса, где единственный источник освещения — луна. Однако, едва развернув записку, он как будто каменеет и сжимает ее в кулаке.

— Что там? — спрашиваю я.

Он протягивает листок мне. Слов всего лишь четыре: убей предьявителя этого послания.

— Что это значит? — спрашиваю я. Мне почему-то уже не по себе.

Призрак качает головой.

— Это значит, что Балекин нас подставил. Шевелись. Надо смываться.

Он тянет меня за собой в тень, и мы, крадучись, уходим. Я не говорю Призраку, что посыльная, похоже, работала на Мадока, и пытаюсь сама сложить пазл. Вот только деталей слишком мало.

Какое отношение к коронации имеет убийство Лириопы?

Какое отношение ко всему этому имеет Мадок? Могла ли его шпионка быть двойным агентом и работать не только на него, но и на Балекина? И если да, значит ли это, что она краля информацию из моего дома?

— Кто-то пытается отвлечь нас, — говорит Призрак. — Чтобы успеть приготовить западню. Будь завтра начеку.

Никаких особенных распоряжений он не дает и не приказывает прекратить прием ядов. Ничего нового, все по-прежнему, и он только ведет меня домой, чтобы я успела хоть чуточку вздремнуть после рассвета. Мы уже расстаемся, когда мной овладевает сильнейшее желание остановиться и отдаться на его милость. Сказать, что я совершила нечто ужасное, и попросить помочь с телом.

Но нам всем хочется глупостей, и это еще не значит, что мы должны их совершать.

* * *

Хороню Валериана возле конюшен, но за выгоном, чтобы даже самые плотоядные из острозубых лошадок Мадока не добрались до трупа.

Похоронить тело не так-то просто. Особенно трудно это сделать так, чтобы никто из слуг ничего не заметил. Для начала я выкатываю Валериана на балкон и сталкиваю на кусты под ним. Потом, имея в своем распоряжении только одну руку, тащу подальше от дома.

К тому времени когда я добираюсь до выбранного травянистого участка, пот льет с меня ручьем и сил не осталось совсем. Разбуженные птицы громко перекликаются под светлеющим небом.

Хочется лечь и лежать.

Но надо еще копать.

* * *

На следующий день, после полудня, меня, полусонную, раскрашивают, завивают, всовывают в корсет и затягивают. Одно зеленое ухо Мадока украшают тремя золотыми сережками, а на пальцы надевают длинные золотые когти. Рядом с ним Ориана выглядит цветущей розой — на шее у нее ожерелье из необработанных изумрудов, такое массивное, что вполне может рассматриваться как доспехи.

У себя в комнате снимаю повязку. Рана выглядит хуже, чем я надеялась: влажная и липкая, а не сухая и покрытая коркой. Да еще и рука

распухла. Пользуюсь наконец советом Дайна и иду в кухню за мхом. Промываю рану и заново ее перевязываю. Я не планировала надевать на коронацию перчатки, но ничего другого не остается. Порывшись в ящиках, нахожу синюю пару. Представляю, как сегодня вечером Локк будет держать меня за руки, кружить у холма. Надеюсь, мне удастся сдержаться и не скривить гримасу, если он сожмет мою ладонь. И я никогда не подам виду, что знаю, куда подевался Валериан. Как бы сильно я ни нравилась Локку, ему вряд ли доставит удовольствие целоваться с той, которая отправила его друга в мир иной.

В зале все носятся туда-сюда в поисках каких-то мелочей, отсутствие которых обнаружилось в последний момент. Вивьен перебирает содержимое моего ящичка с украшениями, но так и не находит ничего, что подошло бы к ее платью.

— Ты и вправду едешь с нами, — говорю я. — Мадок будет потрясен.

На шее у меня чокер, скрывающий синяки от пальцев Валериана. Вивьен опускается на колени и роется в куче сережек. В какой-то момент я с ужасом представляю, как она заглядывает под кровать и видит оставшееся пятно крови, которое я забыла стереть. Мне так беспокоит, что даже не реагирую на ее улыбку.

— Люблю ставить всех на уши. А еще хочу посплетничать с принцессой Рией и посмотреть этот спектакль с участием стольких правителей из самых дальних уголков Фейриленде. Но больше всего мне хочется познакомиться с загадочным кавалером Тарин и узнать, что думает о его предложении Мадок. У тебя есть хоть какое-то предположение на этот счет? — Закрутившись в суе последних дней, я почти совсем забыла о нем.

— Ни малейшего. А у тебя? — Она находит то, что ищет, — переливчатый серый лабрадорит, подаренный мне на шестнадцатилетие Тарин. Изготовлен каким-то гоблином-медником и обменян на три поцелуя. В свободную минутку я снова и снова спрашиваю себя, кто бы мог попросить ее руки. Вспоминаю, как Кардан, отведя Тарин в сторонку, довел ее до слез. Думаю о гадкой ухмылке Валериана. Как она толкнула меня, когда я сказала что-то насчет Балекина. Хотя в отношении последнего я почти уверена, что это не он. От всех этих мыслей голова идет кругом, хочется растянуться на кровати и закрыть глаза. Только бы никто из них. Пусть это будет какой-то симпатичный незнакомец.

Вспоминаю ее обращенные ко мне слова: «Думаю, он бы тебе понравился».

Поворачиваюсь к Виви и уже собираюсь взяться за составление списка

возможных претендентов, когда в комнату входит Мадок. В руке у него изящный клинок в серебряных ножнах.

— Вивьен, — говорит он и слегка наклоняет голову, — ты не оставишь нас с Джуд на минутку?

— Конечно, папа. — Она делает едва заметное ударение на втором слове и выходит с моими сережками.

Мадок неловко откашливается и протягивает мне клинок в серебряных ножнах. Гарда и головка эфеса просты и элегантны. На лезвии, вдоль желобка, едва заметный узор виноградной лозы.

— Хотел бы, чтобы ты надела это сегодня. Это подарок.

По-моему, я даже тихонько ахнула. Очень, очень, очень симпатичный меч.

— Ты так прилежно занималась, что теперь я не сомневаюсь: он должен быть твоим. Мастер назвал его Закатом, но, конечно, ты можешь дать любое другое имя или не давать никакого. Говорят, он приносит владельцу удачу, но ведь такое говорят о каждом мече? Этот — что-то вроде семейной ценности.

На память приходят слова Орианы: «Должно быть, он очень любил вашу мать. Он без ума от вас».

— А как же Оук? — спрашиваю я. — Что, если он пожелает этот клинок?

Мадок позволяет себе сдержанную улыбку.

— Ты его хочешь?

— Да. — Ничего другого я сказать не могу. Вынимаю меч из ножен и чувствую, что он как будто сделан специально для меня. Балансировка идеальная. — Да. Конечно, хочу.

— Это хорошо, потому что меч твой по праву и выкован для меня твоим отцом, Джастином Дуарте. Он же и дал ему имя.

У меня перехватывает дух. Никогда раньше я не слышала, чтобы Мадок произносил вслух имя моего отца. Мы никогда не говорим о том, что Мадок убил моих родителей. Мы обходим эту тему. И уж конечно, мы не говорим о том времени, когда они были живы.

— Его выковал мой отец, — осторожно, чтобы ничего не упустить, повторяю я. — Значит, он был здесь, в Фейриленде?

— Да. И провел здесь несколько лет. У меня мало что от него осталось. Я нашел лишь две вещи: одну — для тебя, а другую — для Тарин. — Он хмурится. — Здесь твоя мать и познакомилась с ним. А потом они вместе сбежали в мир смертных.

Судорожно перевожу дух, набираясь смелости задать вопрос, который

никогда не произносила вслух.

— Какие они были? — Я даже сама вздрагиваю, услышав эти слова. И не знаю, хочу ли услышать его ответ. Иногда я просто хочу свою мать ненавидеть. Если бы я смогла ее ненавидеть, было бы легче любить его.

Но, конечно, она была и остается моей мамой. Злиться на нее я могу только лишь за то, что ее нет, а в этом уж точно виновата не она.

Мадок садится на стул перед моим туалетным столиком и вытягивает раненую ногу. Со стороны это выглядит так, словно он собрался рассказать сказку на ночь.

— Она была умная, твоя мать. И совсем еще юная. После того как я доставил ее в Фейриленд, она пила и танцевала несколько недель подряд. Была в центре каждой пирушки. Я не мог сопровождать ее повсюду. В то время шла война на Востоке. Король Неблагого двора владел огромной территорией и вовсе не желал преклонять колено перед Верховным королем. Но, бывая здесь, я упивался ее счастьем. У нее был особый дар: все, кто оказывался рядом, как будто чувствовали, что все невозможное возможно. Наверно, я объяснял это тем, что она смертная, но, думаю, был несправедлив.

Дело в чем-то другом. Может быть, в ее бесстрашии и дерзости. Она ничего не боялась, даже магии.

Я думала, что Мадок, может быть, сердится, но нет. Мало того, в его голосе слышится неожиданная неясность. Я сажусь на скамейку перед кроватью и опираюсь на мой новый меч в серебряных ножнах.

— Твой отец был интересный человек. Ты, наверно, думаешь, что я не знал его, но он часто бывал в моем доме, старом доме, том, который они сожгли. Мы пили медовое вино в саду. Втроем. Он говорил, что с детства любит мечи.

Когда ему было примерно столько, сколько тебе сейчас, он убедил родителей позволить ему построить первую кузницу на заднем дворе. В колледж он не пошел, а отыскал кузнечных дел мастера и поступил к нему учеником. Потом устроил так, чтобы его познакомили со смотрительницей музея. Она позволяла ему оставаться в музее после работы и осматривать старинное оружие.

Но потом узнал, что есть клинки, выковать которые способны только фейри, и стал искать нас.

Сюда он пришел уже хорошим мастером, а ушел отсюда одним из лучших. Плохо то, что он повсюду хвастал, что, мол, украл не только наши секреты, но и жену. В конце концов это дошло до Балекина, а уж он рассказал мне.

Если мой отец и вправду вел беседы с Мадокком, он должен был держать рот на замке, а не трепаться о том, кого и что украл у фейри. Но я сама стояла на улицах города смертных и чувствовала, как далеко он от Эльфхейма. Шли годы, и проведенное в Фейриленде время казалось далеким сном.

— Во мне мало хорошего, — говорит Мадок. — Но перед тобой я в долгу, и я поклялся обойтись с тобой наилучшим образом, если только буду знать как.

Я поднимаюсь, иду через комнату и кладу ладонь на его бледно-зеленое лицо. Он закрывает свои кошачьи глаза. Простить его я не могу, но и ненавидеть тоже. Какое-то время мы остаемся в таком положении, потом он поднимает голову, берет мою здоровую руку и целует тыльную сторону ладони, прижавшись губами к ткани перчатки.

— Уже завтра все будет по-другому, — говорит он. — Буду ждать тебя в карете.

Мадок уходит. Я сжимаю голову пальцами. Мысли разбегаются. Потом я поднимаюсь и пристегиваю меч. Клинок в моих руках холоден и крепок, как обещание.

ГЛАВА 20

Весь в зеленом, как сверчок, Оук приплясывает перед каретой. Увидев меня, подбегает, просится на руки, тут же уносится к лошадям, чтобы погладить. Обычный ребенок-фейри со своими капризами и причудами.

Тарин прекрасна в затканном вышивкой наряде, Виви ослепительна в фиалково-сером платье с мотыльками, словно перелетающими с плеча через грудь, чтобы усестись стайкой на талии с другого боку. Про себя отмечаю, что почти не видела ее в действительно шикарных одеждах. Волосы у Виви собраны вверх, и в ушах с легким пушком сверкают мои сережки. Кошачьи глаза горят в сумерках, как у Мадока. Сейчас это вызывает у меня только улыбку. Беру Тарин за руку здоровой ладонью, и она ее крепко пожимает. Мы улыбаемся друг другу как заговорщицы.

В карете находим корзинку с едой. Кто-то заранее предусмотрительно позаботился о закуске, потому что весь день никто из нас толком не ел. Снимаю перчатку и съедаю две маленькие булочки — они такие легкие и воздушные, что буквально тают во рту. Внутри у каждой молотые орехи с изюмом и медом; начинка до того сладкая, что слезы выступают на глазах. Мадок протягивает мне ломоть бледно-желтого сыра и пласт сочащейся кровью запеченной оленины с хрустящей корочкой, посыпанной ягодами можжевельника и горошинами перца. Мы быстро перекусываем.

Замечаю красный берет, который выглядывает из нагрудного кармана. Думаю, он заменяет знаки отличия, потому что Мадок надевает его только по торжественным случаям.

Мы почти не разговариваем. Не знаю, о чем думают остальные, но мне вдруг приходит в голову, что нас ожидают танцы. Танцую я ужасно, потому что не занималась этим, если не считать нескольких позорных уроков в школе на пару с Тарин.

Размышляю о Призраке, Таракане и Бомбе, старающихся оградить Дайна от коварства Балекина. Хотелось бы мне знать, что сделать, как им помочь.

Убей предъявителя этого послания.

Перевожу взгляд на Мадока — он пьет пряное вино. Кажется совершенно спокойным, словно его не заботит пропажа одного из соглядатаев или это происшествие ему безразлично.

Сердце стучит быстрее. Напоминаю себе, что не надо вытирать руки о платье и пачкать его остатками еды. Ориана достает носовые платки,

пропитанные розовой и мятной водой, чтобы мы вытерли лицо и пальцы. Начинаем ловить Оука, который пытается увернуться от платка. В карете бежать вроде некуда, но ему удастся уклоняться от экзекуции дольше, чем я предполагала, и в результате он успевает наступить на ноги каждому из нас.

Я так отвлеклась, что не успеваю по привычке вздрогнуть, когда мы проезжаем сквозь каменную стену прямо во дворец. Карета, покачнувшись, останавливается, и только тогда я осознаю, что мы прибыли. Лакей распахивает дверцу, и я вижу множество придворных; воздух наполнен музыкой, голосами, весельем. И свечи, лес свечей — воск оплывает, и они становятся похожими на изъеденные термитами древесные стволы. Свечи закреплены на ветвях деревьев, и языки пламени пляшут от дуновения ветерка, поднимаемого бесчисленным множеством платьев и нарядов. Подсвечники, как часовые, шеренгами расположены вдоль стен; стайки свечей лепятся на уступах и макушках камней, и все пространство залито светом.

— Готова? — шепчет Тарин.

— Да, — отвечаю я с замиранием сердца.

Мы выбираемся из кареты. У Орианы в руках тонкий серебряный поводок, который она пристегивает к запястью Оука. Такая находчивость поражает меня, хотя мальчишка хнычет и в знак протеста усаживается прямо на земляной пол, как кот.

Вивьен осматривает зал. В глазах у нее что-то хищное, ноздри трепещут.

— Мы должны в последний раз представиться Верховному Королю? — спрашивает она Мадока.

Он отрицательно качает головой.

— Нет. Нас позовут, когда настанет время принести присягу. До тех пор я должен оставаться возле принца Дайна. Можете развлекаться, пока не зазвонят колокола и Вал Морен не начнет церемонию. Тогда приходите в тронный зал понаблюдать за коронацией. Я подведу вас поближе к возвышению, там мои рыцари смогут за вами присмотреть.

Поворачиваюсь к Ориане и ожидаю очередных наставлений насчет того, как не попасть в неприятности, или даже новых — о необходимости держать ноги закрытыми в присутствии членов королевской семьи. Но она слишком занята тем, что уговаривает Оука встать и освободить проход.

— Пойдем посмотримся, — говорит Виви, увлекая Тарин и меня за собою. Направляемся к толпе и уже через мгновение растворяемся в ней.

Дворец Эльфхейма забит гостями. Несознательные дикие эльфы,

приближенные и монархи перемешались между собой. Селки из Двора королевы Орлаг разговаривают между собой на своем языке, кожа свисает с их плеч, как накидка. Замечаю лорда Двора термитов, Ройбена, про которого говорят, что в борьбе за трон он убил свою возлюбленную. Лорд стоит возле одного из длинных столов, собранных на козлах, и даже в переполненном зале вокруг него образуется свободное пространство, словно никто не смеет приблизиться. Волосы у Ройбена цвета соли, одет во все черное, на боку хищно изгибается меч. Как-то совсем не к месту рядом с ним стоит зеленокожая девушка-пикси, на ней нечто напоминающее жемчужно-серое скользкое платье и тяжелые сапоги на шнуровке — явно из мира смертных. По сторонам от нее замерли двое рыцарей в ливреях цветов своего господина. Один из них оказывается женщиной-воином с алыми волосами, заплетенными в косы, и короной на голове. Это Дулкамара, читавшая нам лекцию про корону.

Здесь и другие представители высшей знати, в том числе и те, про которых я узнала из баллад. Рута Серебряная, отрезавшая свой остров Новый Авалон от побережья Калифорнии, беседует с сыном изгнанного Алдеркинга Северином. Последний может попытаться заключить союз с новым Верховным Королем или присоединиться ко двору лорда Ройбена. С Северином рыжеволосый смертный паренек моих лет, и я задерживаю на нем взгляд. Слуга? Или его околдовали? Трудно сказать; он просто смотрит по сторонам, но, когда замечает мой взгляд, ухмыляется.

Быстро отворачиваюсь.

Смотрю опять на селки — они сдвинулись, и я замечаю кого-то рядом с ними. Серая кожа, синие губы, свисающие волосы и ввалившиеся глаза. Несмотря ни на что, узнаю ее. Софи. Я слыхала истории про мерфолков, живущих в Подводном королевстве и стерегущих утонувших моряков, но раньше в них не верила. Когда Софи шевелит губами, вижу ее острые зубы. По спине пробегает дрожь.

Бреду дальше вслед за Виви и Тарин. Когда оглядываюсь, Софи уже нет, и я гадаю, не привиделась ли она мне.

Мы проскальзываем мимо шегфола и баргеста. Все смеются слишком громко, танцуют слишком неистово. Когда прохожу мимо одного из гуляк в маске гоблина, он приподнимает ее и подмигивает мне. Это Таракан.

— Слыхал про минувшую ночь. Хорошая работа, — говорит он. — Теперь следи, не заметишь ли чего подозрительного. Если Балекин замыслил что-то против Дайна, он сделает это до начала церемонии.

— Буду следить, — отвечаю я, на мгновение отстав от сестер. В такой толпе легко ненадолго потеряться.

— Хорошо. А я решил своими глазами посмотреть, как коронуют принца Дайна. — Он лезет внутрь куртки цвета увядших листьев и достает серебряную фляжку, откупоривает ее и делает глоток. — Да еще подивиться, как джентри прыгают, скачут да самих себя дурачат.

Таракан протягивает мне фляжку своей серо-зеленой когтистой рукой. Даже на расстоянии чувствую едкий, крепкий и слегка отдающий болотом запах пойла.

— Я в порядке, — качаю головой, отказываясь.

— Уверен, что так, — говорит он и хохочет, потом опускает маску на место.

Пока Таракан удаляется к толпе, стою и с улыбкой смотрю ему вслед. Стоило увидеть его, и я уже чувствую себя своей в этом месте. Он, Призрак и Бомба не совсем мои друзья, но, кажется, я им по-настоящему нравлюсь, а раз так, то и нечего вдаваться в тонкости. С ними у меня есть и точка опоры, и цель.

— Ты где была? — хватает меня за руку Вивьен. — Тебе, как Оуку, нужен поводок. Идем танцевать.

Вместе с сестрами окунаюсь в водоворот веселья. Повсюду звучит музыка, и ноги сами пускаются в пляс. Говорят, музыке эльфов противиться невозможно, но это не совсем правда. Что действительно невозможно, так это остановиться, если начал танцевать, пока музыка не прекратится. А она играет всю ночь, один танец перетекает в следующий, одна песня перерастает в другую — без перерыва, и тебе некогда перевести дух. Опьяняющая музыка подхватывает и уносит, словно волна. Конечно, Виви здесь не чужая и может остановиться, когда захочет. Может и нас вытащить, поэтому танцевать вместе с ней почти безопасно. Хотя не стану утверждать, что Виви всегда помнит о безопасности.

Честно говоря, не мне судить ее за это.

Мы беремся за руки и становимся в круг прыгающих и хохочущих гостей. Кровь в жилах словно отзывается на звуки песни, начинает струиться в том же лихорадочном ритме, что и сладостные звуки. Круг распадается, и вот уже я, сама не заметив как, держу за руки Локка. Легкомысленно насвистывая, он кружит меня в танце.

— Ты очень красивая. Как зимняя ночь.

Локк улыбается и смотрит на меня лисьими глазами. Из рыжих кудрей торчат заостренные уши. С одной мочки свисает золотая сережка, и в ней, как в зеркале, отражается пламя свечей. Он действительно красив, но какой-то застывшей нечеловеческой красотой.

— Рада, что тебе понравилось мое платье, — ухитрюсь выдать я.

— Скажи, ты могла бы меня полюбить? — как бы невзначай спрашивает он.

— Конечно. — Смеюсь, не совсем уверенная, такого ли ответа он ждал. Но вопрос так странно сформулирован, что я едва нашлась, что сказать, не обидев его. Полюбила убийцу своих родителей; значит, могу полюбить кого угодно. Я хотела бы полюбить его.

— Интересно, на что ты готова ради меня? — продолжает Локк.

— Не понимаю, о чем ты. — Это загадочное существо с настойчивым взглядом не тот Локк, который стоял на крыше своей усадьбы и так ласково разговаривал со мной, не тот, кто, хохоча, гонялся за мной по ее залам. Не до конца уверена, кто этот Локк, но он полностью выбил меня из равновесия.

— Ты можешь ради меня отречься от обещания? — Он улыбается, словно дразнит.

— Какого обещания? — Локк вертит меня вокруг себя, мои кожаные туфли выделывают пируэты на земляном полу. Издалека слышится звук трубы.

— Любого, — беззаботно бросает он, хотя речь идет о серьезных вещах.

— Полагаю, это зависит от обстоятельств, — говорю я, потому что честный ответ, простое «нет», никому не захочется услышать.

— Достаточно ли сильно ты любишь, чтобы отказаться от меня? — Уверена, вид у меня ошеломленный. Он наклоняется ближе. — Разве это не испытание любви?

— Я... Я не знаю. — Все это, должно быть, прелюдия к какому-то заявлению с его стороны — либо о чувствах ко мне, либо об их отсутствии.

— Достаточно ли сильно ты любишь, чтобы плакать из-за меня? — Эти слова Локк произносит, почти касаясь губами моей шеи. Чувствую его дыхание, щекочущее кожу, и вздрагиваю от возбуждения, которое смешивается с каким-то неприятным предчувствием.

— Ты хочешь сказать, если тебе сделают больно?

— Я хочу сказать, если я причиню тебе боль.

По коже бегут мурашки. Мне это не нравится.

Но я по крайней мере знаю, что ответить.

— Если ты причинишь мне боль, плакать не стану. Отвечу тем же.

Мы продолжаем кружиться, но здесь он сбивается с шага.

— Я уверен, что ты...

Он внезапно замолкает, поворачивается и смотрит себе за спину. В голове у меня пусто. Кровь хлынула к лицу. Страшно даже подумать, что он

скажет дальше.

— Пора менять партнеров, — доносится до меня голос; я перевожу взгляд и вижу перед собой худшее, что только можно представить — Кардана.

— О, — говорит он Локку, — украл твою реплику?

Голос у него недружелюбный, и, когда до меня доходит смысл его слов, они меня совсем не успокаивают.

Локк уступает меня самому младшему из принцев, как и положено из уважения к его более высокому положению. Краешком глаза замечаю, что за нами наблюдает Тарин. Она застыла посреди веселья, выглядит потерянной, а вокруг мелькают пары, кавалеры стремительно кружат дам. Интересно, не пристаивал ли к ней Кардан перед тем, как пристать ко мне?

Он берет мою раненую руку в свою ладонь в черной кожаной перчатке. Сквозь тонкий шелк чувствую теплое пожатие. Принц одет в черный костюм, верхняя часть камзола покрыта отделкой из перьев ворона, а на башмаках заостренные металлические мыски. Первая мысль — он легко может нанести мне жестокий удар, когда мы станем танцевать. На голове у Кардана корона из переплетающихся металлических веточек, слегка сдвинутая набекрень. На скулах мазки темной серебристой краски, веки над ресницами подведены черным. Краска над левым глазом размазалась, похоже, он забылся и потерял его.

— Что тебе надо? — в сердцах спрашиваю я. Еще думаю о Локке, и меня пошатывает от того, что он сказал и чего не сказал. — Ну, давай оскорбляй меня.

У него брови ползут на лоб.

— Я не исполняю приказов, отданных смертными, — заявляет он со своей обычной надменной улыбкой.

— Значит, хочешь сказать нечто приятное? Я так не думаю. Фейри не могут лгать. — Мне хочется разозлиться, но сейчас я чувствую благодарность. Лицо больше не горит, и глаза не щиплет от слез. Я готова к бою, что гораздо лучше. Уверена, Кардан меньше всего этого хотел, но невольно оказал огромную услугу, забрав у Локка.

Его рука скользит по моему бедру. Я прищуриваюсь.

— Ты меня по-настоящему ненавидишь. Не так ли? — спрашивает он, улыбаясь еще шире.

— Почти так же, как ты меня, — отвечаю я, а сама думаю про листок, исписанный моим именем. Про то, как он смотрел на меня в зеленом лабиринте, когда напился. И про то, как смотрит сейчас.

Кардан отпускает мою руку.

— Пока мы снова не подрались, — поясняет он и отвешивает поклон, который я воспринимаю как насмешку.

Принц нетвердой походкой пробирается через толпу, я смотрю ему вслед и не могу понять, к чему был этот разговор.

Церемония начинается со звона колоколов. Скрипки и арфы умолкают, и на некоторое время, довольно долгое, холм погружается в тишину, словно прислушиваясь, а потом собравшиеся расходятся по своим местам. Я пробиваюсь вперед, туда, где собираются остальные джентри Двора Верховного Короля. Там же будет и моя семья. Рядом с одним из лучших рыцарей Мадока стоит Ориана, и вид у нее такой, словно она предпочла бы находиться где-нибудь еще. Оук освободился от поводка и восседает на плечах у Тарин, которая шепчет что-то смеющемуся Локку.

Останавливаюсь. Толпа обтекает меня, а я не могу сойти с места и стою, как будто выросла в землю. У меня на глазах Тарин наклоняется и убирает выбившуюся прядку волос за ухо Локку. Столь многое в столь мимолетном жесте. Стараюсь убедить себя, что это ничего не значит, однако после нашего странного разговора не могу. Но ведь у Тарин есть возлюбленный, который сегодня вроде бы попросит ее руки. К тому же Тарин знает, что мы с Локком... что я и Локк... Неважно.

«Достаточно ли сильно ты любишь, чтобы отказаться от меня? Разве это не испытание любви?»

Из толпы выбирается Вивьен. Ее кошачьи глаза сияют, волосы растрепались и обрамляют лицо. Она берет на руки Оука и кружится, кружится с ним, пока они оба не падают под шуршанье ее юбок. Надо подойти, но я стою на месте.

Не могу предстать перед Тарин, пока в голове вертится предательская мысль. Я подаюсь назад, отступаю и перевожу взгляд на помост, где собирается королевская семья. Верховный Король восседает на троне из переплетенных веток. На голове у него тяжелый обруч, с изрезанного глубокими морщинами лица смотрят настороженные, как у совы, бронзовые глаза. Рядом с ним, на скромном деревянном стуле, сидит принц Дайн — во всем белом, с обнаженными руками и босыми ногами. Остальные члены семьи — Балекин и Эловин, Рия и Кейлия — сгрудились за троном. Присутствует и мать принца Дайна, Таниота, одевшая по такому случаю платье из сияющей золотой ткани. Нет одного только Кардана.

Верховный Король поднимается, и весь холм затихает.

— Долгим было мое правление, но сегодня я покидаю вас. — Его голос эхом разносится во все стороны. Нынешний правитель редко обращался к столь огромному собранию, и я поражена как силой голоса,

так и хрупкостью тела. — Услышав в первый раз зов Обещанной земли, я решил, что этот зов умолкнет. Но сопротивляться ему больше не могу. Сегодня короля не станет, но появится странник.

Собравшиеся здесь знали, что так случится, и тем не менее со всех сторон я слышу плач. Какой-то спрайт передо мной льет слезы на волосы козлиноголовой пуки.

Придворный поэт и сенешаль, Вал Морен, сходит с помоста по боковым ступенькам. Согбенный, худой как щепка, с длинными волосами и вороном на плече, он опирается на деревянный посох со свежим ростком. Говорят, его еще в юности сманили сюда из мира смертных, и я спрашиваю, что же он будет делать среди фейри без своего короля.

— Мой господин, отпускать вас мы не хотим, — говорит он, и эти слова звучат с особым, торжественно-печальным резонансом.

Элдред складывает руки в форме чаши, и ветви трона содрогаются и начинают расти, тянуться вверх новыми, зелеными побегами, на которых, по всей длине, раскрываются почки и расцветают бутоны. Свисающие с потолка корни устремляются вниз и расползаются по нижней стороне холма. Воздух наполняется густым ароматом будущих яблок, как будто принесенным летним бризом.

— Другой встанет на мое место, а я прошу вас освободить меня.

В ответ на просьбу все собрание выдыхает единым голосом:

— Освобождаем.

Тяжелая мантия, символ верховной власти, соскальзывает с плеч старика и падает на каменный пол украшенной брильянтами тряпкой. В движениях короля ощущается нервный порыв. Он занимает трон владыки Эльфхейма так долго, что некоторые из присутствующих и не помнят другого короля. Мне он всегда казался стариком, но теперь вместе с мантией с его спины как будто скатились и годы.

— Кого поставишь вместо себя? — спрашивает Вал Морен. — Кто будет нашим Верховным Королем?

— Мой третий по рождению сын, Дайн, — отвечает Элдред. — Выйди, дитя.

Принц Дайн поднимается со стула. Его мать снимает белое покрывало, оставляя сына голым. Я моргаю. В Фейриленде к определенной степени наготы постепенно привыкаешь, но в королевской семье такое обнажение — редкость. На фоне братьев и сестер в их тяжелых, пышных нарядах Дайн кажется хрупким и уязвимым. Неужели ему не холодно? Думаю о своей раненой руке и надеюсь, что нет.

— Принимаешь? — спрашивает Вал Морен. Ворон на его плече

вскидывает крылья и бьет ими воздух. Часть ли это церемонии? Не знаю.

— Я приму бремя и честь короны, — торжественно произносит Дайн, и в этот миг нагота становится чем-то другим, неким знаком силы. — Я приму ее.

— Неблагодой двор, повелитель тьмы, выйди и отметь своего принца, — говорит Вал Морен.

Какая-то богган неуклюже проходит к помосту. Тело ее покрыто густыми золотистыми волосами, длинные руки волочились бы по земле, если бы она не сгибала их. Вид у нее внушительный, и сломать принца Дайна пополам ей бы не стоило больших трудов. Нижнюю часть тела прикрывает пошитая из кусков меха юбка, а в руке богган держит что-то похожее на большую чернильницу. Подцепив левой рукой сгустившуюся кровь, она обмазывает принцу живот и левую ногу. Он стоит неподвижно. Закончив, богган отступает, осматривает Дайна, словно любуясь своей жутковатой работой, и кланяется Элдреду.

— Благодой двор, сумеречный народ, выйди и отметь своего принца, — провозглашает сенешаль.

Крохотный на вид мальчонка в покрывале, напоминающем березовую кору, и с торчащими во все стороны волосами направляется к помосту. На спине у него зеленые крылышки. Он помечает принца с другой стороны, нанося широкие полосы густой, желтой, как сливочное масло, пылью.

— Дикие фейри, застенчивый народ, выйдите и отметьте своего принца.

На этот раз вперед выходит хоб в опрятном, аккуратно пошитом костюмчике. Двумя пригоршнями грязи он помечает центр груди принца Дайна, прямо над сердцем.

В толпе замечаю наконец пошатывающегося, с винным мехом в руке Кардана. Похоже, он успел изрядно нагрузиться.

Я вспоминаю серебристое пятно на его щеке и бесстыдный жест и понимаю, что свое путешествие к нынешнему состоянию он уже начал тогда. Хорошо еще, что в столь важный и ответственный для королевской семьи момент, случающийся раз в несколько столетий, он не оказался на помосте вместе с остальными.

Но неприятности у него определенно еще впереди.

— Кто оденет его? — вопрошает Вал Морен, и теперь уже братья и сестры приносят белую тунику и кожаные штаны, золотую цепь и высокие кожаные сапоги. В этом облачении Дайн похож на короля из книжки, правителя, которого ждет мудрое и справедливое правление. Представляю, с какой гордостью следят за церемонией Призрак с балок и Таракан в

маске. Я чувствую эту гордость и в себе. Гордость за того, кому присягнула.

Но я не забыла и его обращенные ко мне слова:

«Ты — мое творение, Джуд Дуарте».

Касаюсь раненой рукой серебряного меча, который выковал мой отец. После сегодняшней церемонии я буду королевской шпионкой и членом его двора. Я буду лгать его врагам и, если не сработает, найду способ сделать кое-что похуже.

А если и он встанет на моем пути, я справлюсь и с ним.

Вал Морен бьет посохом по земле, и я чувствую эхо удара в зубах.

— Кто коронует его?

На лице Элдреда выражение гордости. В шишковатых пальцах корона сверкает так, словно солнечные лучи исходят из самого металла.

— Я.

Стража незаметно меняет построение, возможно, готовясь вывести старика из дворца. Рыцарей по периметру собрания больше, чем было в начале церемонии.

— Подойди, Дайн, — говорит Верховный Король. — Стань на колени предо мной.

Принц склоняется перед отцом и собранием.

Бросаю взгляд на Тарин, которая все еще стоит рядом с Локком. Ориана предусмотрительно обняла сына. Один из лейтенантов Мадока, наклонившись, что-то говорит ей и указывает на дверь. В свою очередь Ориана кивает Виви и направляется вместе к выходу. Тарин и Локк следуют за ней. Я стискиваю зубы и тоже пробиваюсь через толпу. Не хочу позорить себя, как Кардан, не оказавшийся в нужное время там, где должно.

Сильный голос Вал Морена рассекает мои мысли.

— А ты, Народ Эльфхейма, принимаешь принца Дайна как Верховного Короля?

В поднявшемся над толпой крике смешались и юные голоса, и могучий рев.

— Принимаем!

Я пробегаю взглядом по рыцарям, окружившим помост. В другой жизни я была бы одной из них. Среди рыцарей попадаются и знакомые лица. Лучшие командиры Мадока. Преданнейшие воины. Сегодня они не в форме. Поверх сияющих доспехов ливреи рода Зеленого вереска.

Может быть, Мадок осторожничает, расставляя по местам своих лучших людей. Но шпион с тем странным сообщением, шпион, которого я убила, тоже работал на Мадока.

Ориана, Оук и мои сестры уже вышли в сопровождении одного из лейтенантов. В то же время охрана помоста резко усилилась.

«Я позаботился о нашем будущем». Надо найти Таракана. Найти Призрака. Найти и сказать, что что-то идет не так.

«Опытный, умелый стратег ждет подходящей возможности». Прохожу мимо троицы гоблинов и тролля. Какой-то спригган недовольно ворчит, но я не обращаю внимания. Коронация заканчивается. Тут и там наполняются кубки и чаши.

Балекин вместе с принцами и принцессами покидает помост. Сначала я думаю, что это часть церемонии, но тут вижу, как он вытаскивает длинный тонкий клинок, тот самый, что запомнился по ужасной дуэли между ним и Карданом. Я останавливаюсь.

— Брат, — укоризненно произносит Дайн.

— Я не приму тебя, — говорит Балекин. — И вызываю на поединок за корону.

Рыцари у помоста тоже обнажают мечи. А вот Эловин, Элдред, Вал Морен, Таниота и Рия совершенно безоружны. Лишь Кейлия вытаскивает из-за лифа кинжал, впрочем, слишком маленький, чтобы на что-то сгодиться.

Я хочу вынуть свой, но в толпе слишком тесно.

— Балекин, — строго говорит Элдред. — Сын мой. Верховный Двор не может уподобляться нижним. Мы не наследуем по крови. Никакая дуэль с братом не подвигнет меня возложить корону на твою недостойную голову. Смирись с моим выбором. Не унижайся перед народом.

— Мы решим это между собой. — Балекин обращается к брату так, как будто их отца здесь нет. — Никакого Верховного монарха. Только мы вдвоем и корона.

— Мне не нужно с тобой драться. — Дайн указывает на рыцарей, окруживших помост и только ждущих приказа. Среди них и Мадок, но больше ничего не видно. — И ты недостойн даже их внимания.

— Что ж, пусть это будет на твоей совести. — Балекин делает два шага и выбрасывает руку. Он даже не смотрит на цель, но клинок пронзает горло Эловин. Кто-то пронзительно вскрикивает, а в следующее мгновение кричат уже все. В первую секунду на горле Эловин видно только пятнышко, но уже в следующую из него бьет кровь, фонтан крови. Пошатнувшись, принцесса падает вперед, на четвереньки. Золотая ткань и сияющие украшения тонут в красном.

Некоторые даже не заметили этого внезапного, бесстрастного жеста. Элдред вскидывает руку, и я думаю, что он намерен повторить тот

магический трюк, благодаря которому пошли в рост корни и расцвели сухие ветки. Но сила уже ушла; он отказался от нее вместе с королевством. Только что распутившиеся бутоны темнеют и засыхают. Ворон взлетает с плеча Вал Морена и, каркая, устремляется к корням, свисающим с полой крыши холма.

— Стража, — произносит Дайн голосом, которому должно подчиняться. Но никто из рыцарей не делает и шага к помосту. Словно по команде, они поворачиваются спиной к королевской семье и направляют мечи в сторону публики. Все происходит с их согласия. Они помогают Балекину совершить переворот.

В то, что это план Мадока, я поверить не могу. Дайн — его друг. Дайн воевал вместе с ним. Дайн намерен вознаградить его, как только станет Верховным Королем.

Толпа рвется к выходу и уносит с собой меня. Все суетятся, толкаются — кто-то пытается пробиться к сцене, на которой разыгрывается трагедия, кто-то спешит уйти подальше от нее.

Седоволосый король Двора термитов рвется к помосту, но путь ему преграждают его собственные рыцари. Моей семьи не видно. Я ищу взглядом Кардана, но и он затерялся в людском водовороте.

События развиваются стремительно. Рия подбегает к Верховному Королю со своим бесполезным ножичком. Принять его за оружие невозможно, но в смелости ей не откажешь. Таниота склонилась над Эловин и пытается остановить кровь юбками своего платья.

— Что ты теперь скажешь, отец? — обращается к Элдреду Балекин. — Брат?

Вылетевшие из тени две стрелы бьют Балекина в бок. Он шатается, но остается на ногах. Под разорванным камзолом блестит металл брони. Я вскидываю голову и ищу на балках Призрака.

Как и он, я — агент принца. Мой долг пробраться к нему. Я снова ныряю в толпу. В голове у меня видение будущего, история, которую я рассказываю сама себе, четкая и ясная повесть как противовес окружающему хаосу. Каким-то чудом я отыскиваю принца и защищаю его от изменника Балекина до подхода верных войск. Я — герой, вставший между королем и предателями.

Но Мадок опережает меня.

Какое облегчение. Его командиров можно подкупить, но он сам никогда...

Удар в грудь Дайна такой силы, что клинок выходит из спины. Мадок тянет лезвие вверх, через грудную клетку, к сердцу.

Я застываю посреди толпы, которая обходит меня с обеих сторон. Вижу белую кость. Вижу красное мясо. Принц Дайн, почти ставший Верховным Королем, падает на украшенную драгоценными камнями красную мантию, и ручеек его крови теряется среди них.

— Предатели, — шепчет Элдред, но его голос разносится эхом, и одно слово ощущается будто удар гремящего колокола.

Мадок останавливается и сжимает зубы, словно исполняет тяжелую, неприятную обязанность. На голове у него тот красный берет, что я раньше видела в нагрудном кармане. Сегодня он освежит его. На берете появятся новые пятна крови. Но я не могу поверить, что он делает это по чьим-то приказам.

Должно быть, он вошел в союз с Балекином и сбил с толку шпионов Дайна. Он поставил везде своих командиров, изолировав королевскую семью от тех, кто хотел помочь ей.

Это он организовал все так, чтобы Балекин нанес удар в тот момент, когда никто этого не ожидал. Это он рассчитал так, чтобы, во избежание смертельного проклятия, корону взяли тогда, когда она не лежала на чьей-либо голове.

Зная его, я уверена — переворот спланировал он.

«Коронации — такое время, когда возможно многое».

Целый и невредимый Балекин доволен собой.

— Дай мне корону.

Элдред разжимает пальцы, и обруч падает и катится по полу.

— Возьми сам, раз так желаешь. — Кейлия безутешно плачет. Рия в ужасе смотрит на толпу. Вал Морен стоит рядом с Элдредом. Узкое лицо поэта бледно.

Окруженный рыцарями, помост напоминает страшную сцену, на которой всем актерам предписано пройти через свои роли к кровавому финалу.

Руки Мадока как будто в красных перчатках. Смотрю на них и не могу отвести глаз.

Балекин поднимает корону. Золотые дубовые листья сверкают в свете свечей.

— Ты слишком долго тянул, отец. Уходить с трона нужно было раньше. Ты ослаб. Ты позволил предателям править своими поместьями, власть нижних дворов никем не контролируется, а дикие фейри творят что хотят. Дайн был бы таким же, трусом, спрятавшимся за интригами. Но я не боюсь пролить кровь.

Элдред молчит. Ни корона, ни оружие его не интересуют. Он просто

ждет.

Балекин приказывает рыцарям привести Таниоту. Женщина из военных поднимается на помост и хватает сопротивляющуюся супругу короля. Таниота отбивается, мотает головой, впивается ногтями в плечо военной. Но все бесполезно. Рыцарей слишком много. Еще два шага вперед, и вот уже никакого сопротивления.

Балекин подходит к отцу.

— Провозгласи меня Верховным Королем, возложи корону на мою голову и можешь свободно уйти. Мои сестры будут под защитой. Твоя супруга останется жива. В противном случае я убью Таниоту. Убью здесь, на глазах у всех. И все будут знать, что ты мог спасти ее.

Смотрю на Мадока, но он на ступеньках, негромко разговаривает с одним из офицеров, троллем, бывавшим у нас дома, сидевшим за нашим столом, поддразнивавшим и смешившим Оука. И я тоже тогда смеялась. А теперь вся дрожу.

— Балекин, перворожденный, чью бы ты ни пролил кровь, править Эльфхеймом ты не будешь никогда. Ты недостойн короны.

Я закрываю глаза и думаю о словах Орианы: «Быть супругой Короля — дело нелегкое. Опасность всегда рядом. И ты всегда пешка».

Таниота встречает смерть с достоинством и грацией. Она не суетится и держится с королевским величием, как будто уже перешла в мир баллад и песен. Сплетя пальцы, она не издает ни звука, когда один из рыцарей быстрым и жестоким ударом обезглавливает ее.

Прокатившись по помосту, ее рогатая головка останавливается у тела Дайна.

Я ощущаю что-то мокрое на лице. Дождь?

Многим собравшимся нравится убийство, а другим — их больше — нравится спектакль. Толпой словно овладело безумное веселье, и она требует продолжать бойню.

Двое рыцарей хватают Элдреда.

— Больше спрашивать не стану, — говорит Балекин.

Но Элдред только смеется. Смеется, когда Балекин пронзает его мечом. Он не падает, как другие. Не кровь, а туча красных бабочек вылетает из раны и устремляется вверх. В какой-то момент их становится так много, что они накрывают старика облаком, настоящим торнадо мягких крылышек.

Но жизнь их коротка. Рожденные магией, они падают и падают и устилают весь помост, будто бурые листья. Верховный Король мертв. Невероятно!

Теперь на сцене тела и кровь. Вал Морен на коленях.

— Сестры. — Балекин идет к ним.

Самоуверенности в голосе поубавилось, а мягкости добавилось. Он похож на человека, оказавшегося в ужасном сне, но отказывающегося просыпаться.

— Кто из вас коронует меня? Коронует и останется живой.

Мадок говорил моей матери не бежать.

Уронив нож, вперед выходит Кейлия. На ней золотой корсаж и синяя юбка, а на распушенных волосах венок из ягод.

— Я, — говорит она. — Я короную. Сделаю тебя королем, хотя пятно твоих деяний всегда будет омрачать твоё правление.

«Никогда, как и всегда, слишком сложное понятие для смертных», — думаю я и злуюсь на себя за то, что вспомнила Кардана. Да еще сейчас. Отчасти я даже рада, что она сдалась. По крайней мере все закончится.

Стрела из-под крыши, просвистев по совершенно иной, чем в прошлый раз, траектории, бьет Кейлию в грудь. Руки ее взмывают, как будто рана — это что-то неприличное, и ее надо закрыть. Потом глаза закатываются, и она падает без единого звука.

Зато Балекин кричит в отчаянии. Мадок отдает приказ, и его люди целятся в потолок. Несколько человек бегут по ступенькам вверх. Другие, обнажив мечи, взлетают на бледно-зеленых крыльях.

Он убил ее. Призрак.

Проталкиваюсь к помосту. Мимо требующих еще крови. Я и сама не знаю, что буду делать, если попаду туда.

Рия подбирает брошенный сестрою нож. В синем платье, с ножом в дрожащей руке, она напоминает птаху, пойманную до того, как ей удалось взлететь.

Рия — единственная настоящая подруга Виви в Фейриленде.

— Будешь драться со мной, сестра? У тебя ни меча, ни брони. Перестань, для такого слишком поздно.

— Слишком поздно, — говорит она и вонзает лезвие себе в горло, чуть пониже уха.

— Нет! — кричу я, хотя мой голос тонет в воплях толпы и еще более громких стенаниях Балекина. Я больше не могу видеть смерть и закрываю глаза, хотя меня толкают со всех сторон. Балекин требует найти Кардана и привести его сюда, и только тогда глаза открываются сами собой. Но Кардана нет. Есть только тело Рии.

И ужас... ужас...

Крылатые лучники целятся в перекрестье балок, где прячется Призрак,

а секундой позже он падает в толпу. Я замираю. Разбился? Убит? Но он катится по земле, поднимается и бежит вверх по ступенькам, преследуемый стражами.

Шансов нет. Стражей слишком много, а места для маневра мало. Хочу помочь ему, но остаюсь на месте. Что я могу сделать? Ничего. Я никого не могу спасти.

Балекин поворачивается к придворному поэту, указывает на него.

— Ты коронуешь меня. Произнесешь слова церемонии.

— Я не могу, — говорит Вал Морен. — Я не родственник ни тебе, ни короне.

— Ты это сделаешь, — настаивает Балекин.

— Да, господин, — соглашается поэт и дрожащим голосом произносит усеченный вариант.

Толпа молчит, но, когда к ней обращаются с вопросом, принимает ли она нового короля, никто не отзывается. Корона с золотыми дубовыми листьями в руке Балекина, но не на голове.

Он обводит собрание взглядом, и я, даже зная, что эти глаза не заметят меня, невольно вздрагиваю.

— Присягайте мне! — гремит его голос.

Все молчат. Монархи не преклоняют колени. Дворяне держат рты на замке. Дикае фейри наблюдают и прикидывают, а королева Аннет, хозяйка Двора бабочек, делает знак своим придворным покинуть зал и сама отворачивается с усмешкой.

— Клянитесь Верховному Королю, — продолжает звать Балекин. — А Король — я. — Он поднимает корону и сам кладет на свою голову, но уже в следующее мгновение издает жуткий вой и сбрасывает ее на землю. На лбу — ожог, красная тень короны.

— Мы не клянемся королю, а только короне, — кричит кто-то.

Это лорд Ройбен из Двора термитов. Выйдя вперед, он останавливается перед цепью рыцарей. От Балекина его отделяет дюжина стражей, но лорд Ройбен не выказывает страха.

— У тебя, убийца, есть три дня. Через три дня я уйду без присяги. И я буду не один.

Его слова тут же разлетаются под смешки и шепот. В зале остается лишь разрозненная группа из представителей как Благого, так и Неблагого дворов, несколько диких фейри, редко покидающих свои холмы, леса и реки; гоблины, пуки да пикси. На их глазах в одну ночь погибла почти вся королевская семья. Какого еще насилия ждать, если новый монарх его не остановит? И кто будет рад такому повороту?

Спрайты поблескивают в воздухе, пропитанном запахом свежепролитой крови. И в какой-то момент я понимаю, что веселье продолжится. Все продолжится, все так и пойдет дальше.

Вот только в себе я не уверена.

КНИГА 2

*Вырви из сердца смертный сон,
Ветры проснулись, листья вертят,
Лики бледны наши, очи горят,
Грудь, взывает безумный гон.*

*Руки в размаху, разверзты рты,
Кто не увидит летящую рать,
Тот позабудет отца и мать,
Все позабудет, явь и мечты.*

*Воинство мчит между ночью и днем,
И зов их прекрасен как вечный сон*

*Уильям Батлер Йейтс
Воинство сидов*

ГЛАВА 21

Я прячусь под столом, словно опять стала ребенком, а надо мной кипит веселье.

Прижимаю руку к груди — сердце колотится глухо и все быстрее и быстрее. Не могу собраться с мыслями. Не могу думать. Не могу думать.

На платье кровь — маленькие пятна, тающие в синеве неба.

Я думала, что смерть больше не может меня шокировать, но здесь ее так много. Невообразимо, смехотворно много. Перед мысленным взором снова и снова мелькают белые ребра принца Дайна, красный фонтан из горла Эловин и Верховный Король, который, умирая, отказывается признавать Балекина. Я думаю о бедняжках Таниоте, Кейлин и Рие, которым довелось убедиться в том, что корона Фейриленда значит больше, чем их жизни.

Думаю о Мадоке, все последние годы бывшего правой рукой Дайна. Быть может, фейри и не умеют врать в глаза, но в каждой улыбке Мадока, в каждом похлопывании по спине, в каждой совместно выпитой чаше вина таилась ложь. Мадок позволил нам нарядиться к этому вечеру, а мне дал прекрасный меч, словно мы действительно отправлялись на веселую вечеринку.

«Я знала, кто он такой, — твержу я себе. — Я видела кровь, засохшую на его красном берете. И буду дурой, если позволю себе забыть это».

По крайней мере рыцари увели мою семью до того, как началось смертоубийство. По крайней мере остальным не пришлось смотреть на это, хотя и вряд ли они ушли так далеко, чтобы не слышать пронзительные вопли. И по крайней мере Оук теперь не будет расти так же, как и я, со смертью у истоков своей жизни.

Сижу под столом и жду, когда сердце успокоится. Мне надо выбраться из холма. Веселье перерастает в буйство, а без нового Верховного монарха на троне гулякам вообще удержу не будет, и неизвестно, что еще они измышлят. Не самое удачное время для смертной оказаться в таком месте.

Пытаюсь вспомнить, как мы с Призраком рассматривали сверху расположение тронного зала. Пытаюсь восстановить в памяти, где входы в основные части замка.

Если бы мне удалось найти каких-нибудь стражников и убедить их, что я принадлежу к дому Мадока, они отвели бы меня к семье. Но я не хочу туда идти. Не хочу видеть Мадока, покрытого кровью, сидящего рядом с

Балекином. Не хочу делать вид,

будто ничего ужасного не случилось. Не хочу прятать отвращение и омерзение к генералу.

Есть другой выход. Можно проползти под столами до ступенек и подняться на уступ, примыкающий к штабной комнате Мадока. Думаю, оттуда я спущусь прямо в ту часть замка, которая, скорее всего, сейчас безлюдна, к тому же там начинаются секретные туннели. И тогда я покину замок, не волнуясь ни о рыцарях, ни о страже, вообще ни о ком. От адреналина тело зудит, требуя действий, но то, что мне хотелось бы принять за план, еще не план. Я могу уйти из дворца, но мне некуда идти.

«Подумаешь об этом потом», — настаивает внутренний голос.

Ладно, пока хватит и половины плана.

На четвереньках, не обращая внимания на платье и волочащиеся по земляному полу ножны, не замечая боли в руке, я ползу и ползу. Надо мной играет музыка. Доносятся и другие звуки — треск, должно быть, костей, рыдания, вой. Мне не до них.

Потом скатерть поднимается, в глаза ударяет огонь свечи, и фигура в маске хватается меня за руку. Скрючившись под столом, я не могу достать меч, поэтому выхватываю спрятанный в корсаже нож. Уже собираюсь ударить — и тут узнаю нелепые башмаки с заостренными мысами.

Кардан. Единственный, кто мог законно короновать Балекина. Единственный, не считая Балекина, оставшийся в живых потомок рода Гринбриаров, Зеленого вереска. В Волшебной стране его ищут, должно быть, все, а он здесь — бродит в полумаске лисицы из серебряной фольги, хлопает глазами, уставившись на меня в пьяном раздумье и слегка пошатываясь на ногах. Я только что не смеюсь. Как мне повезло, что именно я его нашла.

— Ты смертная, — сообщает он. В другой руке у него опущенный вниз пустой кубок. — Тебе здесь небезопасно. Особенно если собираешься в каждого тыкать ножом.

— Мне небезопасно? — пропускаю мимо ушей нелепое заявление. Удивительно, он ведет себя так, словно всегда заботился о моей безопасности — в том смысле, чтобы обратить ее в опасность. Напоминаю себе, что сейчас он, должно быть, в шоке и сильно переживает и, возможно, поэтому ведет себя странно. Трудно лишь представить, что принц настолько равнодушен к кому-то, что способен скорбеть. Сейчас ему, кажется, даже до себя нет дела. — Забирайся сюда, пока тебя не узнали.

— Играть в прятки под столом? Ползать в грязи? Типично для твоей породы, но ниже моего достоинства. — Он неуверенно смеется, словно

ожидает, что я его поддержу.

Но мне не до смеха. Сжимаю кулак и бью его в живот — как раз туда, куда нужно. Он падает на колени. Кубок, глухо звякнув, катится в грязь.

— Оу! — громко стонет Кардан, и я, пользуясь моментом, затаскиваю его под стол.

— Мы выберемся отсюда, и никто не заметит, — говорю я. — Прячемся под столами и продвигаемся к ступенькам, потом на верхние уровни дворца. И не убеждай меня, что ползать — ниже твоего достоинства. Ты все равно такой пьяный, что едва держишься на ногах.

Слышу, как он фыркает.

— Ну, раз уж ты настаиваешь. — Разглядеть выражение лица трудно из-за темноты, к тому же он в маске.

Пробираемся под столами. Над головами звучат баллады и застольные песни, слышатся крики и шепоты, и все это на фоне приглушенного, как дождь, шороха ног танцующих. Сердце бешено колотится — оттого, что случилась резня, оттого, что Кардан рядом и я ударила его безнаказанно. Сосредоточиваюсь на шаркающих звуках, которые он производит, двигаясь следом за мной. Воздух пропитан запахами утрамбованной земли, пролитого вина и крови. Чувствую, что голова становится пустой, что меня начинает трясти. До боли закусываю губу, чтобы взять себя в руки.

Надо держаться. Нельзя распускать себя, только не сейчас, когда Кардан может увидеть.

Не сейчас, когда в голове начал складываться план. План, для которого потребуется этот последний принц.

Оглядываюсь и вижу, что Кардан остановился. Сидит на полу, рассматривает собственную руку. Кольцо на пальце.

— Он меня презирал. — Голос звучит спокойно, буднично. Принц будто забыл, где находится.

— Балекин? — спрашиваю я, думая о том, что видела в Холлоу-Холле.

— Мой отец. — Кардан фыркает. — Я почти не знаю остальных своих братьев и сестер. Разве это не забавно? Принц Дайн — тот и видеть меня не хотел во дворце, поэтому выгнал.

Не знаю, что сказать. Жду. Странно, что он ведет себя так, будто способен испытывать эмоции.

Мгновение спустя, кажется, приходит в себя. Взгляд, посверкивая в темноте, останавливается на мне.

— А теперь они все мертвы. Благодаря Мадоку. Нашему славному генералу. Зря они ему доверяли. Но твоя мать поняла это давным-давно, не так ли?

Я прищуриваюсь.

— Ползи.

У него опускаются уголки губ.

— Ты первая.

Мы ползем от стола к столу и наконец, похоже, подбираемся к ступеням достаточно близко. Кардан откидывает скатерть и протягивает мне руку — галантный жест, рассчитанный на зрителей, хотя мы оба знаем, что это лишь насмешка. Я выпрямляюсь, не коснувшись его руки.

Единственное, что сейчас важно, — это убраться из зала, пока веселье не переросло в кровавую баню, пока кто-то не решил, что я гожусь для забавы, и пока Кардану не вспорол живот любой, кто не желает власти Верховного монарха.

Делаю шаг к ступеням, но он меня останавливает.

— Не в таком виде. Рыцари тебя узнают.

— Я не единственная, кого они ищут.

Он хмурится, и, хотя маска скрывает большую часть лица, все же угадываю это по движению губ.

— Увидев твое лицо, они могут обратить более пристальное внимание на твоего спутника.

Как ни досадно, но он прав.

— Если бы они получше меня знали, то поняли бы, что я никогда не пошла бы с тобой. — Нелепо, потому что вот я стою рядом с ним, а с другой стороны, высказалась — и полегчало. Вздохнув, распускаю косы, пальцами взбиваю волосы, и они дикими космами падают на лицо.

— Ты похожа... — начинает Кардан, потом замолкает и несколько раз моргает, словно не в состоянии завершить фразу. Пожалуй, фокус с волосами сработал лучше, чем он ожидал.

— Подожди секунду. — Я ныряю в толпу. Не хочется рисковать, но лучше прикрыть лицо. Замечаю русалку в маске из черного бархата; она лакомится крошечным воробьиным сердечком, нанизанным на длинную булавку. Неслышно подкрадываюсь сзади, перерезаю ленты и подхватываю маску быстрее, чем та падает на пол. Русалка оборачивается, смотрит, куда делась маска, но меня уже нет. Искать ей скоро надоест, и она, надеюсь, вернется к деликатесам. В конце концов, это всего лишь маска.

Возвращаюсь. Кардан опорожняет бокал вина и сверлит меня горящим взглядом. Понятия не имею, что он видит и даже куда именно смотрит. По его щеке стекает струйка зеленой жидкости. Он тянет руку к тяжелому серебряному кувшину, словно хочет налить еще бокал.

— Идем, — хватаю его затянутую в перчатку ладонь.

Мы уже почти выходим из зала, когда дорогу преграждают три рыцаря.

— Поищите другое место для развлечений, — говорит один из них. — Это проход во дворец, для простого народа закрыт.

Чувствую, как напрягается Кардан, — этого идиота задевает, что его называли простаком, но не беспокоит чья-то безопасность, даже собственная. Тяну его за руку.

— Мы сделаем как скажете, — заверяю я рыцаря и пытаюсь увести Кардана прежде, чем он сделает такое, о чем мы оба пожалеем.

Принц, однако, не двигается с места.

— Вы очень сильно ошибаетесь насчет нас.

Заткнись. Заткнись. Заткнись.

— Верховный Король Балекин — друг Двора моей госпожи, — сладкоречиво заявляет он из-под серебряной лисьей маски. На губах — непринужденная полуулыбка. Говорит как представитель знати: растягивает слова, держит себя раскованно, словно ему принадлежит все вокруг. Даже пьяный, он очень убедителен. — Вы, возможно, слышали о королеве Глитене с северо-запада. Балекин направил ей послание о пропавшем принце и ждет ответа.

— Не думаю, что у вас найдутся доказательства в подтверждение ваших слов, — говорит один из рыцарей.

— Конечно, найдутся. — Кардан протягивает руку, сжатую в кулак, раскрывает ладонь, и на ней оказывается королевское кольцо, мерцающее в свете факелов. Не знаю, когда он снял его с пальца, и понятия не имею, каким образом он, пьяный, продемонстрировал такую ловкость рук. — Мне дали эту вещь как пароль, чтобы вы смогли узнать меня.

При виде кольца они отступают.

С несносной, приторно-сладкой улыбкой Кардан хватается меня за руку и тащит мимо них. Стискиваю зубы и подчиняюсь. Мы на лестнице — благодаря ему.

— Что насчет смертной? — окликает один из стражников. Кардан оборачивается.

— Ах да, вы не совсем ошиблись во мне. Намерен урвать кое-что из наслаждений сегодняшнего праздника для себя, — объясняет он, и все они прыскают от смеха.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не сбросить шутника со ступенек, но спорить бессмысленно, за словом он в карман не лезет. Согласно причудливым правилам, которым подчиняется язык фейри, все сказанное им достаточно правдиво — если иметь в виду только слова. Балекин —

друг Мадока, а я — часть двора Мадока, если слегка покривить душой. Значит, я — «госпожа». А рыцари, конечно же, слышали о королеве Глитене — особа достаточно известная. Я уверена, что и Балекин ждет известий о пропавшем принце. Для него это вопрос первостепенной важности. И никто не спорит, что кольцо Кардана служит для того, чтобы его узнавали.

А что касается «урвать для себя», то это может быть что угодно.

Кардан хитер, но он отнюдь не умен. Его хитрость немного напоминает мою собственную предрасположенность к вранью, и это слегка успокаивает. Как бы там ни было, мы свободны. За нашими спинами продолжается оргия, знаменующая появление нового Верховного Короля: визги, вопли, звуки застолья, бесконечная круговерть танцев. По пути оглядываюсь разок, окидываю взглядом море тел и крыльев, чернильных глаз и острых зубов.

И содрогаюсь.

Мы вместе поднимаемся по лестнице. Я позволяю ему по-хозяйски держать меня за руку и вести. Позволяю открывать двери его собственными ключами, делать все, что он захочет. А потом, когда мы оказываемся в пустом коридоре на верхнем уровне дворца, я поворачиваюсь и приставляю острие ножа снизу к его подбородку.

— Джуд? — произносит он вопросительно, прижимаясь к стене и вытягиваясь. Мое имя он произносит отчетливо, словно боится смазать слово. Даже не знаю, слышала ли раньше мое настоящее имя в таком исполнении

— Удивлен? — спрашиваю я и хищно улыбаюсь. Самый важный парень во всем Фейриленде — и мой враг — наконец-то в моей власти. Это даже круче, чем я думала. — Не стоит.

ГЛАВА 22

Чтобы он почувствовал боль, вдавливаю острие ножа в кожу. Кардан напрягается, уставившись на меня черными глазами.

— Почему? — недоуменно спрашивает он. Нечасто мне доводилось испытывать такую пьянящую радость. Приходится сделать усилие, чтобы она не ударила в голову — это чувство крепче, чем вино.

— Потому что ты — неудачник, а мне везет. Делай что говорю, и тогда я отложу удовольствие заколоть тебя на потом.

— Собираешься пролить сегодня еще немного королевской крови? — издевается он, пытаясь увильнуть от лезвия ножа. Я двигаюсь за ним, не убирая лезвие от горла. При этом Кардан не умолкает. — Раздосадована? В той резне обошлись без тебя?

— Ты пьян.

— О, конечно. — Он прислоняется к каменной стене и закрывает глаза. В отблесках пламени горящего факела черные волосы отливают бронзой. — Неужели действительно думаешь, что я позволю тебе отвести меня к генералу как какого-нибудь жалкого...

Прижимаю чуть сильнее. Принц со свистом втягивает воздух и проглатывает конец фразы.

— Конечно, — с горьким смехом произносит он секунду спустя. — Когда убивали мою семью, я просто упал в обморок. Трудно пасть еще ниже.

— Прекрати болтать, — приказываю я, отгоняя от себя даже тень сочувствия. Он меня никогда не жалел. — Шевелись.

— Или что? — спрашивает Кардан, не открывая глаз. — Не зарежешь же ты меня в самом деле.

— Когда ты в последний раз видел своего дорогого друга Валериана? — шепчу я. — Я не про сегодняшний день, хотя его отсутствие задело тебя. Ты про него не думал?

Кардан открывает глаза. Смотрит так, словно получил пощечину.

— Думал. Где он?

— Гниет на конюшнях у Мадок. Я убила его, а потом закопала. Поэтому верь мне, когда я угрожаю. Как бы нелепо это ни звучало, но сейчас ты самая важная персона во всем Фейриленде. Тот, кто владеет тобой, владеет и властью. А я хочу власти.

— Думаю, ты права. — Он всматривается в мое лицо, ничем не

выдавая своих чувств. — Признаюсь, даже я не подозревал, на что ты способна.

Стараюсь не подавать вида, что его спокойствие выводит меня из себя. Судя по всему, добиться послушания одним ножом не получится. Хочется причинить ему боль, просто чтобы убедиться, что и его можно напугать. Кардан только что потерял семью, но я не должна об этом думать.

Не могу отделаться от мысли, что он злоупотребит каждой ноткой жалости в моем голосе, любым проявлением слабости.

— Пора идти, — грубовато бросаю я. — Ступай к первой двери и открой ее. Когда войдем, направляемся в уборную. Там есть ход.

— Ладно, ладно, — раздраженно ворчит он, пытаясь пальцем отвести нож от горла.

Но я держу нож крепко, и лезвие разрезает кожу. Принц ругается и сует окровавленный палец в рот.

— Ну, зачем это?

— Для забавы, — отвечаю я и нарочито медленно убираю нож от его шеи. Невольно усмехаюсь, но в остальном мое лицо подобно маске, холодной и жестокой, какую мне случалось видеть в ночных кошмарах. И только теперь осознаю, кому подражаю, чье лицо пугало меня и вызывало желание быть похожей.

Его.

Сердце колотится с такой силой, что я чувствую тошноту.

— Скажи хотя бы, куда мы идем? — спрашивает Кардан, когда я свободной рукой подталкиваю его вперед.

— Нет. Шевелись, — угрожающе рычу я.

Он подчиняется и неуверенно, пошатываясь, идет по коридору, потом сворачивает к кабинету, на который я указываю. Оказавшись возле потайного туннеля, он забирается внутрь, напоследок обернувшись и бросив на меня загадочный взгляд. Возможно, он даже пьянее, чем я думаю.

Ну да неважно. Скоро протрезвеет.

Оказавшись в логове Двора теней, я первым делом привязываю принца к стулу, для чего отрываю полоски ткани от юбки собственного грязного платья. Потом снимаю с себя и с него маски. Он не сопротивляется, только странно на меня смотрит. Мы одни, и я понятия не имею, когда кто-нибудь появится, если появится вообще.

Впрочем, это не имеет значения. Могу обойтись и без них.

До сих пор же обходилась. Когда Кардан меня нашел, я поняла, что контроль над ним — единственный способ контролировать судьбу моего

мира.

Я думаю обо всех клятвах, принесенных Дайну, в том числе и о той, которую никогда не произносила вслух: «Вместо того чтобы бояться, я стану тем, кого боятся». Если Дайн не собирался дать мне власть, то я сама ее возьму.

При Дворе теней я провела совсем немного времени и не знаю его секретов. Прохожу по комнатам, отворяю тяжелые деревянные двери, открываю шкафы, провожу инвентаризацию запасов. Обнаруживаю кладовую, полную ядов, а также сыров и колбас; комнату для фехтования с опилками на полу, оружием на стенах и новым деревянным манекеном в центре помещения. На физиономии грубо намалеван зловещий оскал. Захожу в заднюю комнату — там на койках четыре тюфяка, возле разбросана одежда и несколько кружек. Ни к чему не прикасаюсь, пока не попадаю в комнату с картами и большим письменным столом. Это стол Дайна, он завален свитками, перьями, ручками и воском для печатей.

В какой-то момент чувствую, что ошеломлена всем случившемся. Принц Дайн ушел, ушел навсегда. И с ним ушли его отец и сестры.

Я возвращаюсь в большую комнату и тащу Кардана вместе со стулом в кабинет Дайна, пропихиваю его в открытую дверь, чтобы он оставался в поле зрения. Снимаю со стены в фехтовальной комнате ручной арбалет и несколько стрел. Взвожу оружие, заряжаю, кладу на стол, усаживаюсь в кресло Дайна и подпираю голову ладонями.

— Теперь, когда я, к твоему удовольствию, связан, ты скажешь, где именно мы находимся?

Мне хочется лупить Кардана по самодовольной роже, пока с нее не сойдет эта ухмылка. Но если это сделать, он будет просто бояться меня.

— Это место, где собираются шпионы принца Дайна, — сообщаю я, стараясь стряхнуть страх. Мне надо сосредоточиться. Кардан ничтожество, инструмент, пешка.

Он смотрит недоверчиво и обеспокоенно.

— Откуда ты знаешь? Зачем привела меня сюда?

— Пытаюсь сообразить, что делать дальше, — честно отвечаю я, хотя это мне неприятно.

— А если один из шпионов вернется? — спрашивает он, выходя из ступора и, кажется, начиная волноваться. — Они найдут тебя в своем логове и...

Заметив ухмылку на моем лице, он прерывает фразу и замолкает. Наблюдаю, как до него доходит, что я — одна из них. Что здесь я у себя.

Кардан, онемев, откидывается на спинку стула.

Наконец-то, наконец-то я заставила его содрогнуться.

Я занята тем, чего никогда не смела делать. Разбираюсь с бумагами на столе принца Дайна. Здесь горы корреспонденции. Списки. Записки — не от Дайна и не к нему, вероятно, краденые. Еще больше того, что написано его рукой: заметки, загадки, проекты законов. Официальные приглашения. Неофициальные, но безобидные письма, в том числе несколько от Мадока. Сама не знаю, что ищу. Просто как можно быстрее просматриваю все в поисках чего-то — чего угодно, — что подскажет, почему его предали.

Всю свою жизнь, с малых лет, я думала о Верховном Короле и принце Дайне как о наших безусловных правителях. Я искренне считала, что Мадок полностью верен им, и сама верила им. Я знала, что Мадок жаждет крови. Догадывалась, что он хочет завоеваний, войн, сражений. Но я полагала, что он рассматривает войны как часть своих генеральских обязанностей, в то время как часть обязанностей Верховного Короля — держать в узде своего военачальника. Мадок говорил о чести, обязательствах, долге. Он воспитывал меня и Тарин на этих идеалах, и казалось логичным, что он готов мириться с недостатками, которые не противоречат данным понятиям.

Я никогда не думала, что Балекин может нравиться Мадоку.

Вспоминаю мертвого гонца, которого я застрелила, и содержание записки: убей предьявителя этого послания. Вот и пример отвлекающего маневра; все было нацелено на то, чтобы шпионы Дайна гонялись за собственным хвостом, пока Балекин и Мадок планировали нанести удар там, где никто не ждет — на глазах у всех.

— Ты знал? — спрашиваю я Кардана. — Ты знал, что собирается сделать Балекин? Поэтому тебя не было с семьей?

Он громко хохочет.

— Если ты так считаешь, то почему я не бросился прямо в любящие объятия Балекина?

— Все равно, скажи мне, — требую я.

— Я не знал. А ты? Ведь Мадок твой отец.

Я беру длинный брусок воска со стола Дайна — один конец оплавлен и почернел.

— Какое значение имеют мои слова? Я могу солгать.

— Все равно скажи, — говорит он и зевает.

Как же мне хочется отвесить ему оплеуху.

— Я тоже не знала, — признаюсь я, не глядя на него. Вместо этого рассматриваю стопку документов, восковые оттиски, глубокие отпечатки на реверсе. — А должна была бы.

Перевожу взгляд на Кардана. Подхожу к нему, наклоняюсь и начинаю стаскивать королевское кольцо с пальца. Он пытается вырвать руку, но пути не позволяют оказать сопротивление. Сдергиваю кольцо.

Мне противно находиться рядом с ним, а когда я касаюсь его кожи, меня охватывает чувство какой-то беспричинной паники.

— Я просто заимствую твое дурацкое кольцо, — говорю я. Печатка на кольце точно совпадает с оттиском на письме. Кольца всех принцев и принцесс должны быть идентичны. Это значит, что печать одного выглядит так же, как печать другого. Достāju чистый лист бумаги и начинаю писать.

— Наверное, у тебя здесь не найдется выпивки? — спрашивает Кардан. — Не думаю, что дальнейшие события доставят мне массу удобств, поэтому хотел бы оставаться пьяным, чтобы вынести их.

— Ты действительно думаешь, что мне есть дело до твоих неудобств? — с вызовом спрашиваю я.

Услышав шаги, встаю из-за стола. Из общей комнаты доносится звук бьющегося стекла. Опускаю кольцо Кардана в корсет, где он тяжело ложится на кожу, и направляюсь к двери. Таракан смахнул с книжной полки ряд кувшинов и крошит деревянную мебель. Каменный пол покрыт осколками стекла и разлитыми настойками. Мандрагора. Живокость. Раковые шейки. Призрак хватает Таракана за руку, оттаскивает, не дает продолжить разгром, хотя у него по ноге течет кровь и двигаться ему трудно. Призрак побывал в бою.

— Эй, — окликаю я.

Оба удивленно смотрят на меня. Еще больше удивляются, заметив сквозь дверной проем, ведущий в комнату с картами, принца Кардана, привязанного к стулу.

— Разве ты не должна быть с отцом и праздновать? — выплевывает Призрак. Я на шаг отступаю. Раньше он всегда служил образцом совершенного, даже противоестественного спокойствия. Теперь они не кажутся спокойными. — Бомба еще там, и эти двое едва не погибли, чтобы выручить меня из темницы Балекина, а ты сидишь тут и радуешься?

— Нет! — твердо отвечаю я. — Подумай вот о чем. Если бы я знала, что произойдет, если бы я была на стороне Мадока, то появилась бы здесь только в сопровождении рыцарей. Вас застрелили бы прямо в дверях. Вряд ли я пришла бы одна, волоча пленника, которому бы очень обрадовался мой отец.

— Успокойтесь оба. Мы все на взводе, — говорит Таракан, осматриваясь и оценивая причиненный им ущерб. Качает головой, потом его внимание привлекает Кардан. Он подходит к принцу, рассматривает его

лицо. Черные губы расползаются, обнажая в довольной гримасе зубы. Он поворачивается ко мне. — Хорошо, что хоть кто-то из нас сохранил холодную голову.

— Привет, — произносит Кардан, поднимая брови и посматривая на Таракана так, словно они сидят за чашкой чая.

После прогулки под столами, после того, как я схватила его и связала, одежды принца не в лучшем состоянии, а его печально известный хвост выбился из-под белого батиста рубашки. Он тонкий, почти безволосый, с пучком черного меха на кончике. Пока я смотрю, хвост свивается дрожащими кольцами, трепыхается, как змея, и выдает главное: несмотря на надменный вид, Кардан ни в чем не уверен и испуган.

Теперь понятно, почему он прячет эту штуку.

— Надо его убить, — говорит Призрак, остановившись в дверном проеме; его светло-каштановые волосы беспорядочно падают на лоб. — Он единственный член королевской семьи, который может короновать Балекина. Без Кардана трон будет навеки утерян, и мы отомстим за Дайна.

Кардан делает быстрый вдох, потом медленно выпускает воздух.

— Я бы предпочел жить.

— Мы больше не работаем на Дайна, — напоминает Таракан, и крылья его носа, похожего на длинный зеленый нож, вспыхивают. — Дайн мертв, и ему дела нет до тронов и корон. Мы продадим принца Балекину за то, что сумеем выторговать, и уйдем. Затеряемся среди малых Дворов или в массе свободного народа. Там весело, и у нас будет золото. Можешь пойти с нами, Джуд. Если хочешь.

Соблазнительное предложение. Гори оно все огнем. Начать заново там, где меня никто не знает, кроме Призрака и Таракана.

— Я не хочу денег Балекина, — сплевывает на пол Призрак. — А больше этот принц-мальчишка ни на что не годен. Слишком юн, слишком слаб.

Если не из мести за Дайна, давайте убьем его во имя Волшебной страны.

— Слишком молод, слишком слаб, слишком спесив, — вставляю я.

— Погодите, — говорит Кардан. Я много раз воображала его испуганным, но действительность превзошла мои ожидания. С удовольствием наблюдаю, как учащается его дыхание, как он извивается в путах, которые я завязала надежными узлами. — Погодите! Я расскажу вам, что знаю про Балекина, про кого угодно. Если хотите золота, богатства, я могу достать их для вас. Я знаю путь в сокровищницу Балекина. У меня десять ключей от десяти дверей во дворце. Я могу быть

полезен.

О таком Кардане я могла только мечтать. Умоляющем. Униженном. Беспомощном.

— Что ты знал о планах твоего брата? — спрашивает Призрак, отрываясь от стены, и хромает к принцу.

Кардан трясет головой.

— Только то, что Балекин презирал Дайна. Я тоже его презирал. Он был достоин презрения. Я не знал, что Балекин сумел убедить в этом и Мадока.

— Что ты имеешь в виду под словами «достоин презрения»? — возмущенно спрашиваю я, хотя рана на моей руке еще не зажила. Смерть Дайна смысла обиду на него.

Кардан загадочно смотрит на меня.

— Дайн отравил своего собственного ребенка, когда тот еще был в утробе матери. Он работал на нашего отца, потому что король доверял только ему. Спроси у них — наверняка шпионы Дайна знают, как он заставил Элдред поверить, что Эловин плетет против него заговор, как он убедил короля, что Балекин — глупец. Дайн организовал мое изгнание из дворца, вынудил просить приюта у старшего брата либо остаться бездомным, без пристанища при Дворе. Он отравлял вино Элдреда — поэтому Король был таким усталым и больным — и убедил его отречься. Не помогло даже заклятие короны.

— Этого не может быть. — Я думаю о Лириопе, о письме, о том, как Балекин хотел узнать, кто добыл яд. Но Элдреда нельзя было отравить румяным грибом.

— Спроси своих друзей, — настаивает Кардан, кивая на Таракана и Призрака. — Один из них применил яд, убивший ребенка и его мать.

Я качаю головой, но Призрак отводит взгляд.

— Почему Дайн сделал это?

— Потому что зачал ребенка с супругой Элдреда и боялся, что Элдред узнает и назначит наследником другого из нас. — Похоже, Кардан доволен, что ему удалось удивить меня — удивить нас, как я понимаю по лицам Таракана и Призрака. Мне не нравится, как они теперь на него смотрят, хотя, в конце концов, он может чего-то стоить. — Даже Королю Волшебной страны не понравится, если сын займет его место на ложе возлюбленной.

Меня вроде бы не должно шокировать, что при Дворе Волшебной страны царят разврат и мерзость. Я знаю об этом, как и о том, что Мадок может творить отвратительные вещи с людьми, о которых должен заботиться. Насколько мне известно, и Дайн никогда не был добреньким.

Он заставил меня насквозь пронзить собственную руку. Он ценил меня за полезные качества, только и всего.

Народ Волшебной страны, может быть, и красив, но его красота наводит на мысль о шкуре убитого золотистого оленя, под которой кишат трупные черви и которая вот-вот прорвется от гноя.

Меня тошнит от запаха крови. Она у меня повсюду — на платье, под ногтями, в ноздрях. Чем же я лучше фейри?

«Продать принца Балекину». Обдумываю эту мысль. Балекин будет у меня в долгу. Я буду принята при дворе, о чем некогда мечтала. Он даст мне все, что попрошу, любую из вещей, обещанных Данном, и даже больше: землю, рыцарство, любовную метку на челе, и каждый, кто посмотрит на меня, будет изнывать от желания; и меч, каждый удар которого налагает чары.

И все же ничего из этого больше не кажется желанным. Ни одна из этих вещей не заключает в себе подлинной власти. Подлинную власть нельзя подарить. Подлинную власть нельзя отобрать.

Я думаю о том, каким Верховным Королем будет Балекин, потому что Круг граклов поглотит все остальные круги влияния. Думаю о его голодных слугах, о том, как он подстрекал Кардана убить одного из них для тренировки, как, проповедуя любовь к семье, приказал избить Кардана.

Нет, не могу представить себя служанкой Балекина.

— Принц Кардан — мой пленник, — напоминаю я, прохаживаясь взад-вперед. Я во многом не разбираюсь, да и хорошим шпионом была очень недолгое время. Но я не хочу сдавать позиций. — Мне предстоит решать его участь.

Таракан и Призрак обмениваются взглядами.

— Конечно, если мы не хотим устроить драку, — говорю я, потому что они мне не друзья и нужно помнить об этом. — Но у меня есть доступ к Мадоку. У меня есть доступ к Балекину. У меня наилучшие шансы уладить это дело.

— Джуд, — предостерегающе произносит Кардан со своего стула, но я не нуждаюсь в предостережениях, особенно от него.

Наступает напряженный момент, но потом Таракан криво ухмыляется.

— Нет, девочка, мы не будем драться. Если у тебя есть план — я рад. Я не мастак по части планов, если только речь не идет о том, как стащить камень из красивой оправы. Ты стащила мальчишку — принца. Это твоя игра, если считаешь, что сумеешь выиграть.

Призрак хмурится, но не возражает.

Я должна собрать части головоломки в целое. Вот чего я не могу

понять: почему Мадок поддерживает Балекина? Балекин жесток и непостоянен, эти два качества нежелательны для монарха. Даже если Мадок верит, что Балекин разрешит ему воевать, то этого можно было добиться другими способами.

Я думаю о письме, найденном на столе Балекина и адресованном матери Никасии: «Я знаю, где найти румяный гриб, о котором вы спрашиваете». Зачем, спустя столько времени, Балекину потребовались доказательства, что Дайн организовал убийство Лириопы? И если он их нашел, то почему не предоставил Элдреду? Или предоставил, но Элдред ему не поверил. Или... Если только доказательства не уличали кого-то другого.

— Когда отравили Лириопу? — спрашиваю я.

— Семь лет назад, в месяц бурь, — отвечает Призрак, кривя губы. — Дайн сказал мне, что его посетило предвидение насчет этого ребенка. Это важно или тебе просто любопытно?

— Что за предвидение?

Он трясет головой, словно не желая вспоминать, но отвечает.

— Если бы мальчик родился, принц Дайн никогда бы не стал королем.

Надо же быть таким дураком, чтобы разрабатывать стратегию, основываясь на загадках.

— Значит, это правда, — спокойно говорит Таракан. — Ты ее убил. — Призрак мрачнеет еще сильнее. Мне раньше и в голову не приходило, что они могут не знать о заданиях друг друга.

Заметно, что оба чувствуют себя неловко. Интересно, Таракан пошел бы на такое? И как мне теперь относиться к Призраку? Смотрю на него и не знаю, кто передо мной.

— Сейчас я иду домой. Сделаю вид, что потерялась на пирушке. Постараюсь выяснить, какую ценность для них представляет Кардан. Вернусь завтра и изложу подробности вам обоим и Бомбе, если она здесь. Дайте мне один день разобраться, что я могу сделать, и поклянитесь не принимать решений до моего возвращения.

— Если у Бомбы больше ума, чем у нас, она затаилась и выжидает удобного момента. — Таракан показывает на шкаф. Призрак молча подходит и достает из него бутылку, которую ставит на обшарпанный деревянный стол. — Откуда нам знать, что ты нас не предашь? Даже если сейчас ты считаешь, что на нашей стороне, то, побывав в доме Мадока, можешь изменить решение.

Я задумчиво смотрю на Таракана и Призрака.

— Оставляю Кардана под вашим присмотром, значит, доверяю вам.

Обещаю, что не предаю, а вы пообещайте, что принц будет здесь, когда я вернусь.

Кардан заметно повеселел, поняв: что бы ни случилось дальше, оно откладывается. А может, он почувствовал облегчение при виде бутылки.

— Ты можешь стать творцом королей, — замечает Призрак. — Это соблазнительно. Балекин останется в еще большем долгу перед твоим отцом.

— Он мне не отец, — резко бросаю я. — И даже если я решу объединиться с Мадокком, какое вам дело — он заплатит.

— Полагаю, никакого, — неохотно отвечает Призрак. — Однако если ты вернешься с Мадокком или кем-нибудь еще, мы убьем Кардана. А потом убьем тебя. Поняла?

Я киваю. Если бы не заклятие принца Дайна, они могли бы меня принудить. Конечно, я не знаю и знать не хочу, действует ли заклятие принца Дайна после его смерти.

— И если ты не уложишься в один день, который просишь, и не вернешься, мы тоже его убьем,

чтобы застраховаться от ущерба, — продолжает Призрак. — Пленники — как спелые плоды чернослива: чем дольше их хранишь, тем меньше они стоят. И, в конце концов, портятся. Один день и одна ночь. Не опоздай.

Кардан вздрагивает и старается поймать мой взгляд, но я будто не замечаю его.

— Согласна, — отвечаю я, потому что не дура. Никто из нас сейчас не доверяет друг другу. — Тогда клянитесь, что Кардан будет здесь целый и невредимый, когда я завтра вернусь сюда одна.

Они тоже не дураки, поэтому клянутся.

ГЛАВА 23

Я не знаю, что увижу, когда вернусь домой. ДОЛГО иду через лес, обхожу те места, где расположились палатки приехавших на коронацию гостей. Платье покрыто грязью, подол истрепался, ноги замерзли и болят. Наконец добираюсь. Владения Мадока выглядят, как всегда.

Думаю о платьях, висящих в моем шкафу в ожидании, когда их наденут, о туфлях, ждущих, что в них станут танцевать. Думаю о будущем, каким я его представляла раньше, и о пропасти, разверзшейся у меня под ногами в настоящем.

В холле замечаю, что рыцарей больше, чем обычно, они входят и выходят из кабинета Мадока. Туда-сюда снуют слуги, носят кружки, чернильницы и карты. Лишь немногие обращают на меня внимание.

По залу проносится крик. Это Вивьен. Они с Орианой появились в гостиной. Виви бросается ко мне, обнимает.

— Я уже хотела его убить, — говорит она. — И убила бы, если бы ты пострадала из-за его глупого плана.

Стою неподвижно. Потом поднимаю руку, касаюсь ее волос, кладу ладонь на плечо.

— Я в порядке. Просто затерялась в толпе. Все нормально.

Само собой, далеко не все нормально. Но никто мне не возражает.

— Где остальные?

— Оук в постели, — говорит Ориана. — Тарин где-то у кабинета Мадока. Будет через минуту.

При этих словах в лице Виви что-то меняется, но я не могу понять его выражения.

Поднимаюсь по лестнице в свою комнату, смываю краску с лица и грязь с ног. Виви следует за мной, устраивается на табурете. В солнечном свете, льющемся с балкона, ее кошачьи глаза горят золотым огнем. Она молчит, а я беру гребень и принимаюсь расчесывать свалевшиеся волосы. Потом одеваюсь в темные цвета — синюю тунику с высоким воротником и узкими рукавами, блестящие черные сапожки, на руки натягиваю новые перчатки. Затягиваю тяжелый пояс, пристегиваю к нему меч и незаметно опускаю в карман кольцо с королевской печаткой.

Кажется нереальным, что я снова в своей комнате с ее мягкими игрушками, книгами и коллекцией ядов. С экземпляром «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье», принадлежавшим Кардану, на

прикроватном столике. На меня накатывает приступ паники. Предполагается, что я должна выяснить, как обратить себе на пользу захват пропавшего принца Фейриленда. Здесь, в доме, где прошло мое детство, мне уже хочется смеяться над собственной дерзостью. За кого я себя принимаю, в конце концов?

— Что с твоим горлом? — интересуется Виви, нахмурившись. — И чем ты повредила левую руку?

Я забыла о том, что раньше тщательно скрывала эти раны.

— Это неважно по сравнению с тем, что произошло. Почему он это сделал?

— Ты имеешь в виду, почему Мадок помог Балекину? — спрашивает она, понижая голос. — Не знаю. Политика. Его не волнуют убийства. Ему наплевать, что по его вине погибла принцесса Рия. Ему все равно, Джуд. Ему всегда было все равно. Поэтому он — чудовище.

— Мадок не может на самом деле желать, чтобы Балекин правил Эльфхеймом, — говорю я. — Балекин станет вмешиваться во взаимодействие Волшебной страны с миром смертных, решать, сколько крови должно пролиться и чьей, и это растянется на века. Вся Волшебная страна станет похожа на Полый зал.

Снизу доносится голос Тарин:

— Локк с Мадокком уже много лет. Но ему ничего не известно о том, где прячется Кардан.

Виви замолкает, смотрит мне в лицо.

— Джуд... — произносит она. Голос ее больше похож на тихий выдох.

— Возможно, Мадок просто пытается его напугать, — говорит Ориана. — Ты знаешь, ему не по душе устраивать свадьбу в разгар всей этой неразберихи.

Виви не успевает ничего сказать, не успевает остановить меня — я бросаюсь из комнаты к лестнице.

Мне вспоминаются слова Локка после турнира, на котором я сражалась и победила Кардана: «Потому что ты, как история, которая еще не случилась и частью которой я хочу быть. Потому что хочу видеть, что ты будешь делать».

Имел ли он в виду, что его интересует, как я поведу себя, если он разобьет мое сердце?

«Когда найти интересную историю не удастся, я создаю ее».

Когда-то я спросила Кардана, достойна ли Локка. Его ответ эхом звучит в моей голове. «Вы идеально подходите друг другу». А фраза на коронации... Как он там сказал: «Пора менять партнеров. О... украл твою

реплику?»

Он знал. Как, должно быть, смеялся. Как смеялись они все.

— Кажется, я догадываюсь теперь, кто твой возлюбленный, — громко говорю я своей сестре-близняшке.

Тарин поднимает голову и бледнеет. Я медленно и осторожно спускаюсь по ступеням.

Интересно, когда Локк смеялся со своими друзьями, она смеялась вместе с ними?

Ее странные взгляды, напряжение в голосе, когда я заговаривала о Локке, ее озабоченность, когда мы вместе были на конюшне или в его доме, — все вдруг обрело ясный и зловещий смысл. Я ощущаю резкую боль от предательства.

И обнажаю Закат.

— Вызываю тебя, — кричу я Тарин. — На дуэль. За мою оскорбленную и униженную честь.

Тарин недоуменно смотрит на меня.

— Я собиралась рассказать, — выговаривает она. — Много раз собиралась, но как-то не смогла. Локк сказал, что если я вытерплю, то это будет проверка любви.

Вспоминаю его слова перед коронацией: «Достаточно ли сильно ты любишь, чтобы отказаться от меня? Разве это не испытание любви?»

Кажется, она прошла проверку, а я провалила.

— Значит, он сделал тебе предложение. Пока убивали королевскую семью. Как романтично.

Ориана негромко охает — наверное, боится, что меня услышит Мадок и сделает замечание. Тарин тоже слегка бледнеет. Раз никто из них произошедшего не видел, им могли рассказать все, что угодно. И даже лгать бы не пришлось.

Я крепче сжимаю рукоять меча.

— После каких слов Кардана ты заплакала в тот день, когда мы вернулись из мира смертных? — Я помню, как взяла его за грудки, сминая бархат камзола, и ударила спиной о дерево. А потом она отрицала, что это имело ко мне отношение. И позже не хотела говорить правду.

Несколько долгих мгновений она молчит. По выражению ее лица я вижу, что ей не хочется говорить правду.

— Он говорил про это, не так ли? Он знал. Они все знали. — Я думаю о Никасии, сидевшей тогда за обеденным столом Локка; в какой-то момент она, похоже, решила мне довериться. «Он все портит. Ему так нравится. Все портить».

Тогда я подумала, что речь идет о Кардане.

— Он сказал, что это из-за меня он испачкал твой бутерброд, — кротко говорит Тарин. — Локк хитростью заставил их думать, что это ты увела его у Никасии. Поэтому тебя они и наказывали. Кардан говорил, что ты страдаешь за меня и, если бы ты узнала почему, уступила бы, но я не смогла тебе рассказать.

Я долго молчу, просто вдумываюсь в ее слова. Потом бросаю свой меч между нами. Он с лязгом падает на пол.

— Подними, — требую я.

Тарин качает головой.

— Я не хочу с тобой драться.

— Уверена? — Я стою прямо перед ней. Совсем близко. Знаю, как ей хочется схватить меня за плечи и оттолкнуть. Должно быть, ее бесит, что я целовала Локка, спала в его постели. — А мне кажется, хочешь. Думаю, ты с удовольствием ударила бы меня. А я точно знаю, что хочу ударить тебя.

На стене, высоко над камином, под шелковым стягом с перевернутым месяцем, гербом Мадока, висит меч. Я забираюсь на стул, с него шагаю на каминную полку и снимаю оружие с крюка. Подойдет.

Спрыгиваю на пол и иду к ней, нацелившись клинком в сердце.

— Я не упражнялась, — говорит она.

— В отличие от меня. — Я подхожу ближе. — Но у тебя меч лучше и право первого удара. Это честно, даже более чем честно.

Тарин смотрит на меня, потом поднимает Закат. Делает несколько шагов назад, потом идет на сближение.

На другом конце зала Ориана вскакивает с кресла и ахает, но к нам не подходит. И даже не останавливает нас.

Столько всего порушилось, что я не знаю, как это собрать. Но я знаю, как драться.

— Не будьте идиотками! — кричит Виви с балкона. Я не могу себе позволить обращать на нее внимание. Я слишком сосредоточена на Тарин. Мадок учил нас обеих, и хорошо учил.

Тарин наносит удар.

Я отбиваю, наши мечи скрещиваются. Металл поет, по залу идет звон, как от удара в колокол.

— Приятно было обманывать меня? Нравилось чувствовать, что ты чем-то лучше? Нравилось, что он флиртует со мной, целует меня, а на тебе обещает жениться?

— Нет! — Она с некоторым усилием парирует серию моих ударов, но тело ее помнит, как надо пользоваться мечом. Тарин скалится. — Мне это

было ненавистно, но я не такая, как ты. Я хочу принадлежать этому миру. Противиться им — значит делать все хуже. Ты не спрашивала меня перед тем, как выступила против принца Кардана — может, он начал это из-за меня, а ты просто продолжала делать свое дело. Тебя не заботило, что это навлечет неприятности на наши головы. Мне пришлось доказывать Локку, что я другая.

Несколько слуг собрались поглазеть.

Игнорирую их, не обращаю внимания на ломоту в руках после рытья могилы прошлой ночью, на боль в пронзенной ладони. Мой клинок разрезает юбку Тарин, едва не задев кожу. Она таращит глаза и отшатывается назад.

Мы обмениваемся сериями быстрых ударов. Тарин начинает задыхаться — не привыкла к такому напору, но не уступает.

Я наседаю и наношу удар за ударом, так что ей не остается ничего другого, как защищаться.

— Значит, это была месть? — Еще девчонками мы устраивали схватки на палках. С тех пор ограничивались тасканием за волосы, оскорбительными криками и игнорированием друг друга. Никогда не сражались вот так — настоящей сталью.

— Тарин! Джуд! — пронзительно кричит Виви, сбегая по винтовой лестнице. — Остановитесь, или я вас остановлю.

— Ты ненавидишь фейри. — Глаза Тарин горят, она делает элегантное движение и наносит удар. — Тебя никогда не волновал Локк. Просто еще одна вещь, которую нужно отобрать у Кардана.

Эти слова так поражают меня, что Тарин удаётся пробить мою защиту. Ее меч касается моего бока прежде, чем я успеваю уклониться. — Думаешь, я слабая?

— Ты слабая, — говорю я. — Слабая и жалкая, а я...

— Я зеркало, — кричит она. — Зеркало, в которое ты не хочешь смотреться.

Снова замахиваюсь, стараясь вложить в удар весь свой вес. Я так зла, так зла на очень многое. Ненавижу свою глупость. Злюсь, что меня обманули. Во мне рычит ярость — достаточно громко, чтобы заглушить все посторонние мысли.

Мой меч по сверкающей дуге устремляется к ее боку.

— Я сказала: прекратить, — кричит Виви, и я слышу, что ее голос пронизан чарами. — Прекратить сейчас же!

Тарин словно сдувается, опускает руки, Закат безвольно свисает из ее внезапно ослабевших пальцев. На лице отсутствующая улыбка, словно она

прислушивается к звукам далекой музыки. Я пытаюсь контролировать движение меча, но уже слишком поздно. Вместо этого выпускаю рукоять. Клинок по инерции летит по залу, ударяется о книжную полку и сбивает на пол бараний череп, а я растягиваюсь на полу.

Поворачиваю голову и ошеломленно смотрю на Виви.

— Ты не имела права. — Слова слетают с моих губ прежде, чем я понимаю, что могла разрубить Тарин надвое.

Она тоже потрясена, как и я.

— Ты не поддалась моим чарам! Я же видела, что ты переменила одежду, и думала, что ягод рябины у тебя нет.

Заклятие Дайна. Оно не потеряло силу с его смертью.

Колени у меня ослабли. Руки трясутся. Бок саднит в том месте, где его задел Закат. Я в ярости от того, что она остановила бой, что применила магию против нас. Рывком поднимаюсь на ноги. Дыхание у меня сбилось. На лбу пот, руки и ноги дрожат.

Сзади меня хватают чьи-то руки, еще трое слуг вклиниваются между нами; меня держат за запястья. Двое оттаскивают от меня Тарин. Виви дует ей в лицо, и Тарин понемногу приходит в себя.

В этот момент я вижу, как из своей приемной появляется Мадок в сопровождении лейтенантов и рыцарей. И Локк с ними.

Сердце мое сжимается.

— Да что с вами обеими? — кричит Мадок; таким разгневанным я его никогда не видела. — Разве мало сегодня смертей?

Слова его звучат парадоксально, ведь именно он и явился причиной того, что так много фейри сложили головы.

— Вы обе будете ждать меня в игровой комнате. — У меня перед глазами встает сцена: Мадок на помосте с хрустом вонзает меч в грудь принца Дайна. Я не могу смотреть на него. Меня всю трясет. Хочется закричать. Броситься на него. Снова чувствую себя ребенком, беспомощным ребенком в доме смерти.

Хочу сделать хоть что-нибудь, но не делаю ничего.

Мадок поворачивается к Гнарбону.

— Ступай с ними. Присмотри, чтобы держались подальше друг от друга.

Меня уводят в игровую комнату; я опускаюсь на пол и закрываю лицо ладонями. Когда отнимаю их, они мокрые от слез. Быстро оттираю пальцы, чтобы Тарин не увидела.

Мы ждем не меньше часа. Все это время в комнате царит молчание. Немного похныкав, Тарин вытирает нос и больше не плачет.

Думаю о Кардане, которого привязала к стулу, чтобы потешить себя. Вспоминаю его взгляд сквозь спутанные, черные, как вороново крыло, волосы, кривую пьяную улыбку, и мне несколько не легче.

Чувствую себя измотанной, потерпевшей полное и окончательное поражение.

Ненавижу Тарин. Ненавижу Мадока. Ненавижу Локка. Ненавижу Кардана. Всех ненавижу. Просто моя ненависть недостаточно сильна.

— Что он тебе подарил? — спрашиваю у Тарин, наконец нарушая молчание. — Мадок дал мне меч, который изготовил наш отец. Тот самый, которым мы сражались. Он говорил, что кое-что приготовил и для тебя.

Тарин долго молчит, мне уже кажется, что она так и не ответит.

— Набор столовых ножей. Якобы они режут даже кости. Меч лучше. У него есть имя.

— Думаю, ты можешь дать имена своим столовым ножам. Мясоруб Старший, Хрящерез, — говорю я, и она тихо прыскает, приглушая смех.

Потом мы снова погружаемся в молчание.

Наконец в комнату входит Мадок; ему предшествует его тень, которая ложится на пол, как ковер. Он бросает ножны с Закатом на пол передо мной и усаживается на диван с ножками в форме птичьих лап. Непривычный к такому весу, диван стонет. Гнарбон кивает Мадоку и уходит.

— Тарин, я должен поговорить с тобой о Локке, — говорит Мадок.

— Ты не причинил ему вреда? — В ее голосе слышны еле сдерживаемые рыдания. Я недобро думаю, уж не допускает ли она, что у Мадока есть такое право.

Он фыркает, словно подумал о том же.

— Когда он просил твоей руки, то сказал мне, что, хотя фейри непостоянны, он все-таки хотел бы взять тебя в жены. Как я полагаю, это значит, что особой верности ты от него не дождешься. Тогда он ничего не сказал о флирте с Джуд, но, когда я через минуту спросил, Локк ответил, что «чувства смертных настолько переменчивы, что невозможно удержаться, чтобы не поразвлечься с ними». Он сказал, что ты, Тарин, показала ему, что можешь быть такой, как мы. Нет сомнения — что бы ты там ни сделала, именно это стало причиной конфликта между тобой и сестрой.

Платье Тарин возвышается вокруг нее, как гора. Она выглядит сдержанной, хотя на боку у нее неглубокий порез, а юбка порвана. Она выглядит как местная леди, если не обращать внимания на закругленные кончики ушей. Когда я позволяю себе честно оценить ситуацию, то понимаю, что не могу винить Локка за его выбор. Я склонна к насилию. Я

неделями отравляла себя ядами. Я убийца, лгунья и шпионка.

Я понимаю, почему он выбрал ее. Просто я хотела бы, чтобы она не предавала меня.

— Что ты ему ответил? — спрашивает Тарин.

— Что я никогда не считал себя таким уж непостоянным, — говорит Мадок. — И что я нахожу его недостойным любой из вас.

Пальцы Тарин сжимаются в кулаки, но только это выдает ее чувства. Она овладела искусством придворного самообладания, а я нет. Меня обучал Мадок, а ее наставницей была Ориана.

— Ты запрещаешь мне принять его предложение?

— Это хорошим не закончится, — вздыхает Мадок. — Но я не буду становиться на твоём пути к счастью. Даже не встану на пути к страданиям, которые ты для себя выбираешь.

Тарин ничего не отвечает, но по ее взгляду понятно, что она чувствует облегчение.

— Иди, — говорит ей Мадок. — И больше никаких поединков с твоей сестрой. Чем бы ни одарил тебя Локк, верность семье прежде всего.

Что он подразумевает под верностью? Я считала, что он верен Дайну. Ведь он присягал ему.

— Но она... — начинает Тарин, и Мадок поднимает руку с изогнутыми черными ногтями в предупреждающем жесте.

— Бросила вызов? Она что, вложила меч в твою руку и заставила замахнуться? Ты действительно думаешь, что у твоей сестры нет чести, что она изрубила бы тебя на куски, если бы ты стояла безоружная?

Тарин вспыхивает, ее подбородок вздрагивает.

— Я не хотела драться.

— Значит, тебе надлежит и дальше так поступать, — заявляет Мадок. — Нет смысла биться, если не намереваешься победить. Можешь идти. Оставь меня для разговора с сестрой.

Тарин встает и идет к двери. Положив руку на тяжелый бронзовый засов, она оборачивается, словно хочет сказать что-то еще. От духа товарищества, сохранявшегося до прихода Мадока, не осталось и следа. По ее лицу вижу, как ей хочется, чтобы Мадок меня наказал, и как она почти уверена, что не накажет.

— Лучше спроси у Джуд, где принц Кардан, — советует она, сузив глаза. — В последний раз, когда я его видела, он с ней танцевал.

Она распахивает дверь и оставляет меня с бешено бьющимся сердцем и королевской печаткой, жгущей мой карман. Она не знает. Просто провоцирует, пытается ввергнуть меня в неприятности, пустив стрелу

напоследок. Не могу поверить, что она сказала бы такое, если бы действительно знала.

— Давай поговорим о твоём сегодняшнем поведении, — говорит Мадок, наклоняясь вперед.

— Давай поговорим о твоём поведении, — возражаю я.

Он вздыхает и проводит широкой ладонью по лицу.

— Ты там присутствовала, не так ли? Я старался удалить вас всех, тебе не следовало этого видеть.

— Я думала, ты любишь принца Дайна, — говорю я. — Думала, что ты его друг.

— Я его достаточно любил, — отвечает Мадок. — Больше, чем Балекина. Но есть другие, которые рассчитывают на мою верность.

Снова думаю о кусочках головоломки, об ответах, за которыми вернулась домой. Что Балекин мог дать или обещать Мадоку, чтобы убедить его выступить против Дайна?

— Кто же? — требовательно спрашиваю я. — Чем можно оправдать все эти смерти?

— Хватит, — рывкает он. — Ты пока не на моем военном совете. Узнаешь все, что тебе положено знать, когда настанет время. А до тех пор позволь мне заверить тебя, что, хотя дела пришли в расстройство, я от своих планов не отказываюсь. Сейчас мне нужен самый младший принц. Если тебе известно, где Кардан, я посоветую Балекину щедро вознаградить тебя. Получишь положение при дворе. И любого жениха, какого захочешь. Или еще бьющееся сердце того, кого ненавидишь.

С удивлением смотрю на него.

— Думаешь, я отберу Локка у Тарин?

Мадок пожимает плечами.

— Похоже, тебе больше хочется снять голову Тарин с плеч. Она обманула тебя. Не знаю, что ты сочтешь достаточным для нее наказанием.

С минуту мы просто смотрим друг на друга. Мадок — чудовище, поэтому, если я захочу сотворить что-то очень плохое, он не будет меня за это осуждать. Почти.

— Если хочешь моего совета, — с расстановкой произносит он, — то любовь, выросшая на страдании, не цветет буйным цветом. Поверь мне, уж я-то знаю. Я люблю тебя, люблю Тарин, но не думаю, что она подходит Локку.

— А я? — Не перестаю думать о том, что мысль Мадока о любви совсем не кажется безобидной. Он любил мою мать. Любил принца Дайна. Похоже, его любовь к нам гарантирует не больше безопасности, чем

любому из них.

— Не думаю, что Локк подходит тебе. — Он скалится в ехидной улыбке. — И если твоя сестра права и тебе известно, где находится принц Кардан, отдай его мне. Он просто фатоватый мальчишка, не умеющий владеть мечом. В каком-то смысле он мил и сообразителен, но не заслуживает, чтобы его защищали.

«Слишком молод, слишком слаб, слишком спесив».

Опять возвращаюсь мыслями к перевороту, устроенному Мадокком и Балекином, гадаю, как он должен был происходить по плану. Убить двух старших принцев, самых влиятельных. Тогда, конечно, Верховный Король уступит и возложит корону на голову самого сильного принца, имеющего поддержку военных. Быть может, неохотно, но под угрозой расправы Элдред должен был короновать Балекина. Однако не стал. Балекин пытался его принудить, а потом началась резня. И все умерли.

Кроме Кардана. За столом почти не осталось игроков.

Вряд ли Мадок рассчитывал, что дело обернется именно так. Но я все еще помню его уроки стратегии. Любой результат плана должен вести к победе.

Хотя никто не способен предусмотреть всех неожиданностей. Это невозможно.

— Я думала, ты прочитаешь мне нотацию о недопустимости поединков на мечях в доме, — говорю я, стараясь увести разговор от опасной темы про местонахождение Кардана. У меня уже есть то, что я обещала Двору теней — предложение. Теперь остается только решить, что с ним делать.

— Должен ли я убеждать тебя в том, что если бы твой меч действительно нанес удар и ты поранила бы Тарин, то жалела бы об этом до конца своих дней? Из всех уроков, преподанных тебе, был один, кажется, который ты усвоила лучше всего. — Он в упор смотрит на меня. Мадок говорит о моей матери. О том, как он убил мою мать.

Мне на это нечего сказать.

— Жаль, что не излила свой гнев на того, кто больше всего этого заслуживает. В такие времена некоторые пропадают без вести. — Он бросает на меня многозначительный взгляд.

Неужели благословляет меня на убийство Локка? Интересно, что он сказал бы, узнав, что я уже убила одного дворянина? Если бы я показала ему тело? Хотя, возможно, и поздравил бы.

— Как тебе спится по ночам? — спрашиваю я. Это плохой вопрос, и не успеваю его задать, как понимаю, что во мне уже полно всего, что я

презираю в Мадоке.

Он хмурит брови, оценивающе смотрит на меня, словно размышляет, какой ответ дать. А я представляю, какой он меня видит — угрюмая девчонка, сидящая перед ним, как перед судьей.

— Некоторым удастся игра на флейте или живопись. Некоторые искусны в любви, — наконец говорит он. — Мой талант — ведение войны. Единственная вещь, которая способна лишить меня сна, — невозможность заниматься любимым делом.

Я медленно наклоняю голову.

Мадок встает.

— Подумай о том, что я сказал, а после подумай, в чем ты талантлива.

Мы оба знаем, в чем я сильнее, кто я такая. Я только что с мечом в руке гоняла сестру вокруг лестницы. Но что делать с этим талантом — вопрос.

Покидая игровую комнату, вижу прибывшего Балекина. В приемной стоят навытяжку рыцари в камзолах с его гербом — тремя смеющимися черными дроздами. Проскальзываю мимо них вверх по лестнице, волоча ножны с мечом за собою — на большее у меня сил не осталось.

Понимаю, что проголодалась, но чувствую себя слишком уставшей, чтобы поесть. Может, про такое состояние говорят — убитый горем? Не уверена, что тоскую по Локку, скорее, по тому миру, в котором жила до коронации. Если бы могла отмотать назад прошедшие дни... Тогда почему не отмотать назад убийство Валериана, почему не вернуть то время, когда мои родители были живы, почему не отмотать все к самому началу?

В дверь стучатся, я не успеваю подать никакого ответного сигнала, как она открывается. Заходит Виви, несет деревянную тарелку с бутербродом и закупоренную бутылку из янтарного стекла.

— Я — ничтожество. И дура, — заранее соглашаюсь я. — Признаю. Можешь не читать мне лекций.

— Думала, ты устроишь мне скандал из-за того, что я применила магию, — говорит она. — Ту, которой ты сопротивлялась.

— Не надо применять магию против своих сестер, — откупориваю бутылку и делаю большой глоток. Даже не думала, что у меня такая жажда. Пью еще, почти осушаю бутылку одним духом.

— А тебе не следовало пытаться разрубить сестру надвое. — Виви устраивается на подушках напротив моих старых мягких игрушек. Лениво подбирает змею и щелкает ее по раздвоенному языку. — Я думала, что это рыцарство и звон мечей — всего лишь игра.

Помню, как она злилась, когда мы с Тарин поддались очарованию

фейри и принялись, забавляясь, подражать им. Венки на головах, стрельба из луков в небо. Поедание засахаренных фиалок и сон с бревном под головой вместо подушки. Мы были всего лишь детьми. Дети могут весь день смеяться, а по ночам плакать, прежде чем заснут. Но увидеть меня с таким же, каким убили моих родителей, мечом в руках и решить, что это шутка... Должно быть, она думает, что у меня нет сердца.

— Нет, не игра, — наконец отвечаю я.

— Не игра, — повторяет Виви, обертывая плюшевую змею вокруг плюшевого кота.

— Она тебе про него говорила? — спрашиваю я, устраиваясь рядом с сестрой на кровати. Так хорошо прилечь. Даже слишком хорошо. Меня сразу же клонит в сон.

— Я не знала, что Тарин с Локком, — отвечает Виви, невольно развеивая мои опасения, что она станет хитрить. — Но я не хочу говорить о Локке. Забудь его. Я хочу, чтобы мы удрали из Волшебной страны. Сегодня ночью.

Эта новость заставляет меня сесть.

— Что?

Моя реакция вызвала ее смех. Какой естественный звук, как он не вписывается в трагедию последних двух дней.

— Я так и думала, что ты удивишься. Послушай, что бы тут дальше ни произошло, ничего хорошего не будет. Балекин — негодяй. И, кроме того, он тупой. Ты бы слышала, как отец ругался по дороге домой. Просто давай убежим.

— Что насчет Тарин? — интересуюсь я.

— Я уже спрашивала у нее и не могу сказать, что она согласна бежать с нами. Хочу, чтобы ты дала мне свой ответ. Послушай, Джуд. Я знаю, что у тебя есть секреты. Ты почему-то болеешь. Ты стала бледнее и похудела, и глаза как-то странно блестят.

— Я в порядке, — возражаю я.

— Лжешь, — отвечает она, но без особого пыла. — Я знаю, что ты застряла здесь, в Волшебной стране, из-за меня. Понимаю, что все самое дерьмовое в твоей жизни случилось тоже из-за меня. По доброте своей ты никогда не говорила об этом, но я все знаю. Тебе пришлось превратиться во что-то другое, и ты это сделала. Я иногда смотрю на тебя и думаю, а помнишь ли ты, что значит быть человеком.

Не знаю, как относиться к ее словам — комплимент и оскорбление в одном предложении. Но в подтексте звучит какое-то пророчество.

— Ты здесь прижилась лучше, чем я, — продолжает Виви. — Но

готова поклясться, что тебе это чего-то стоит.

С трудом представляю себе жизнь, которую могла бы вести там — жизнь без волшебства. Ходила бы в обычную школу, изучала обычные предметы. Там у меня были бы живы отец и мать, а моя старшая сестра считалась бы довольно странной. Я не была бы такой раздражительной. И на моих руках не осталось бы крови. Я рисую себе этот мир и чувствую странное напряжение во всем теле, а желудок сводит спазмом.

Паника охватывает меня.

Когда за той Джуд приходили волки, то они ее сразу съедали, а приходили они всегда. Меня пугает сама мысль о том, что я была такой уязвимой. Но теперь я уверенно следую по тропе, на которой сама превращусь в волчицу. Какая-то неотъемлемая составная часть прежней Джуд утеряна безвозвратно. Виви права; мне приходится платить за то, какой я стала. Только не знаю чем. Не знаю, могу ли повернуть назад. Даже не знаю, хочу ли.

Но, вероятно, могла бы попробовать.

— Что мы станем делать в мире смертных? — задаю я ей вопрос.

Виви улыбается и подталкивает ко мне тарелку с бутербродом.

— Ходить в кино. Ездить по городам. Научимся водить машину. Очень многие из фейри не появляются при Дворе и не занимаются политикой. Мы можем жить как захотим. На чердаке. На дереве. Где захочешь.

— С Хизер? — беру бутерброд и откусываю большой кусок. Ломтики баранины с квашеной зеленью одуванчика. В животе у меня урчит.

— Надеюсь, — отвечает она. — Поможешь мне объяснить ей, что к чему.

До меня впервые доходит, что она, сама того не зная, бежит не для того, чтобы жить по-человечески. Она полагает, что мы станем жить как лесные феи среди смертных, но не с ними. Будем снимать сливки с их чашек и таскать монетки из карманов. Но не станем устраиваться на нудную работу и оседать на одном месте. По крайней мере, она не станет.

Интересно, что об этом подумает Хизер?

Так или иначе с Карданом мы разберемся, а что потом? Даже если я разгадаю загадку писем Балекина, то для меня все равно нет хорошего места. Двор теней будет распущен. Тарин выйдет замуж. Виви убежит. Я могу исчезнуть вместе с ней. Может, попробую узнать, что потеряла, и начать заново.

Надо подумать о предложении Таракана отправиться с ними к другому Двору. Начать заново, но в Фейриленде. Оба варианта мне не очень нравятся, но что еще здесь делать? Я думала, когда окажусь дома, у меня

появится план, а его до сих пор нет.

— Никак не могу бежать сегодня ночью, — поколебавшись, сообщаю Виви.

Она охает и кладет ладонь на сердце.

— Ты должна все серьезно обдумать.

— Есть кое-какие дела, которые надо закончить. Дай мне один день. — Я снова торгуюсь из-за одной и той же вещи — из-за времени. Через день я улажу дела с Двором теней. Будет достигнуто соглашение по поводу Кардана. Так или иначе, все утрясется. Выжму из эльфов плату, какую смогу. И если план так и не появится, придумывать его будет поздно. — Что такое один-единственный день в твоей вечной, бесконечной жизни?

— Один день для решения или один день, чтобы собрать вещи?

Снова откусываю от бутерброда.

— И то и другое.

Виви закатывает глаза.

— Но помни, в мире смертных не будет тех путей, которыми ты ходишь здесь. — Она идет к двери. — Ты не сможешь жить там, как здесь.

Слышу ее шаги в коридоре. Жую бутерброд. Глотаю, но вкуса больше не чувствую.

А что, если путь, которым я иду, — мой путь? Что, если у меня свой путь, не похожий на другие?

Достаю из кармана королевское кольцо Кардана и держу на ладони. У меня не должно быть этого кольца. Смертные руки не должны его касаться. Даже смотреть на него вот так, вблизи, кажется неправильным, хотя я все равно смотрю. Золото наполнено насыщенным красноватым оттенком, а ободок кольца отполирован от постоянного трения о пальцы. В печатке застрял крошечный кусочек воска, и я пытаюсь ногтем выковырять его. Интересно, сколько это кольцо может стоять в мире людей?

И не успев подумать, что не стоило этого делать, надеваю его на свой недостойный палец.

ГЛАВА 24

На следующий день просыпаюсь после полудня со вкусом яда во рту. Я уснула прямо в одежде, обняв ножны с Закатом.

Хотя мне этого делать и не хочется, крадусь к двери Тарин и стучусь. Нужно сказать ей кое-что до того, как мир опять перевернется. Хочу, чтобы между нами все стало ясно. Однако никто не отзывается, а когда я поворачиваю ручку двери и заглядываю, то вижу, что комната пуста.

Спускаюсь вниз, в покои Орианы, в надежде, что она подскажет мне, где Тарин. В открытую дверь вижу, что она на балконе, смотрит на деревья и озеро за ними. Ветер раздувает полы тонкого платья и взбивает ее волосы, и они трепещут за спиной, как бледное знамя.

— Что вы делаете? — спрашиваю я, заходя в комнату.

Ориана удивленно оборачивается. Легко понять — як ней раньше не заходила.

— Когда-то у моего народа были крылья, — отвечает она, и в ее голосе сквозит тоска. — И хотя я никогда крылья не носила, чувствую, как их не хватает.

Уж не хочет ли она подняться в небо и улететь подальше от всего этого, раздумываю я.

— Вы видели Тарин? — Столбы возле ложа Орианы обвивает виноград, стебли у лозы ярко-зеленые. Над постелью, источая насыщенный аромат, висят охапки голубых цветов. Кажется, и присесть некуда — повсюду растения. Трудно представить, что Мадоку здесь удобно.

— Она уехала в дом своего суженого, но завтра они придут в усадьбу Верховного Короля Балекина. Ты тоже там будешь. Он устраивает пир для твоего отца и нескольких правителей. Мы рассчитываем, что вы не будете проявлять такой враждебности друг к другу.

Даже думать не могу обо всем этом ужасе и несуразице — платья из паутины, тяжелый запах эльфийских фруктов, висящий в воздухе, не говоря уже о том, что придется делать вид, будто Балекин нечто большее, чем убийца и чудовище.

— Оук поедет? — спрашиваю я и тут же чувствую укол боли и сожаления. Если я убегу, то не увижу, как вырастет мальчонка.

Ориана стискивает ладони, подходит к туалетному столику. Здесь висят ее драгоценности: длинные бусы из необработанного хрусталя, перемежаемого пластинками агата, ожерелье из лунного камня и кровавика,

опаловая подвеска, горящая на солнце, как огонь. А на серебряном подносе рядом с парой рубиновых сережек в форме звезд лежит золотой желудь.

Золотой желудь, близнец того, что я нашла в кармане платья, которое мне дал Локк. То платье принадлежало когда-то его матери. Лириопе. Матери Локка. Думаю о ее сумасбродствах, веселых нарядах, о ее покрытой пылью спальне. О том, как желудь раскрылся и в нем оказалась говорящая птичка.

— Я пыталась убедить мужа, что Оук слишком мал и будет очень скучать на обеде, но Мадок настоял, чтобы он ехал. Может, тебе удастся сесть возле него и занять чем-то интересным.

Размышляю об истории Лириопы, которую рассказала мне Ориана, когда поверила, что я стала достаточно близка к принцу Дайну. Вспоминаю, что Ориана, до того, как стать женой Мадока, была супругой Верховного Короля Элдредра. Почему ей пришлось так быстро снова выходить замуж? Что она хотела утаить или спрятать?

Я думаю о записке, найденной на столе Балекина, о той, что была в руке у Дайна, о сонете, воспевающим даму с волосами цвета утренней зари и глазами, как звезды.

Вспоминаю, что сказала птичка:

Друг мой дражайший, ты слышишь прощальные слова Лириопы. У меня три золотые птички. Три попытки доставить хотя бы одну в твои руки. Принимать противоядие уже поздно, а потому, если ты слышишь это, я оставляю тебе бремя моих секретов и последнее желание моего сердца. Защити его. Увези подальше от опасностей этого двора. Сбереги его и никогда, никогда не рассказывай правду о том, что случилось со мной.

Я снова думаю о стратегии, о Дайне, Ориане и Мадоке. Вспоминаю, как Ориана впервые появилась у нас. Как быстро родился Оук и как нам месяцами не позволяли видеть его, потому что он оказался очень болезненным. Как она постоянно ограждала мальчика от нашего присутствия, и, возможно, по другой причине.

Тогда я решила, что ребенок, которого Лириопа просит забрать и защитить, это Локк. А что, если ребенок, которого она носила, не погиб вместе с ней?

Чувствую, что мне не хватает воздуха, не могу вымолвить ни слова, потому что они застревают у меня в горле. Даже не до конца уверена, о чем сейчас спрошу, хотя знаю — это единственное объяснение, имеющее смысл.

— Оук — не ребенок Мадока, ведь так? По крайней мере не больше, чем я?

«Если мальчик родится, принц Дайн никогда не будет королем».

Ориана зажимает мне рот ладонью. От ее кожи исходит запах воздуха после снегопада.

— Не говори этого, — шепчет она мне прямо в лицо, и голос ее дрожит. — Никогда больше не говори этого. Если ты когда-нибудь любила Оука, не произноси этих слов.

Я отталкиваю ее руку.

— Принц Дайн был его отцом, а Лириопа — матерью. Оук — вот причина, по которой Мадок поддержал Балекина и решил убить Дайна. А теперь он — тот ключ, который открывает дорогу к трону.

Глаза ее расширяются, она берет мою прохладную ладонь в свои руки. Ориана всегда казалась мне странной — существо из сказок, бледное, как привидение.

— Как ты можешь это знать? Откуда тебе это известно, человеческое дитя?

Не принц Кардан самая ценная персона в Волшебной стране. Я ошибалась.

Быстро закрываю дверь и запираю балкон. Ориана наблюдает за мной и не выражает протеста.

— Где он сейчас? — спрашиваю я.

— Оук? С няней, — шепчет она и ведет меня к маленькому угловому дивану, обитому парчой с изображениями змей и застланному мехами. — Быстро рассказывай.

— Сначала вы расскажите, что случилось семь лет назад.

Ориана глубоко вздыхает.

— Ты можешь подумать, что я ревновала Лириопу как новую супругу Элдреда, но это не так. Я ее любила. Она всегда была весела, и не любить ее было невозможно; хотя ее сын встал между тобой и Тарин, я любила и его, пусть и не так сильно, — ради его матери.

Интересно, что чувствовал Локк, когда его мать стала возлюбленной Верховного Короля. Ярываюсь между симпатией к нему и желанием превратить его жизнь в сплошное страдание.

— Мы стали наперсниками, — рассказывает Ориана. — Когда у нее начались отношения с принцем Даином, она рассказала мне. Казалось, она не воспринимает их всерьез. Думаю, она очень любила отца Локка. Дайн и Элдред стали для нее развлечениями. Как тебе известно, наш народ не сильно беспокоится, что могут случиться дети. У фейри жидкая кровь. Полагаю, ей и в голову не приходило, что она может зачать второго сына, ведь после рождения Локка прошло всего десять лет. У некоторых из нас от

родов до родов проходят века. А некоторые никогда не рожают.

Я киваю. Поэтому им необходимы люди — мужчины и женщины. Без притока свежей крови фейри вымрут, как бы бесконечно ни продолжалась их жизнь.

— Отравление румяным грибом — ужасная смерть, — говорит Ориана, поднося руку к горлу. — Ты начинаешь медленнее двигаться, руки и ноги дрожат, потом вообще пошевелиться не можешь. Но остаешься в сознании, пока все в тебе не замрет, как остановившийся часовой механизм. Вообрази весь ужас подобного положения, безуспешные попытки пошевелиться, угасающую надежду, что еще поживешь. К тому времени, как я получила послание, она уже умерла. Я разрежала... — Голос Орианы срывается. Нетрудно догадаться, чем должен кончиться рассказ. Она вырезала ребенка из утробы Лириопы. Не могу представить, как чопорная, аккуратная Ориана отважилась на такое страшное и необычайное дело, как она вдавливала острие ножа в плоть, отыскивая нужное место, а потом резала. Доставала ребенка из чрева и держала его мокрое тельце перед собой. А кто еще мог такое сделать?

— Вы спасли его, — говорю я, потому что если ей трудно рассказывать про это, то не надо и заставлять.

— Имя подсказал желудь Лириопы, — произносит она еле слышным шепотом. — Мой маленький Оук, золотой Дубок. Мне очень хотелось верить, что служба Дайну — большая честь, что за такими, как он, стоит идти. Вот что бывает, когда слепо стремишься к чему-то: сначала с жадностью пожираешь плод, а потом оказывается, что он гнилой.

— Вы знали, что Лириопу отравил именно Дайн?

Ориана качает головой.

— Долгое время не знала. Это могла быть одна из любовниц Элдреда. Или Балекин — ходили слухи, что виновен он. Я даже думала, уж не Элдред ли это устроил — за то, что она флиртвала с его сыном. А потом Мадок узнал, что Дайн добыл ядовитые грибы. Он строго-настрого запретил мне подпускать Оука к принцу. Пришел в страшную ярость, таким обозленным я его никогда не видела.

Нетрудно догадаться, почему Дайн вызвал гнев Мадока. Мадок тоже когда-то думал, что его жена и ребенок погибли. Мадок любил Оука. И постоянно напоминал нам, что семья — прежде всего.

— И вы вышли замуж за Мадока, потому что он способен защитить вас? — У меня остались лишь смутные воспоминания, как он ухаживал за Орианой, а потом, когда ребенок уже был на подходе, они принесли обеты. Может, тогда мне это показалось необычным, но каждый имеет право на

счастье.

В то же время для меня это событие могло обернуться несчастьем, потому что мы с Тарин беспокоились, как новый ребенок повлияет на нашу судьбу. Мы допускали, что Мадок захочет избавиться от нас — отправит куда-нибудь с карманами, набитыми золотом, и с записками, приколотыми к платью. Однако наши опасения не оправдались.

Сквозь стеклянные двери балкона Ориана смотрит, как ветер качает деревья.

— Мы с Мадокom нашли взаимное понимание. И не претендуем друг на друга.

Понятия не имею, что это значит, но, похоже, она говорит о браке по холодному расчету.

— Какую лее игру он ведет? — спрашиваю я. — Не думаю, что он позволит Балекину долго удерживать трон. С точки зрения стратегии непозволительно упускать такую возможность.

— О чем ты говоришь? — Ориана искренне недоумевает. Подумать только, у них нет претензий друг к другу.

— Он собирается посадить Оука на трон, — объясняю я как нечто само собой разумеющееся. Потому что это очевидно. Не знаю, как он намерен сделать это и когда, но уверена, что намерен. Конечно, намерен.

— Оук, — шепчет Ориана. — Нет, нет, нет. Джуд, он всего лишь ребенок.

«Увези подальше от опасностей этого двора». Вот что сказано в послании Лириопы. Возможно, Ориане следовало прислушаться к этим словам.

В голове всплывает воспоминание, как несколько лет назад за обеденным столом Мадок говорил о том, насколько уязвим трон в период смены власти. Что бы он ни замышлял против Балекина, Мадок должен ясно видеть открывшиеся перед ним возможности, потому что из королевской семьи уцелели только трое. Теперь я почти уверена, что таков был его замысел: Дайн погибает, Балекин тоже, короновать на трон Верховного Короля некого, и Мадок ведет самостоятельную игру. Если Оук — единственный претендент на престол, то Мадок может стать регентом. И будет править Волшебной страной, пока мальчик не станет взрослым.

А потом — кто знает, что может случиться? Если Мадок сумеет контролировать Оука, то будет править королевством вечно.

— Я тоже когда-то была всего лишь ребенком, — возражаю Ориане. — И Мадока совершенно не заботили мои переживания; не думаю, что теперь он будет волноваться из-за кого-то.

Это вовсе не означает, что он не любит Оука. Конечно, любит. И меня тоже любит. Он любил мою мать. Но он таков, каков есть. Мадок не может противиться своей натуре.

Ориана хватает мою руку, крепко стискивает, ее ногти впиваются мне в кожу.

— Ты не понимаешь. Дети-короли долго не живут, а Оук — хрупкий мальчик. Он явился в этот мир слишком слабым. Ни один король, ни одна королева любого Двора не склонит перед ним головы. Он не предназначен для такой ноши. Ты должна остановить это.

Что может сделать Мадок, располагая такой огромной властью? Что могу сделать я, имея брата на троне? А ведь я могу посадить его на трон. У меня на руках козырная карта, потому что если Балекин воспротивится коронации Оука, то, готова поклясться, Кардан спорить не станет. Я могу сделать своего брата Верховным Королем, а сама стану принцессой. И эта власть лежит прямо передо мной. Все, что мне нужно — протянуть руку и взять.

Странная вещь — амбиции. Их можно подхватить, как лихорадку, но избавиться от них непросто. Когда-то я довольствовалась надеждами на дворянство и мечтала обрести такое влияние, чтобы Кардан и его друзья оставили меня в покое. Я хотела всего лишь найти уютное место здесь, в Волшебной стране.

А теперь уже раздумываю, каково это будет — выбирать следующего короля.

Мне вспоминается волна крови, хлынувшая на каменный помост и стекающая на утрамбованный земляной пол холма. Она залила корону, и, когда Балекин поднял ее, кровь обагрила его руки. Представляю себе эту корону на голове Оука и вздрагиваю.

Вспоминаю и то, как малыш околдовал меня однажды и как я шлепала себя по щекам, пока кожа на них не покраснела и едва не вспыхнула. На следующее утро на щеках выступили синяки, которые не проходили целую неделю. Вот на что способны дети.

— Почему ты думаешь, что я способна это остановить? — задаю Ориане вопрос.

Ориана не отпускает мою руку.

— Однажды ты сказала, что я ошибаюсь в тебе, что ты никогда не сможешь навредить Дубку. Скажи, ты можешь что-нибудь сделать? Есть хоть какой-то шанс?

Помню, я сказала, что я не чудовище и никогда не смогу сделать ему больно. Но, возможно, стать чудовищем — мое предназначение?

— Может быть, — отвечаю ей, хотя это вовсе не ответ.

По пути из покоев Орианы замечаю своего младшего брата. Он снаружи, в саду, собирает букет наперстянок. Смеется, каштановые волосы на солнце отливают золотом. Когда появляется няня, мальчишка стремглав убегает от нее.

Готова спорить, Оук даже не знает, что эти цветы ядовиты.

ГЛАВА 25

Во Дворе теней меня встречают раскаты смеха. Ожидаю увидеть Кардана в том же виде, в каком его оставила, запуганного и обездвиженного, может быть, в еще более жалком состоянии, чем день назад. Но вместо этого вижу, что руки его развязаны, он сидит за столом, играет в карты с Тараканом, Призраком и Бомбой. В центре стола куча драгоценностей и кувшин вина. Под столом — две пустые бутылки, в зеленом стекле отражается пламя свечей.

— Джуд, — радостно зовет Бомба, — садись! Присоединяйся.

Увидев ее здесь, живой и невредимой, чувствую облегчение. Но больше в этом живописном застолье нет ничего хорошего. Кардан ухмыляется мне, словно всю жизнь мы с ним были закадычными друзьями. Я забыла, насколько он может быть обаятельным и как это опасно.

— Вы что делаете? — взрываюсь я. — Он должен быть связан! Он наш пленник.

— Не беспокойся. Куда он денется? — успокаивает меня Таракан. — Ты действительно думаешь, что он способен убежать от нас двоих?

— Не возражаю, если привяжете одну руку, — вмешивается Кардан. — Но если собираетесь связать обе, то вам придется лить вино прямо мне в рот.

— Он показал, где старый король хранил по-настоящему хорошее вино, — говорит Бомба, откидывая назад свои белые волосы. — Не говоря уже о тайнике с драгоценностями, принадлежавшими Эловин. Решил, что в такой неразберихе никто не заметит, если их забрать. Никто и не заметил. Ничего легче Таракан за всю жизнь не делал.

Мне хочется кричать от отчаяния. Не ожидала, что Кардан так им понравится, но почему бы и нет? Он принц, уважительно с ними обращается. Он брат Дайна. И он фейри, как и они.

— Все равно все катится в хаос, — говорит Кардан. — Можно и позабавиться. Тебе не кажется, Джуд?

Делаю глубокий вдох. Если он подорвет мой авторитет, если сумеет сделать меня аутсайдером, я никогда не уговорю Двор теней действовать в соответствии с планом, который, правда, еще не до конца сложился у меня в голове. Пока я не сумела понять, как извлечь из ситуации пользу. И меньше всего мне нужно, чтобы Кардан усугубил положение вещей.

— Что он вам предложил? — интересуюсь я, словно все мы участвуем

в розыгрыше. Да, это рискованная игра. Может, Кардан им вообще ничего не предлагал.

Сдерживаю дыхание, чтобы не выдать волнения. Стараюсь не показывать, что Кардан заставил меня чувствовать себя такой незначительной.

Призрак одаряет меня одной из своих редких улыбок.

— В основном золото, но и власть тоже. Положение.

— Множество вещей, которыми он не располагает, — добавляет Бомба.

— Я думал, мы друзья, — нерешительно произносит Кардан.

— Хочу убрать его отсюда, — говорю я и кладу руку на спинку стула как хозяйка. Надо увести принца из комнаты, пока он не перехватил инициативу. Увести сейчас же.

— И что ты с ним сделаешь? — интересуется Таракан.

— Он мой пленник, — напоминаю я, наклоняюсь и разрезаю полосы собственного платья, которыми ноги принца до сих пор привязаны к стулу. Видно, он так и спал, сидя, если вообще спал. Но усталым Кардан не выглядит. Он улыбается мне сверху вниз, словно я склонилась перед ним из учтивости.

Хочется стереть ухмылку с его рожи, но не получится. Похоже, он так и будет улыбаться до самой могилы.

— А здесь мы не можем остаться? — спрашивает Кардан. — Здесь есть вино.

Эти слова заставляют Таракана хихикнуть.

— Тебя что-то беспокоит, маленький принц? Вы с Джуд до сих пор не поладили?

Выражение лица Кардана меняется; похоже, он встревожен. Хорошо.

Веду его в кабинет Дайна, который, кажется, превращается в мой командный пункт. Шагает он неуверенно, ноги одеревенели от пут. Наверное, сказываются и несколько бутылок вина, которые он помог опорожнить членам шайки. Однако никто не помешал мне забрать его. Захлопываю дверь и запираю замок.

— Садись, — команду я, указывая на стул.

Он подчиняется.

Огибаю стол и усаживаюсь напротив. Мне приходит в голову, что если убью его, то наконец перестану о нем думать. Убью и больше никогда не буду себя так чувствовать.

Но без него не останется простого способа посадить Оука на трон. Придется надеяться, что Мадок каким-нибудь образом вынудит Балекина

его короновать. Не будет Кардана, и я останусь без козырей. Без плана. Не смогу помочь брату. Ничего не смогу.

Может, оно того стоит.

Арбалет лежит там, где я его оставила. В выдвижном ящике стола Дайна. Я достаю его, взвожу и целюсь в Кардана. Он судорожно сглатывает.

— Собираешься меня убить? — Он хлопает глазами. — Прямо сейчас?

Я кладу палец на спусковой крючок. Чувствую себя спокойно, восхитительно спокойно. Это слабость — позволить страху возобладать над амбициями, над интересами семьи, над любовью. Приятно чувствовать себя всемогущей.

— Понимаю, почему тебе хочется это сделать, — говорит он, словно прочитал мои мысли и принял какое-то решение. — Но я бы предпочел, чтобы не делала.

— Тогда прекрати постоянно ухмыляться. Ты думаешь, я сюда пришла, чтобы ты надо мной смеялся? До сих пор так уверен, что лучше меня? — Голос мой слегка дрожит, и за это я ненавижу Кардана еще сильнее. Я ежедневно упражнялась, чтобы стать опасной, и он полностью в моей власти, хотя испугана именно я.

У меня привычка его бояться, и избавиться от нее я могу, лишь всадив стрелу ему в сердце.

Кардан протестующе поднимает руки с длинными пальцами. Королевское кольцо у меня.

— Я нервничаю, — объясняет он. — А когда нервничаю, постоянно улыбаюсь. Это мне помогает.

Совсем не ожидала услышать такие слова. Помедлив, опускаю арбалет.

Принц продолжает говорить, словно не хочет, чтобы у меня осталось время на раздумье.

— Ты меня ужасаешь. Почти вся моя семья погибла, а поскольку они не особенно меня любили, я не захотел за ними последовать. Всю ночь я провел, прикидывая, что ты собираешься делать, и точно знаю, чего заслуживаю. У меня есть причина нервничать. — Он говорит так, словно мы друзья, а не враги. И это срабатывает: я расслабляюсь. А когда замечаю, что расслабилась, психую, и меня тут же тянет его пристрелить.

— Я расскажу тебе все, что захочешь, — говорит он. — Все.

— Никаких уверток? — Соблазн невероятно велик. У меня в голове до сих пор шумит от рассказа Тарин, показавшего, насколько мало я знаю.

Кардан кладет ладонь туда, где должно находиться сердце.

— Клянусь.

— А если я все равно выстрелю?

— Можешь, — кривясь, говорит он. — Но хочу, чтобы ты дала слово, что не выстрелишь.

— Мое слово дешево стоит, — напоминаю я.

— Ты всегда так говоришь. — Он поднимает брови. — Это не утешает, должен сказать тебе.

Я смеюсь от удивления. Арбалет прыгает у меня в руке. Кардан не сводит с него глаз. Нарочито медленно кладу оружие на стол.

— Ты расскажешь мне все, что я хочу узнать, а я не стану стрелять в тебя.

— И что я должен сделать, чтобы ты не отдала меня Мадоку и Балекину? — спрашивает он, приподнимая бровь. Мне не по себе: я не привыкла, чтобы он вот так разглядывал меня. Сердце начинает учащенно стучать.

Все, на что я способна, — ответить сердитым взглядом.

— Может, сосредоточишься на том, чтобы остаться в живых?

Кардан пожимает плечами.

— Что ты хочешь узнать?

— Я нашла обрывок бумаги со своим именем, — говорю я. — Исписан моим именем вдоль и поперек — больше ничего.

Он слегка вздрагивает, но молчит.

— Итак? — потираю я.

— Это не вопрос, — ворчит он, словно рассержен. — Задай настоящий вопрос, и я отвечу.

— Ты мне надоел со своим «задай вопрос, и я отвечу». — Моя рука тянется к арбалету, но я пока не касаюсь его.

Он вздыхает.

— Просто спроси меня о чем-нибудь. Спроси про мой хвост. Хочешь на него посмотреть? — Он опять поднимает брови.

Я видела его хвост, но не доставлю ему удовольствия, признавшись в этом.

— Хочешь, чтобы спросила? Ладно. Когда у Тарин с Локком все это началось?

Он довольно смеется. Кажется, этой темы избегать не собирается. Типичный случай.

— О, я ждал, когда ты про это спросишь. Все началось несколько месяцев назад. Он нам все рассказывал — как бросал камешки в ее окно, оставлял записки о свидании в лесу, обхаживал ее при свете луны. Он взял

с нас клятву молчания, но все это выглядело как забава. Думаю, сначала он просто хотел вызвать ревность Никасии. Но потом...

— Как он узнал, что это ее комната? — спрашиваю я, нахмурившись.

Он улыбается еще шире.

— Может, и не узнал. Возможно, любая из вас годилась для того, чтобы стать его первой жертвой среди смертных. Думаю, в итоге он хотел соблазнить вас обеих.

Оба варианта мне не нравятся.

— А как насчет тебя?

Кардан бросает на меня странный взгляд.

— Пока что Локк не пробовал меня соблазнить, если ты об этом. Думаю, я счел бы это оскорблением.

— Я не это имела в виду. Вы с Никасией были... — Не знаю, как назвать. «Вместе» не совсем подходящее слово для этой зловещей и красивой пары, разрушающей чужие жизни и наслаждающейся этим.

— Да, Локк увел ее у меня, — признается Кардан, играя желваками. Он не улыбается, не фыркает. Ясно, ему непросто признаться мне в этом. — Не знаю, чего хотел Локк — разбудить ревность какой-то другой любовницы, разозлить меня или просто не смог устоять перед изумительной красотой Никасии. Не знаю и того, какой мой недостаток заставил ее сделать выбор в пользу Локка. Теперь ты веришь, что я готов отвечать на твои вопросы, как и обещал?

Мысль о том, что Кардану можно разбить сердце, почти не доступна моему пониманию. Я киваю.

— Ты любил ее?

— Это что за вопрос? — негодует он.

Я пожимаю плечами.

— Хочу знать.

— Да, — отвечает он, уставившись на мою руку, лежащую на столе. Внезапно мне в голову приходит мысль, что ногти я обгрызла до основания. — Я ее любил.

— Почему ты хотел меня убить? — спрашиваю я, желая напомнить нам обоим, что ему предстоит отвечать и на трудные вопросы. Сколько бы он ни шутил, как бы дружелюбно ни пытался себя вести, мы враги. Фейри обаятельны, они все такие.

Кардан тяжело вздыхает и опускает голову на руки, почти не обращая внимания на арбалет.

— Ты говоришь о случае на реке? С никсами? Ты же сама шумела и бросала в них чем попало. Они невероятно ленивые создания, но, думаю,

ты до такой степени досадила им, что они были готовы тебя покусать. Я, может быть, и гадкий, но у меня есть одно достоинство — я не убийца. Просто хотел напугать тебя, но никогда не хотел убивать. Я никогда никому не желал смерти.

Я думаю о реке и о том, как одна никса отделилась от остальных, а Кардан наблюдал, как она, помедлив, уплыла, так что мы смогли выбраться из воды. Смотрю на него, на следы серебра на лице, оставшиеся от маски, в его чернильно-черные глаза. Внезапно вспоминаю, как он стаскивал с меня Валериана, когда я подавилась эльфийским фруктом.

«Я никогда никому не желал смерти».

Против воли мне вспоминается, как он держал меч в учебном поединке с Балекином, какая неуклюжая у него техника. Я думала тогда, что он делает это специально, чтобы разозлить брата. Сегодня мне впервые пришло в голову, что, возможно, ему вообще не нравятся схватки на мечах. Что он никогда по-настоящему этому не учился. И что, если бы мы с ним сразились, я одержала бы верх. Размышляю обо всех вещах, которые совершила, чтобы стать ему достойным соперником, и о том, что, вероятно, бросала вызов вовсе не Кардану. Быть может, я сражалась с собственной тенью.

— Валериан предпринимал попытку убить меня. По-настоящему. Дважды. Сначала в башне, потом в моей комнате, в нашем доме.

Кардан поднимает голову и застывает в напряженной позе, как будто только что узнал неприятную правду.

— Когда ты сказала, что убила его, я подумал, что ты выследила его и... — Голос его прерывается, и он начинает снова: — Только дурак станет вламываться в дом генерала.

Я оттягиваю ворот рубахи, чтобы он увидел следы пальцев Валериана, пытавшегося задушить меня.

— И на плече метка осталась — он ударил меня, и я упала на пол. Теперь веришь?

Он тянется ко мне, словно хочет коснуться синяков пальцами. Поднимаю арбалет, и он садится на место.

— Валериану нравилась боль. Чья угодно. Даже моя. Я знал, что он хочет причинить боль тебе. — Он замолкает, похоже, вслушивается в собственные слова. — И это ему удалось. Думаю, он был бы доволен.

Никогда не задумывалась, что это значит — иметь такого друга, как Валериан. Кажется, все равно что иметь его врагом.

— Значит, для тебя не имело значения, что Валериан намерен мне сделать? — интересуюсь я. — Ничего страшного, только бы не убивал?

— Ты должна признать, что лучше оставаться в живых, — возражает Кардан, и в его голосе звучат удивленные нотки.

Я кладу обе руки на стол.

— Теперь скажи, почему ты меня возненавидел? Раз и навсегда.

Длинными пальцами он гладит стол Дайна.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я ответил честно?

— А ты как думаешь? У меня арбалет, и я не стреляю только потому, что ты обещал отвечать.

— Очень хорошо. — Он сверлит меня злым взглядом. — Я ненавижу тебя потому, что твой отец тебя любит, хотя ты человеческое отродье, произведенное на свет его неверной женой, в то время как мои родители никогда обо мне не заботились, хотя я принц Волшебной страны. Я ненавижу тебя потому, что Локк использовал тебя и твою сестру, заставив Никасию плакать после того, как увел ее у меня. Кроме того, после турнира Балекин никогда не упускал случая бросить мне в лицо, что смертная оказалась лучше, чем я.

Не знала, что Балекину известно, кто я такая.

Мы смотрим друг на друга через стол. Кардан развалился в кресле и выглядит точь-в-точь как злобный принц. Интересно, он ждет, что я выстрелю?

— Это все? — требовательно спрашиваю я. — Потому что все, что ты сказал, нелепо. Ты не можешь меня ревновать. Тебе не пришлось жить по милости того, кто убил твоих родителей. Ты не лелеял свой гнев, без которого у тебя под ногами разверзается бездонный колодец страха. — Я резко замолкаю, удивляясь самой себе.

Думала, что не поддамся его чарам, но он заставил меня открыться перед ним.

Пока я об этом размышляю, улыбка Кардана превращается в более знакомую ухмылку.

— Ах, вот как? Значит, я не знаю, что такое гнев? Не знаю, что такое страх? Не ты здесь торгуешься за свою жизнь?

— И поэтому ты меня ненавидишь? — настаиваю я. — Только поэтому? Лучшей причины не нашел?

Сначала мне кажется, что он не собирается отвечать, но потом догадываюсь, что он не может лгать, а правду говорить не хочет.

— Итак? — спрашиваю я, снова поднимая арбалет, очень довольная тем, что у меня есть повод еще раз подчеркнуть, кто здесь главный. — Скажи мне!

Он наклоняется и закрывает глаза.

— Больше всего я ненавижу тебя за то, что думаю о тебе. Часто. Это отвратительно, но я ничего не могу поделать.

Я немею от удивления.

— Может, тебе действительно стоит меня застрелить, — говорит он, закрывая лицо ладонью.

— Ты меня разыгрываешь, — заявляю я. Не верю ему. Если он думает, что я дура, способная из-за красоты потерять голову, то я не поддамся на столь грубую лесть. Иначе я и дня не выжила бы в Волшебной стране. Готовая изобличить его обман, я встаю.

Арбалет для стрельбы в упор не очень подходит, поэтому я достаю кинжал.

Кардан не поднимает взгляд, когда я обхожу стол и приближаюсь к нему. Упираюсь острием под подбородок, как делала это днем раньше в зале, и заставляю поднять голову вверх. Он неохотно смотрит мне в глаза.

По его лицу видно, что ему на самом деле и стыдно, и страшно. И тут я понимаю, что и сама не знаю, чему верить.

Я наклоняюсь к нему так близко, что могу поцеловать. Глаза его распахиваются. В них смешались паника и желание. Пьянящее чувство — обладание властью над кем-то. Над Карданом, про которого я никогда бы не подумала, что он вообще способен на чувства.

— Ты действительно хочешь меня, — говорю я, чувствуя тепло его дыхания. — И тебе ненавистна эта мысль. — Я изменяю угол наклона клинка, и теперь он упирается ему в горло. Вопреки ожиданиям, его совсем не пугает это движение кинжала.

Не сильнее, чем прикосновение моих губ к его губам.

ГЛАВА 26

По части поцелуев у меня опыт небольшой. Целовалась с Локком, а до него ни с кем. Но целовать Кардана — совсем другое дело; это все равно что бежать по лезвию бритвы, когда адреналин ударяет в голову; все равно что заплывать далеко в море и понять, что возврата нет, нет ничего, кроме холодной черной воды, смыкающейся у тебя над головой.

Жестокие губы Кардана оказываются неожиданно мягкими. Но сам он какое-то время остается неподвижным, как стул. Глаза закрыты, ресницы касаются моей щеки. Я содрогаюсь — наверное, так корчится мертвец, когда на его могилу наступают. Потом его руки поднимаются и трепетно скользят по моим ладоням. Если бы я в таких вещах не разбиралась, то назвала бы это движение благоговейным, но я разбираюсь. Скользят медленно, потому что он сдерживает себя. Он этого не хочет. Он не хочет этого хотеть.

На вкус — кислое вино.

Наступает момент, когда он сдается и привлекает меня к себе, несмотря на кинжал. Он целует меня крепко, с каким-то исступленным отчаянием, погрузив пальцы в мои волосы. Наши уста сливаются, языки переплелись. Это как борьба. Только мы боремся за то, чтобы проникнуть внутрь друг друга, влезть в чужую кожу.

И в этот момент меня охватывает ужас. Что за безумная мысль — наслаждаться его отвращением? Но что еще хуже, гораздо хуже — мне нравится это. Мне все нравится в этом поцелуе — знакомый зуд страха, осознание того, что я наказываю его, подтверждение, что он меня хочет.

Кинжал в руке становится ненужным. Бросаю его на стол, краем глаза отметив, что острое втыкается в дерево. При этом звуке Кардан пугается и отстраняется от меня. Губы у него розовые, глаза темные. Он видит клинок и раздражается испуганным лающим смехом.

Этого достаточно, чтобы я отступила. Мне хочется посмеяться над ним, указать на его слабость, не проявляя своей, но я не доверяю своему лицу — на нем написано слишком много.

— Ты это себе воображал? — спрашиваю я и чувствую облегчение, потому что вопрос звучит достаточно резко.

— Нет, — отвечает он бесцветным голосом.

— Скажи мне, — требую я.

Принц как-то печально качает головой.

— Не скажу, разве что ты действительно соберешься заколоть меня. И даже тогда, наверное, не скажу.

Я иду к столу Дайна, чтобы нас разделяло какое-то расстояние. Кажется, меня распирает изнутри, а комната внезапно словно стала меньше. Своим ответом он чуть не заставил меня расхохотаться.

— Хочу сделать предложение, — говорит Кардан. — Я не собираюсь возлагать корону на голову Балекина, чтобы потерять свою. Проси что хочешь для себя, для Двора теней, но потребуй что-нибудь и для меня. Пусть даст мне земли подальше отсюда. Скажи, что вдали от него я буду вести восхитительно безответственную жизнь, и ему не придется даже вспоминать обо мне. Может произвести на свет какое-нибудь отродье, назначить его наследником и передать корону Верховного Короля. Скорее всего, его ублюдок перережет папочке горло, согласно новой семейной традиции. Мне все равно.

С удивлением приходится признать, что ему удалось продумать достаточно приемлемую сделку, хотя он и провел ночь пьяным и привязанным к стулу.

— Поднимайся, — говорю я ему.

— Значит, не боишься, что я убегу? — спрашивает он, вытягивая ноги. От его остроносых башмаков отражается свет, и я подумываю, не отобрать ли их, потому что их можно использовать как оружие. Потом вспоминаю, насколько плохо он владеет мечом.

— После нашего поцелуя я так околдована тобой, что едва держусь, — отвечаю я со всем сарказмом, на который способна. — Моя единственная забота — сделать все, чтобы ты был счастлив. Конечно, я потребую для тебя всего, что угодно, если ты меня снова поцелуешь. Давай беги. Стрелять тебе в спину я точно не стану.

Кардан хлопает ресницами.

— Ты лжешь прямо в глаза, и это несколько обескураживает.

— Тогда позволь сказать правду. Ты потому никуда не собираешься бежать, что бежать тебе некуда.

Иду к двери, открываю и заглядываю в соседнюю комнату. Бомба лежит на койке в спальне. Таракан смотрит на меня, подняв брови. Призрак дремлет в кресле, но сразу просыпается, когда я вхожу. Чувствую, что вся горю, но надеюсь, что по мне не видно.

— Допросила маленького принца? — спрашивает Таракан.

Киваю.

— Кажется, теперь я знаю, что делать.

Призрак бросает на Кардана пристальный взгляд.

— Так мы продаем? Покупаем? Или выпотрошим?

— Я собираюсь прогуляться, подышать свежим воздухом, — отвечаю я.

Таракан вздыхает.

— Мне просто надо привести мысли в порядок, — добавляю я. — Потом все объясню.

— Объяснишь? — Призраку хочется знать, он сверлит меня взглядом. Кажется, он думает о том, что обещания слишком легко слетают с моих губ. Я разбрасываю их, как заколдованное золото, которое во всех кассах города неизбежно снова превратится в пригоршни сухих листьев.

— Я говорила с Мадоксом, и он предложил мне все, что захочу, в обмен на Кардана. Золото, магию, славу, что угодно. Первая часть сделки заключена, а я даже не сказала ему, что знаю, где находится потерянный принц.

При упоминании о Мадоксе Призрак кривит губы, но молчит.

— Так за чем задержка? — спрашивает Таракан. — Мне все эти вещи нравятся.

— Как раз сейчас я обдумываю детали. А вы должны сказать мне, чего хотите. Только точно — сколько золота, чего еще. И запишите.

Таракан кряхтит, но, похоже, не собирается возражать. Своей когтистой рукой делает Кардану знак, приглашая вернуться к столу. Я убеждаюсь, что все острые предметы лежат там, где я их оставила, и направляюсь к двери. У порога оглядываюсь и вижу, что Кардан проворно собирает карты со стола, но не сводит с меня мерцающих черных глаз.

Иду к Озеру масок и сажусь на один из черных валунов у кромки воды. Заходящее солнце заливает небо огнем, пламенеет на верхушках деревьев.

Довольно долго просто сижу и наблюдаю, как волны плещутся о берег. Дышу глубоко, чтобы мысли улеглись и в голове прояснилось. Надо мной птицы щебетаньем созывают друг друга, устраиваются на ночевку; я замечаю, как в дуплах деревьев зажигаются мерцающие огни — просыпаются феи.

Если только я смогу что-нибудь сделать, Балекин не станет Верховным Королем. Он жесток и ненавидит смертных. Из него получится ужасный властитель. Сейчас существуют правила, которые регулируют взаимодействие с миром смертных, но эти правила можно изменить. Что, если отменят обязательные сделки и людей начнут просто воровать? Забирать кого угодно и когда угодно? Некогда так и было; кое-где и сейчас так делают. Верховный Король способен изменить оба мира к худшему, он

может благоволить Невидимым Дворам, может на тысячи лет посеять раздор и ужас.

Что случится, если я передам Кардана Мадоку?

Он посадит Оука на трон и станет править как регент, склонный к тирании и жестокости. Начнет войну против Дворов, которые откажутся присягнуть трону. Воспитает Оука на кровопролитиях, и тот превратится в подобие Мадока или, возможно, в подобие Дайна, более скрытного, но такого же жестокого. И все равно Мадок будет лучше Балекина. Он заключит честную сделку со мной и с Двором теней — хотя бы ради меня. А я, что буду делать я?

Например, исчезну вместе с Виви.

Или выторгую себе рыцарство. Останусь и буду защищать Оука, попробую оградить его от влияния Мадока. Конечно, у меня мало возможностей для этого.

Что случится, если я удалю Мадока из этой схемы? Тогда Двор теней не получит золота, торговаться будет не с кем. Придется как-то добывать корону и возлагать ее на голову Оука. И что потом? Мадок все равно станет регентом. Я не сумею остановить его. И Оук будет слушаться его. Мальчик станет марионеткой, жить ему придется в условиях постоянной опасности.

Если только каким-то способом не короновать его и увезти из Волшебной страны. Он станет Верховным Королем в изгнании. А когда вырастет и будет готов, может вернуться в ореоле власти, символом которой является корона Зеленого вереска. До возвращения Оука Мадок сумеет справиться с Волшебной страной, но у него не будет возможности воспитать мальчика таким же кровожадным и воинственным. Не будет абсолютной власти, которую он получит в качестве регента при Верховном Короле. А если бы Оук получил поддержку мира людей, то можно надеяться, по возвращении в Волшебную страну сохранил бы доброе отношение к тому месту, где вырос, и к тем людям, с которыми там встретился.

Десять лет. Если мы удалим Оука из Волшебной страны на десять лет, то он вырастет такой личностью, какой и должен быть.

Конечно, к тому времени может получиться и так, что ему придется отвоевывать трон. Кто-нибудь — вероятно, Мадок или Балекин, или даже кто-то из малых королей и королев, — сумеет засесть на троне, как паук, и сплести паутину собственной власти.

Искоса смотрю на черную поверхность воды. Если бы только существовал способ сохранить трон незанятым достаточно долго, пока Оук не достигнет зрелого возраста вдали от всех этих войн, планируемых

Мадок, вдали от всяких регентов.

Я встаю, потому что приняла решение. К добру или ко злу, теперь я знаю, что делать. У меня есть план. Мадок мою стратегию не одобрил бы. Ему нравятся планы, в которых победы можно достичь разнообразными способами. В моем случае способ только один, и применяется он с дальним прицелом.

Выпрямляясь, я случайно замечаю в воде свое отражение. Всматриваюсь и понимаю, что это не я. Озеро масок никогда не отражает твое собственное лицо. Я подкрадываюсь поближе к воде. В небе ярко светит полная луна, света хватает, чтобы я рассмотрела образ моей матери, смотрящей на меня. Она моложе, чем мне помнится. И она хохочет, зовет кого-то, но я пока не вижу кого.

Мама показывает кому-то на меня сквозь время, разделяющее нас. Что-то говорит, и я читаю по губам. «Смотри! Человеческая девочка». Кажется, я ей нравлюсь.

Потом к ней присоединяется отражение Мадок, и он обнимает ее за талию. Он не выглядит моложе, чем сейчас, но я никогда не видела такой открытости в его лице. Мадок машет мне рукой.

Я для них чужая.

Мне хочется крикнуть: «Беги!» Но, конечно, такого совета ей давать не следует.

Когда я вхожу в комнату, Бомба поднимает взгляд. Она сидит за деревянным столом и отмеривает порции сероватого порошка. Перед ней несколько стеклянных шаров, закрытых пробковыми затычками. Ее великолепные белые волосы собраны на макушке и перевязаны обрывком грязной бечевки. Нос вымазан сажей.

— Остальные в задней комнате, — говорит она. — Вместе с маленьким принцем, легли поспать.

Вздыхая, сажусь за стол. Я перенапряглась, обдумывая план действий, и теперь сил не осталось.

— Найдется что-нибудь поесть?

Заполняя очередной шар и осторожно укладывая его в корзину возле своих ног, она мимоходом ухмыляется.

— Призрак нашел где-то черного хлеба и масла. Мы ели колбасу, а вино кончилось, но сыр еще должен остаться.

Я шарю в кухонном шкафу, достаю еду и машинально жую. Наливаю себе чашку бодрящего, крепкого чая с фенхелем. Самочувствие немного улучшается. Некоторое время наблюдаю, как она готовит свои боеприпасы. Во время работы Бомба негромко насвистывает и при этом фальшивит. Мне

странно это слышать — большая часть фейри одарена музыкальным слухом, но мне нравится ее исполнение. Оно веселее, легче и не так навязчиво.

— Куда ты отправишься, когда все это закончится? — интересуюсь я.

Она смотрит на меня с озадаченным видом.

— С чего ты решила, что я куда-то собираюсь?

Глядя в свою почти пустую чашку, хмурюсь.

— Потому что Дайна больше нет. И разве Призрак с Тараканом не собираются уходить? Ты с ними не пойдешь?

Бомба пожимает своими худенькими плечами и показывает босой ступней на корзину.

— Видишь это?

Киваю головой.

— С ними неудобно путешествовать. Я хочу остаться здесь, с тобой. Ведь теперь у тебя есть план, верно?

Я слишком смущена и не знаю, что сказать. Открываю рот и принимаюсь что-то лепетать. Она смеется.

— Кардан сказал, что есть. Что если бы ты была готова совершить сделку, то уже совершила бы ее. И если бы собиралась предать нас, то тоже уже сделала бы это.

— Но, гм... — начинаю я и тут теряю мысль. Что-то насчет того, что не надо придавать его словам большого значения...— А что остальные думают?

Бомба снова принимается заряжать свои шары.

— Они не сказали, но никому из нас Балекин не нравится. Если у тебя есть план, что ж, тем лучше для тебя. Но если хочешь заполучить нас на свою сторону, то тебе не следует быть такой скрытной.

Глубоко вздохнув, я решаю, что мне может потребоваться помощь, если действительно решусь на это дело.

— Что ты думаешь насчет того, чтобы украсть корону? Прямо под носом у королей и королев Волшебной страны?

Уголки ее губ приподнимаются.

— Просто скажи, что я должна взорвать.

Двадцатью минутами позже я зажигаю огарок свечи и направляюсь в комнатку с койками. Как и говорила Бомба, на одной из них вытянулся Кардан, он выглядит до отвращения привлекательным. Перед сном он умыл лицо, снял камзол, свернул его и положил под голову вместо подушки. Я трогаю его за руку, он мгновенно просыпается и делает движение ладонью, словно отгоняет меня.

— Ш-ш-ш, — шиплю я. — Не разбуди остальных. Надо поговорить.

— Уходи. Ты обещала, что не убьешь меня, если отвечу на твои вопросы, и я ответил. — Он больше не говорит как мальчик, который меня целовал, изнемогая от желания; это было всего несколько часов назад. Теперь его голос звучит сонно, надменно и рассерженно.

— Я хочу предложить тебе кое-что получше жизни, — говорю я. — А теперь пойдем.

Он встает, надевает камзол и следует за мной в кабинет Дайна. Там он прислоняется плечом к дверному косяку. Веки опухли, волосы спутались. Смотрю на него, и меня бросает в жар от стыда.

— Уверена, что привела меня сюда только для разговора?

Оказывается, если кто-то поцеловал, то мысль о возможности новых поцелуев становится навязчивой, как бы страшно ни было в первый раз. Прямо между нами в воздухе повисает воспоминание о губах.

— Я привела тебя, чтобы заключить сделку,

Его брови ползут вверх.

— Звучит интригующе.

— Что, если тебе не потребуется прятаться в глуши? Что, если есть альтернатива Балекину на троне?

Кардан явно не ожидал услышать такое. Все равнодушие и развязность моментально слетают с него.

— Такая альтернатива есть, — медленно произносит он. — Я. Только из меня получится никудышний король, и мне эта мысль очень не нравится. Кроме того, Балекин вряд ли возложит корону на мою голову. Мы с ним никогда особо не ладили.

— Кажется, ты жил в его доме. — Я складываю руки на груди, стараясь выглядеть неприступной, и гоню от себя воспоминание о том, как Балекин наказывал Кардана. Сейчас мне не до сочувствия.

Он вскидывает голову и смотрит на меня сквозь темные пряди волос.

— Может, мы потому и не ладили, что вместе жили.

— Мне ты тоже не нравишься, — напоминаю я.

— Ты уже говорила, — лениво усмехается он. — Итак, если не я и не Балекин, то кто?

— Мой брат, Оук, — говорю я. — Не стану вдаваться в подробности, но у него правильная родословная. Такая же, как и у тебя. Он имеет право на корону.

Кардан мрачнеет.

— Ты уверена?

Кивком головы подтверждаю свои слова. Не хотелось говорить об этом

заранее, до того, как я объясню, что от него требуется, но он мало что может сделать с этим знанием. Я никогда не продам его Балекину. И сообщить он никому не сможет, только Мадоку, а тот все знает.

— Значит, Мадок станет регентом, — делает вывод Кардан.

Я качаю головой.

— Вот почему мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты короновал Оука Верховным Королем, а потом собираюсь отослать его в мир смертных. Дать ему возможность побыть ребенком. Дать возможность когда-нибудь стать хорошим королем.

— Оук может сделать другой выбор, не тот, который ты готовишь для него, — возражает Кардан. — Например, он может предпочесть Мадока тебе.

— Меня саму украли еще ребенком. Выросла я на чужбине, и причины этого были куда страшнее. Виви о нем позаботится. И если ты согласишься с моим планом, я дам тебе все, что попросишь, и даже больше. Но мне нужно кое-что от тебя — клятва. Я хочу, чтобы ты поклялся мне служить.

Он снова раздражается лающим смехом, как тогда, когда кинжал вонзился в дерево стола.

— Ты хочешь, чтобы я отдал себя в твое распоряжение? Добровольно?

— Думаешь, я шучу, но я серьезна. Серьезнее некуда. — Руки у меня сложены на груди, но я незаметно себя щипаю, чтобы не сделать ненужного движения, не сказать лишнего слова. Я должна выглядеть абсолютно собранной и уверенной в себе. Сердце бьется учащенно. Чувствую себя как во время игры в шахматы с Мадокком, когда еще была ребенком: вижу выигрышные ходы, забываю об осторожности — и меня застает врасплох его комбинация, которую я не смогла предугадать. Напоминаю себе, что надо успокоить дыхание и сосредоточиться.

— Наши интересы совпадают, — соглашается Кардан. — Зачем тебе моя клятва?

Набираю в легкие воздуха.

— Я должна быть уверена, что ты меня не предашь. С короной в руках ты слишком опасен. Что, если, в конце концов, ты возложишь ее на голову брата? Или вдруг захочешь ее для себя?

Похоже, он обдумывает мои слова.

— Могу тебе точно сказать, чего я хочу. Поместья, в которых живу. Хочу, чтобы мне их отдали вместе со всем содержимым и населением. Холлоу-Холл. Я его хочу.

— Договорились, — соглашаюсь я.

— Хочу все до последней бутылки в королевских подвалах, вне

зависимости от того, насколько они старые и редкостные.

— Они будут твоими, — обещаю я.

— Хочу, чтобы Таракан научил меня воровать, — заявляет он.

Я удивлена и какое-то время не знаю, что сказать. Он шутит? Не похоже.

— Зачем? — наконец спрашиваю я.

— Может пригодиться. Кроме того, Таракан мне нравится.

— Отлично, — не совсем уверенно говорю я. — Постараюсь найти способ договориться с ним.

— Ты действительно уверена, что можешь обещать все это? — Кардан испытующе смотрит на меня.

— Уверена. Обещаю. И обещаю, что мы помешаем Балекину. Мы захватим корону Волшебной страны, — небрежно бросаю я ему. Сколько обещаний еще раздам, прежде чем меня призовут к ответу? Надеюсь, не очень много.

Кардан бросается в кресло Дайна. С этого начальственного места он хладнокровно рассматривает меня, по-хозяйски расположившись за столом. Внутри у меня что-то сжимается, но я не обращаю внимания. Я сделаю это. Стараюсь умерить дыхание.

— Я могу поступить к тебе на службу на год и один день, — говорит он.

— Этого мало, — заявляю я. — Не могу...

— Уверен, что к тому времени твой брат будет коронован и уедет. Или мы проиграем, несмотря на все твои обещания, и уже ничто не будет иметь значения. От меня ты лучшего предложения не дождешься, особенно если снова примешься угрожать.

По крайней мере у меня будет запас времени. Я вздыхаю.

— Прекрасно. Мы договорились.

Кардан направляется ко мне через комнату, и я понятия не имею, что он собирается сделать. Если снова поцелует, то, боюсь, меня опять охватят желание и унижительная дрожь, как в первый раз. Но он опускается передо мной на колени; я так поражена, что у меня в голове вообще не остается мыслей. Кардан берет мою руку в свою, его длинные прохладные пальцы обвивают мою ладонь.

— Очень хорошо, — нетерпеливо говорит он, голос его звучит совсем не так, как у вассала, присягающего госпоже. — Джуд Дуарте, дочь смертной плоти, я клянусь, что буду служить тебе. Я стану твоей рукой. Стану твоим щитом. Я буду действовать в согласии с твоей волей. И да будет так в течение одного года и одного дня... и ни минутой дольше.

— Ты даже усовершенствовал клятву, — замечаю я, хотя шутка получается неловкой. Когда принц произносил обет, то, как мне показалось, словно стал выше. Будто это он тут командует.

Кардан поднимается, одним текучим движением отдаляясь от меня.

— Что дальше?

— Возвращайся в постель, — велю я. — Позже я разбужу тебя и объясню, что мы должны сделать.

— Как прикажешь, — отвечает Кардан, насмешливо улыбаясь. Потом удаляется в комнатку с койками, наверное, чтобы завалиться на одну из них. Я думаю: как странно, что он находится здесь, спит на домотканых простынях, день за днем носит одни и те же одежды, ест хлеб, сыр и ни на что не жалуется. Я почти уверена, что он предпочитает гнездо шпионов и убийц своей роскошной кровати.

ГЛАВА 27

В самой восточной части острова разбили стоянки монархи Благого и Неблагого Дворов, там же раскинули палатки дикие несоюзные эльфы, прибывшие на коронацию. Все пространство покрывают пестрые шатры и сооружения из прозрачного шелка. Подойдя ближе, вижу костры. В воздухе пахнет медовухой и подпорченным мясом.

Кардан стоит рядом; на нем простые черные одежды, темные волосы аккуратно расчесаны, чисто выбритое лицо открыто. Выглядит он бледным и усталым, хотя я позволила ему поспать подольше.

После того как Кардан принес мне клятву, я не стала будить Призрака и Таракана. Вместо этого больше часа обсуждала план действий с Бомбой. Именно она нашла смену одежды для Кардана, согласилась, что он может быть полезен. А потом я направилась сюда, чтобы найти монарха, готового поддержать другого претендента на престол и помешать Балекину. Чтобы план удался, мне нужно найти на этом празднике того, кто выступит на стороне нового короля, желательно достаточно могущественного правителя, который не позволит устроить еще одну бойню, если что-то пойдет не так.

При неудачном раскладе придется приложить массу усилий, чтобы вытащить отсюда Оука. Стекланных шаров Бомбы будет явно недостаточно. Даже думать не хочу, что могу предложить в обмен на помощь. Все свои обещания я уже израсходовала; теперь пора раздавать авансы за счет короны.

Я глубоко вздыхаю. Когда встану перед лордами и владычицами Волшебной страны и объявлю о своем намерении выступить против Балекина, обратного пути не будет — не убежишь и под одеяло не спрячешься. Если я это сделаю, то окажусь привязанной к Волшебной стране, пока Оук не сядет на трон.

До торжества у нас есть ночь и завтрашний день, а потом я должна буду явиться в Холлоу-Холл, и там мои планы либо сбудутся, либо рассыплются прахом.

Есть только один способ сохранить Волшебную страну для Оука. Я должна остаться. Придется использовать все, чему учил меня Мадок, что я узнала при Дворе теней, манипулировать, убивать, лишь бы сохранить для него трон. Скажем, лет десять, но, может, хватит и семи. Это не так много. Семь лет пить яды, не спать, быть постоянно начеку. Всего семь лет, а

потом, быть может, Волшебная страна станет более безопасным и приятным для жизни местом. И я заслужу право жить здесь.

Большая игра, как сказал однажды Локк, намекая, что я в нее играю. Тогда я еще в ней не участвовала, включилась только сейчас. Возможно, чему-то я у него научилась. Он втянул меня в историю, а теперь я собираюсь втянуть в историю кого-то еще.

— Значит, я сижу здесь и снабжаю тебя информацией, — говорит Кардан, прислоняясь к стволу орешника. — А ты идешь околдовывать королей? Это пахнет полным провалом.

Пристально смотрю на него.

— Я умею околдовывать. Тебя же околдовала?

Он закатывает глаза.

— Не рассчитывай, что у остальных такой же извращенный вкус.

— Мне надо отдать тебе распоряжение, — сообщаю я. — Ты не против?

Кардан играет желваками на скулах. Не сомневаюсь, что принцу трудно кому-то подчиняться, тем более мне, но он соглашается.

Тщательно подбираю слова.

— Велю тебе оставаться здесь, пока не вернусь из леса, или не наступит непосредственная опасность, или не пройдет целый день. Пока остаешься здесь, велю не привлекать внимания ни голосом, ни знаком. Если появится прямая угроза для тебя или пройдет день, а я не вернусь, велю тебе возвращаться ко Двору теней и спрятаться как можно надежнее.

— Что ж, совсем неплохо, — отзывается он, снова напуская на себя спесивый, царственный вид.

Он меня бесит.

— Ладно, — говорю я. — Расскажи, что можешь, про королеву Аннет.

Самой мне известно следующее: она покинула церемонию коронации раньше всех остальных лордов и королей. Это означает, что ей ненавистен либо Балекин, либо сам титул Верховного монарха. Мне просто предстоит выяснить, чем она недовольна.

Кардан хмурит брови.

— Двор Бабочек — разветвленный, традиционно относится к Неблагим Дворам. Она очень практична и прямолинейна, всему остальному предпочитает грубую силу. Также я слышал, что она съедает любовников, которые ей надоели. — Он вопросительно смотрит на меня.

Против моей воли на лице появляется улыбка. Мне кажется дикостью, что я нахожусь здесь именно с Карданом. Еще более странно, что он разговаривает со мной вот так, словно с Никасией или Локком.

— Тогда почему же она ушла с коронации? — задаю я вопрос. — Ведь они, получается, с Балекиным родственные души.

— У нее нет наследников, — поясняет Кардан. — И она уже потеряла надежду, что будет хоть один. Думаю, ей не понравилось такое расточительство, как убийство целого рода. Кроме того, полагаю, на нее произвело неблагоприятное впечатление то, что Балекин их убил, но спустился с помоста без короны на голове.

— Понятно, — говорю я, вздыхая.

Он хватает меня за запястье. Я ошеломлена прикосновением его теплой руки к моей коже.

— Будь осторожна, — говорит он и улыбается. — Скучно будет просидеть здесь целый день только ради того, чтобы тебя убили.

— Напоследок я подумаю о том, как тебе скучно, — обещаю я и отправляюсь в распоряжение королевы Аннет.

Здесь не горят костры, все палатки из грубого сукна окрашены в болотный цвет. Меня встречает караул из гоблина и тролля. На тролле доспехи, выкрашенные чем-то темным, похожим на свернувшуюся кровь.

— Гм, привет, — замечаю, что слова приходится из себя выдавливать. — Я посланница. Мне нужно увидеть королеву.

Троль меня рассматривает с высоты своего роста, он явно удивлен тем, что видит здесь человека.

— И кто посмел направить такую вкусную посланницу к нашему Двору? — Вероятно, он хочет мне польстить.

— Верховный король Балекин, — лгу я. Мне кажется, что с помощью этого имени я сумею пройти.

В ответ троль улыбается, но совсем не по-дружески.

— Что за король без короны? Вроде загадки, на которую все знают ответ: никакой он не король.

Второй часовой хохочет.

— Мы тебя не пропустим, лакомый кусочек. Беги к своему хозяину и скажи, что королева Аннет его не признает, хотя и оценила его страсть к представлениям. Королева не будет с ним ужинать, сколько бы он ни упрашивал и какие бы лакомые закуски ни отправлял со своими посланиями.

— Это не то, что вы думаете, — возражаю я.

— Очень хорошо, давай с тобой поболтаем. Готов спорить, косточки твои будут хрустеть так сладко. — Троль оскаливает в улыбке все свои зубы и делает угрожающее движение. Я знаю, что пугаться нечего — если бы он хотел меня съесть, то не стал бы тратить лишних слов и просто

проглотил.

Я разворачиваюсь и бреду прочь. На всех, кто прибыл на коронацию, распространяются законы гостеприимства, но они настолько затейливы, что я не уверена, защитят ли они меня.

Принц Кардан ждет меня на опушке, лежа на спине, как будто звезды считает.

Он вопросительно смотрит на меня, я качаю головой и без сил опускаюсь на траву.

— Меня даже не пустили поговорить с ней, — сообщаю я.

Когда принц поворачивается ко мне, свет луны озаряет черты его лица, острые скулы, кончики ушей.

— Значит, ты что-то сделала неправильно.

Хочется поспорить, но он прав. Я оплошала.

Надо было держаться более официально, демонстрировать свою уверенность в своем праве предстать перед монархом, словно я к этому привычна. Я упражнялась в том, что скажу королеве, и не подумала, как до нее доберусь. Эта часть казалась легкой. Теперь я вижу, что ошиблась.

Ложусь рядом с Карданом и гляжу на звезды. Будь у меня время, составила бы гороскоп и проследила свою удачу.

— Прекрасно. На моем месте ты к кому бы обратился?

— К лорду Ройбену и Северину, сыну Алдеркинга. — Его лицо совсем близко.

Мрачно смотрю на него.

— Но они не относятся к Верховному Двору. Они не присягали короне.

— Точно, — соглашается Кардан, протягивая палец и скользя им по кромке моего уха. Оно округлое, понимаю я. Меня передергивает, от стыда я прикрываю глаза. Он продолжает говорить, но спохватывается и отдергивает руку. Нам обоим неловко. — Они ничего не теряют, но могут многое получить, примкнув к выступлению, которое некоторые сочтут изменой. Северин, по слухам, благоволит к рыцарям из смертных, и любовница у него смертная, так что он будет говорить с тобой. Отец его подвергся изгнанию, поэтому само признание его Двора уже станет достижением. Что касается лорда Ройбена, то рассказы изображают его чуть ли не трагической фигурой. Рыцарь из Благих, его десятилетиями унижали и держали слугой при Неблагом Дворе, которым он пришел править. Не знаю, что ты можешь предложить такому лорду, но у него настолько большой Двор, что если ты заручишься его поддержкой для Оука, то даже Балекин занервничает. С другой стороны, мне известно, что у

него есть супруга, которой он благоволит, хотя она и низкого рождения. Постарайся не раздражать ее.

Вспоминаю, как по пути с коронации пьяный Кардан простыми разговорами обеспечил нам проход через охрану. Он знает этот народ, знает их обычаи. Независимо от его спесивой манеры давать советы и несмотря на то, что он зануда, я буду душой, если не послушаюсь его. Надеюсь, что пятна румянца от стыда у меня на щеках не очень заметны, поднимаюсь на ноги. Кардан садится и, похоже, хочет что-то сказать.

— Я знаю, — бросаю на ходу, уже направляясь к лагерю. — Не досадить тебе своей смертью.

Решаю для начала попытать счастья с сыном Алдеркинга, Северином. Лагерь у него небольшой, как и домен, — просто кусок перелеска сбоку от Двора Термитов Ройбена. Сам Северин не принадлежит ни к Благим, ни к Неблагим Дворам.

Его шатер сделан из какой-то плотной и тяжелой материи, расписанной в серебристый и зеленый цвета. Рядом с ним вокруг веселого костерка сидят несколько рыцарей. Ни на одном нет доспехов, они в кафтанах из плотной кожи и в сапогах. Один возится с треногой, пристраивая над огнем чайник. Мальчишка из смертных, которого я видела с Северином на коронации — его рыжая голова и привлекла мое внимание, — негромко разговаривает с кем-то из рыцарей. Через секунду оба они смеются. Никто не обращает на меня внимания.

Направляюсь прямо к костру.

— Прошу прощения, — говорю я, прикидывая, не слишком ли вежлива для королевской посланницы. Однако делать нечего — только продолжать. —

У меня послание для сына Алдеркинга. Новый Верховный Король хочет заключить с ним соглашение.

— Ого, в самом деле? — спрашивает мальчик, удивляя меня тем, что заговорил первым.

— Да, смертный, — лицемерно подтверждаю я. Но именно так должна отвечать ему одна из служанок Балекина.

Он закатывает глаза и говорит что-то другому рыцарю, который как раз встает со своего места. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что передо мной лорд Северин. Волосы цвета осенней листвы, глаза зеленые, как мох, и рога, растущие из лба над бровями и загибающиеся к кончикам ушей. Меня поражает, что он сидит у костра со своей свитой, но я быстро спохватываюсь и отвешиваю поклон.

— Я должна поговорить с тобой наедине, — говорю я.

— О? — удивляется он. Я молчу, и он поднимает брови. — Конечно. Сюда.

— Ты за ней смотри, — говорит мальчик нам вслед. — Seriously, очаровательные служанки из людей опасны.

Северин не отвечает.

Иду за ним в шатер. Остальные продолжают сидеть у костра; когда мы заходим внутрь, вижу нескольких женщин, расположившихся на подушках. Негромко играет флейта. Здесь же сидит женщина-рыцарь с мечом на коленях. Клинок настолько красив, что притягивает взгляд.

Северин ведет меня к невысокому столу, окруженному мягкими табуретами и заваленному закусками: серебряный графин для воды с ручкой из рога, блюдо с виноградом и абрикосами и тарелка с мелким медовым печеньем. Лорд жестом приглашает меня присесть и сам опускается на табурет.

— Ешь что захочешь, — говорит он, скорее предлагая, чем приказывая.

— Я хочу попросить тебя засвидетельствовать церемонию коронации, — сообщаю я, не обращая внимания на еду. — Но короновать будут не Балекина.

Он почти даже и не удивлен.

— Значит, ты не его посланница?

— Я посланница следующего Верховного Короля, — отвечаю я и достаю из кармана кольцо Кардана как доказательство того, что связана с королевской семьей и действую не самочинно. — Балекин не станет следующим Верховным Королем.

— Понятно. — Лицо его бесстрастно, но взгляд прикован к кольцу.

— И я могу обещать, что твой Двор будет признан суверенным, если ты поможешь нам. Никаких покушений на твои владения со стороны Верховного Короля. Вместо этого мы предлагаем тебе союз. — Мне настолько страшно, что горло сжимается, и я едва выговариваю последние слова. Если он не захочет помочь, то есть риск, что выдаст меня Балекину. Если подобное случится, все станет намного труднее.

У меня многое под контролем, но здесь я бессильна.

Лицо у Северина невозмутимое.

— Я не стану оскорблять тебя, выпрашивая, кого ты представляешь. Есть только один вариант — молодой принц Кардан, о котором я слышал разное. Но я не самый лучший кандидат на роль помощника, хотя условия, которые ты предлагаешь, весьма заманчивы. Мой Двор почти не имеет влияния. И более того, я сын изменника, поэтому моя честь вряд ли

добавит вам веса.

— Ты все равно собираешься на торжество к Балекину. Все, что мне от тебя требуется, — помощь в критический момент. — Он колеблется, но признает, что мое предложение заманчиво. Быть может, мне следует быть более убедительной. — Что бы ты ни слышал про принца Кардана, он будет лучшим королем, чем его брат.

По крайней мере сейчас я не лгу.

Северин окидывает взглядом шатер, словно проверяет, кто его слышит.

— Я помогу тебе, если увижу, что не одинок. И выдвигаю это условие скорее ради тебя, чем заботясь о себе, — с этими словами он встает. — Желаю тебе и твоему принцу удачи. Если я вам понадоблюсь, сделаю, что смогу.

Вставая с табурета, я еще раз кланяюсь.

— Ты очень великодушен.

Когда покидаю стоянку, голова идет кругом. С одной стороны, я это сделала. Сумела переговорить с одним из правителей Волшебной страны и в грязь лицом не ударила. Вроде даже убедила его действовать в соответствии с моим планом. Но мне нужно согласие еще одного монарха, гораздо более могущественного.

Это то самое место, которого я старалась избегать. Самая большая стоянка, разбитая Двором термитов Ройбена. Известный своей кровожадностью, он захватил обе свои короны в сражениях, поэтому у него нет причин возражать против кровавого переворота, устроенного Балекином. И все-таки, похоже, Ройбен придерживается того же мнения, что и Аннета из Двора Бабочек: Балекин без короны — пустое место.

Возможно, он тоже не захочет видеть одну из служанок Балекина. А учитывая размеры его палаточного городка, мне даже трудно представить себе, сколько караулов придется миновать, чтобы поговорить с ним.

Но, возможно, я сумею проскользнуть. В конце концов, вокруг столько народа, что значит одна-единственная девушка?

Я набираю охапку хвороста — достаточно большую, чтобы сошла за хорошую вязанку для костра, и, опустив голову, двигаюсь в сторону лагеря Термитов. По его периметру расставлены рыцари, но они и в самом деле почти не обращают на меня внимания.

От радости слегка кружится голова. Когда я была ребенком, Мадок иногда на середине останавливал игру «Девять пляшущих мужчин». Доска оставалась нетронутой и ждала, пока мы к ней вернемся. Весь день и всю ночь я воображала собственные ходы и ответные действия, и потом, когда мы снова усаживались за доску, игра уже шла совсем по-другому. Чаще

всего у меня не получалось предугадать следующий ход Мадока. Я была захвачена собственными замыслами и не замечала, как складывается игра.

Вот и сейчас, входя в лагерь, я чувствую то же самое. Я веду игру против Мадока, прокручиваю в голове планы и схемы, но, если не сумею правильно угадать его намерения, мне конец.

Бросаю охапку хвороста возле костра. Женщина с синей кожей и черными зубами мгновение смотрит на меня, потом возвращается к разговору с козлоногим мужчиной. Отряхивая одежду от коры, бреду к самому большому шатру. Стараюсь переставлять ноги неспешно, легко и свободно. Нахожу участок, на который падает густая тень, и ныряю под натянутую ткань. На минуту замираю, так и лежу — половина тела в шатре, половина снаружи, ни там, ни здесь полностью не спряталась.

Внутреннее пространство шатра освещается лампами, горящими зеленым алхимическим огнем, и все залито каким-то болезненным светом. Но в остальном интерьер просто роскошный. Повсюду в несколько слоев разложены ковры. На них установлены тяжелые деревянные столы, стулья и кровать, заваленная мехами и покрытая парчовыми одеялами с вышитыми на них гранатами.

А на столе, к моему удивлению, стоят картонные коробки с едой. Зеленокожая пикси, которая присутствовала на коронации вместе с Ройбенем, палочками отправляет еду в рот. Сам он сидит рядом, аккуратно разламывая печенье с предсказанием.

— Что это значит? — спрашивает девушка. — Как насчет «путешествия, про которое ты говорила своей подруге, что оно будет веселым, но закончится кровопролитием, как обычно»?

— Это значит, что «твои туфли сегодня сделают тебя счастливой», — отвечает он сухо и подает через стол маленькую карточку, чтобы она удостоверилась.

Она смотрит вниз на свои кожаные башмаки. Пожимает плечами, по ее губам скользит слабая улыбка.

Потом меня грубо вытаскивают из моего укрытия. Я перекатываюсь на спину и вижу перед собой женщину в доспехах и с обнаженным мечом. Кроме самой себя винить некого. Надо было лезть дальше и прятаться в шатре. Не следовало останавливаться и слушать их разговор, каким бы поразительным он ни был.

— Поднимайся, — приказывает женщина-рыцарь. Это Дулкамара. Однако на лице ее написано, что она меня не признает.

Встаю, она ведет меня в шатер и, когда заходим, делает подсечку, так что я валюсь на ковры. Хорошо, что мягко. Лежу и не двигаюсь. Она ставит

ступню мне на спину, словно я ее добыча.

— Я поймала шпионку, — объявляет она. — Сломать ей шею?

Есть возможность перекатиться на спину, захватить ее колено и бросить на пол. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы спокойно подняться. А если вывихнуть ей колено и броситься бежать, то я вполне сумею уйти. В самом худшем случае, будучи на ногах, схвачу оружие и смогу сражаться.

Но я пришла сюда для аудиенции с лордом Ройбеном и уже достигла этого. Поэтому продолжаю лежать — пусть Дулкамара и дальше недооценивает меня.

Лорд Ройбен выходит из-за стола и склоняется надо мной. Его белые волосы свисают ему на лицо, серебряные глаза смотрят безжалостно.

— И к какому же Двору ты принадлежишь?

— Ко Двору Верховного Короля. Настоящего Верховного Короля, Элдреда, убитого собственным сыном.

— Кажется, я тебе не верю. — Он удивляет меня и мягкостью своих слов, и предположением, что я лгу. — Иди сядь с нами и поешь. Я хочу послушать продолжение твоей истории. Дулкамара, можешь оставить нас.

— Ты собираешься это кормить? — сердито спрашивает она.

Лорд Ройбен не отвечает, и в шатре повисает мертвая тишина. Мгновением позже, опомнившись, Дулкамара кланяется и уходит.

Я подхожу к столу. Пикси рассматривает меня своими чернильно-черными, как у Таттерфелл, глазами. Потом тянет руку за яичным рулетом, и я замечаю, что у нее на пальцах суставов больше, чем у меня.

— Угощайся, — предлагает она. — Здесь много. Правда, пакетики с горчицей я почти все использовала.

Ройбен ждет, наблюдает за мной.

— Еда смертных, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Мы ведь живем рядом со смертными, не так ли? — произносит лорд.

— Я думаю, она не только живет рядом с ними, — замечает пикси, продолжая разглядывать меня.

— Прошу прощения, — говорит Ройбен и снова замолкает. Я наконец понимаю, что они действительно ждут, когда я что-нибудь съем. Накалываю на палочку китайский дамплинг и отправляю его в рот.

— Вкусно.

Пикси снова принимается за лапшу.

Ройбен делает жест рукой в ее сторону.

— Это Кайе. Полагаю, ты знаешь, кто я, раз проникла в мой лагерь. Каким именем можно называть тебя?

Я не привыкла, чтобы ко мне обращались с такой изысканной вежливостью: он поступает весьма учтиво, не спрашивая моего настоящего имени.

— Джуд, — просто отвечаю я, потому что имена не властны над смертными. — Я пришла увидеться с вами, так как могу посадить на трон вместо Балекина кое-кого другого, но чтобы совершить это, мне нужна ваша помощь.

— Кое-кого получше Балекина или просто кое-кого? — интересуется он.

Как ответить на этот вопрос, я не знаю, поэтому хмурюсь.

— Того, кто не убивал почти всю свою семью у всех на виду. Разве такой претендент автоматически не становится лучше?

Пикси — то есть Кайе — фыркает.

Лорд Ройбен разглядывает свою ладонь, опускает взгляд на стол, потом поднимает на меня. Ничего не могу прочитать на его мрачном лице.

— Балекин не дипломат, но может со временем научиться. Он явно амбициозен и сумел осуществить переворот. Не у каждого хватит смелости на такую жестокость.

— У меня едва хватило духа, даже чтобы просто посмотреть на это, — говорит Кайе.

— Он справился только отчасти, — напоминаю я. — Учитывая ваши слова на коронации, не думаю, что он вам нравится.

Уголки губ у Ройбена приподнимаются. Это едва заметный жест в миниатюре.

— Не нравится. Я думаю, что он трус, погубивший своих сестер и отца из-за уязвленного самолюбия. И он спрятался за своих вояк, предоставив генералу прикончить выбранного Верховным Королем наследника. Это свидетельствует о его слабости, а такое качество рано или поздно кто-нибудь использует.

От плохого предчувствия по моей спине пробегает холодная дрожь.

— Мне нужен правитель, который засвидетельствует коронацию, монарх достаточно сильный, чтобы с его свидетельством считались. То есть вы. Все произойдет завтра вечером, на празднике, который готовит Балекин. Если вы просто позволите этому случиться и присягнете новому Верховному Королю...

— Без обид, — вмешивается Кайе, — но тебе какое до всего этого дело? Почему тебя беспокоит, кто займет трон?

— Потому, что я здесь живу. Я здесь выросла. И пусть я полжизни ненавидела эту страну, она моя.

Лорд Ройбен кивает.

— А ты не собираешься рассказать мне, кто твой кандидат и как вы собираетесь возложить корону на его голову?

— Предпочла бы не рассказывать, — отвечаю я.

— Можно приказать Дулкамаре попытать тебя, пока не начнешь умолять, чтобы выслушали твои секреты. — Он говорит тихо, словно между прочим, но эти слова заставляют меня вспомнить о его ужасной репутации. Несмотря на все эти блюда китайской кухни и вежливое обращение, я не должна забывать, с кем и о чем договариваюсь.

— А это не сделает вас таким же трусом, как Балекин? — спрашиваю я, стараясь говорить с той уверенностью, которая помогла мне убедить Двор теней и Кардана. Не могу позволить ему увидеть, что мне страшно и насколько мне страшно.

Несколько долгих мгновений мы изучающе смотрим друг на друга, а пикси наблюдает за нами обоими. Наконец Лорд Ройбен тяжело вздыхает.

— Возможно, даже большим трусом. Что ж, очень хорошо, Джуд — творец королей. Сыграем с тобой в эту игру. Возложим корону на голову другого претендента, а не Балекина, и я помогу тебе удержать ее там. — Он делает паузу. — Но ты сделаешь кое-что для меня.

Я напряженно жду.

Ройбен сплетает свои длинные пальцы.

— Придет день, когда я попрошу твоего короля об одолжении.

— Вы хотите, чтобы я согласилась, даже не зная, о чем идет речь?

Его невозмутимое лицо слегка смягчается.

— Теперь мы правильно понимаем друг друга.

Я опускаю голову. А какой у меня выбор?

— Что-то равноценное, — добавляю я для ясности. — И то, что в нашей власти.

— Это была очень интересная встреча, — говорит лорд Ройбен с едва заметной загадочной улыбкой.

Когда я поднимаюсь, чтобы уйти, Кайе подмигивает мне своим чернильным глазом.

— Удачи, смертная.

С этим напутствием, эхом летящим мне вслед, я покидаю лагерную стоянку и шагаю назад, к Кардану.

ГЛАВА 28

Призрак уже на ногах. Он успел отлучиться и вернулся, доставив горсть мелких яблок, немного сушеной оленины, свежего масла и еще пару дюжин бутылок вина. Также он приволок несколько предметов мебели, как я заметила, из дворца — обитый шелком диван, атласные подушки, мерцающее покрывало из паучьего шелка и чайный сервиз из халцедона.

Он сидит на диване и смотрит на меня; в нем угадывается и напряжение, и усталость. Мне кажется, он огорчен, но не так, как люди.

— Итак. Помнится, мне обещали золото.

— А что, если я предложу тебе месть? — спрашиваю я, вновь ощущая тяжесть обязательств, уже лежащих на моих плечах.

Призрак обменивается взглядами с Бомбой.

— Значит, у нее все-таки есть какой-то замысел.

Бомба устраивается на подушке.

— Секрет, который гораздо лучше любого замысла.

Беру яблоко, подхожу к столу и усаживаюсь на него.

— Мы заявимся прямо на празднество Балекина и украдем у него королевство. Как тебе эта месть?

Решительной — вот какой я должна быть. Будто это мой дворец. Будто я генеральская дочь. Будто я действительно сумею с этим справиться.

Призрак улыбается краешком губ. Он достает из шкафа четыре серебряных кубка и ставит их на стол передо мной.

— Выпьешь?

Я качаю головой и наблюдаю, как он наливает вино. Призрак возвращается к дивану, но садится на самый край, словно готовится в любой момент вскочить. Делает большой глоток вина.

— Ты говорил об убийстве не рожденного ребенка Дайна, — напоминаю я.

Призрак кивает.

— Видел твоё лицо во время рассказа Кардана о Лириопе, когда ты поняла, что я участвовал в этом.

— Ты меня удивил, — честно признаюсь я. — Мне хотелось думать, что Дайн другой.

Кардан фыркает и берет серебряный кубок, предназначавшийся мне, как свой собственный.

— Убийство — жестокое ремесло, — произносит Призрак. — Я верил,

что из Дайна получится порядочный Верховный Король, как из любого принца нашего Народа. Но мой отец был смертным. Он считал, что от Дайна не будет добра. И от меня добра не ждал. Прежде чем зайти по дороге шпионажа достаточно далеко, надо решить, есть ли тебе дело до добра.

Вероятно, Призрак прав, но у меня сейчас нет времени обсуждать это.

— Ты не понимаешь. Ребенок Лириопы выжил.

Он потрясенно смотрит на Бомбу.

— Это и есть секрет?

Та самодовольно ухмыляется.

— И замысел.

Призрак долго смотрит на нее, потом поворачивается ко мне.

— Я не хочу искать новое место. Хочу остаться здесь и служить новому Верховному Королю. Поэтому «да» — давайте украдем королевство.

— Нам не нужно быть добрыми, — говорю я Призраку. — Но давайте попробуем быть честными. Честными, как любой принц Волшебной страны.

Призрак улыбается.

— А может, даже немного честнее. — Я перевожу взгляд на Кардана.

— Мне это нравится, — соглашается Призрак, кивая.

Потом он оправляется будить Таракана. Мне приходится все объяснять заново. Когда я дохожу до банкета и того, что, по моему мнению, случится, Таракан начинает перебивать на каждом слове, не давая закончить предложение. Когда я наконец выкладываю все, он приносит из какого-то кабинета свиток пергамента и перо и записывает, кто где должен находиться, чтобы план сработал.

— Ты переиначил весь мой план, — укоряю я его.

— Совсем немного, — отвечает он, облизывает перо и снова пишет. — Ты подумала про Мадока? Ему это не понравится.

Конечно, я подумала о Мадоке. Если бы не подумала, то вообще этим не занималась бы. Просто вручила бы ему живой ключ от королевства.

— Понимаю, — отвечаю я, глядя на винный осадок в кубке Призрака. В тот момент, когда я войду в зал вместе с Карданом, Мадок поймет, что я веду свою игру. А когда он осознает, что я хочу лишить его регенства, придет в ярость.

А в ярости он особенно кровожаден.

— У тебя есть что-нибудь приличное из одежды? — спрашивает Таракан. Увидев мой удивленный взгляд, он всплескивает руками. — Ты

занимаешься политикой. На этот банкет вы с Карданом должны явиться во всем великолепии. Твоему новому королю требуется, чтобы все выглядело, как положено.

Мы снова возвращаемся к плану, и Кардан помогает начертить схему Холлоу-Холла. Я стараюсь не смотреть на его длинные пальцы, скользящие по пергаменту, и борюсь с приступами слабости, когда он глядит на меня.

На рассвете выпиваю три чашки чаю и отправляюсь на встречу с Вивьен — сестра осталась последней, с кем я должна переговорить перед банкетом.

Иду назад, к своему дому — дому Мадока, поправляю себя; он никогда не был по-настоящему моим и после сегодняшней ночи никогда не будет. В золотом сиянии встает солнце. Поднимаясь по спиральной лестнице, проходя по комнатам, в которых выросла, чувствую себя тенью. В своей спальне собираю сумку. Яды, ножи, платье, драгоценности, которые, надеюсь, Таракан сочтет экстравагантными. С неохотой оставляю на кровати свои мягкие игрушки. Оставляю туфли и любимые безделушки. Расстаюсь со своей второй жизнью так же, как расставалась с первой, забирая с собой немногие вещи и полную неопределенность насчет того, что случится дальше.

Потом иду к двери Виви. Тихонько стучу. Через несколько секунд сонная сестра выпускает меня к себе.

— О, хорошо, — бормочет она, зевая, — ты уже собралась, — потом замечает выражение моего лица и трясет головой. — Пожалуйста, не говори, что ты остаешься.

— Кое-что произошло, — говорю я, осторожно опуская сумку на пол. Серьезных причин скрывать, что я в доме, нет, но скрытность уже стала привычкой. — Просто выслушай меня.

— Ты исчезла, — начинает она. — Я тебя ждала, ждала, делала перед отцом вид, что все прекрасно. Ты заставила меня беспокоиться.

— Знаю, — соглашаюсь я.

Виви смотрит на меня задумчиво, словно гадает, не дать ли мне подзатыльника.

— Боялась, что ты уже мертва.

— Нисколько не мертва, — беру ее за руку и притягиваю поближе к себе, чтобы говорить шепотом. — Но я должна рассказать кое-что и знаю, тебе это не понравится: я работала шпионом на принца Дайна. Он наложил на меня заклятие, и до его смерти я не могла никому ничего рассказать.

Сестра изящно подносит пальцы к глазам.

— Шпионила? И в чем это выжалось?

— Шныряла повсюду, собирала информацию. Даже убивала. И что бы ты сейчас ни сказала, я в этом преуспела.

— Понятно. — Вивьен видела, что со мною что-то не так, но и за миллион лет не догадалась бы, в чем дело. — И я узнала, что Мадок собирается произвести политический переворот, используя Оука. — Снова рассказываю про Лириопу, Ориану и Дайна. Теперь мне легко выделять только самое необходимое, подавать информацию быстро и доходчиво — ведь я излагала эту историю уже несколько раз. — Мадок хочет сделать Оука королем, а себя — регентом. Не знаю, всегда ли он хотел этого, но уверена, сейчас у него именно такой план.

— И поэтому ты не отправишься в мир людей со мной?

— Я хочу, чтобы вместо меня ты взяла Оука, — отвечаю я. — Сохрани его вдали отсюда, пока немного подрастет и станет достаточно взрослым, чтобы обходиться без регента. Я останусь здесь и позабочусь о том, чтобы ему было к чему вернуться.

Виви упирает руки в бока, и я сразу вспоминаю нашу мать.

— И как именно ты собираешься действовать?

— Предоставь это мне. — Я понимаю, что Вивьен видит меня насквозь. Чтобы отвлечь ее, рассказываю про банкет Балекина, про то, что Двор теней поможет мне заполучить корону. Мне нужна ее помощь, чтобы подготовить Оука к коронации. — Тот, кто контролирует корону, контролирует королевство, — твердо заявляю я. — Ты знаешь, если Мадок станет регентом, Волшебная страна погрузится в войны.

— Теперь позволь мне высказаться напрямую, — говорит Виви. — Ты хочешь, чтобы я забрала Оука из Волшебной страны, подальше от всех знакомых, и научила его быть хорошим королем? — с горечью спрашивает она. — Наша мать украла однажды ребенка у фейри — меня. Ты знаешь, чем это кончилось. Разве в этот раз может быть иначе? Разве ты можешь помешать Мадок и Балекину, которые будут преследовать Оука хоть до края земли?

— Можно послать кого-нибудь для его защиты, для защиты всех вас, но вообще-то у меня есть план. Мадок за вами не последует. — С Виви я всегда обречена чувствовать себя младшей сестрой, глуповатой и готовой споткнуться на ровном месте.

— Может, мне не нравится роль няньки, — заявляет Виви. — Может, я потеряю его на парковке или забуду забрать из школы. А может, научу ужасным штукам. И он станет винить во всем меня.

— Предложи другое решение. Думаешь, я действительно всего этого хочу? — Знаю, что мой голос звучит умоляюще, но ничего не могу с этим

поделать.

Наступает напряженный момент; мы смотрим друг на друга. Наконец она решительно опускается в кресло и откидывает голову на мягкую спинку.

— Как мне все объяснить Хизер?

— Я думаю, Оук — не самое шокирующее, что тебе придется ей объяснять. И это всего на несколько лет. Ты же бессмертная. А это, кстати, самый потрясающий факт, который предстоит ей сообщить.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Поклянись, что это единственный способ сохранить жизнь Оуку.

— Клянусь.

— И еще поклянись, что это не будет стоить тебе жизни.

Согласно киваю.

— Не будет.

— Лгунья. Ты грязная лгунья, я ненавижу ложь и ненавижу эту затею.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Знаю.

По крайней мере она не сказала, что ненавидит и меня тоже.

Когда Тарин открывает дверь своей спальни, я как раз направляюсь к выходу из дома. На ней юбка с оборками цвета плюща, повторяющими каскад падающих листьев.

От неожиданности у меня перехватывает дыхание — я не рассчитывала встретить ее.

Долгое мгновение мы смотрим друг на друга. Она замечает, что я с сумкой через плечо и в той же одежде, что и во время нашего поединка.

Потом она затворяет дверь, оставляя меня наедине с моей судьбой.

ГЛАВА 29

Я никогда не попадала в Холлоу-Холл через парадный вход. Раньше, переодевшись служанкой, проникала сюда через кухни. Теперь стою перед полированными деревянными створками, освещенными двумя лампами, внутри которых заключены лесные феи, летающие беспорядочными кругами. Они озаряют громадное злое лицо, вырезанное на дверях. Роль дверного молотка исполняет кольцо, продетое в нос маски.

Кардан протягивает руку к кольцу, и поскольку я выросла в Волшебной стране, то умудряюсь сдерживать крик ужаса, когда на лице поднимаются веки.

— Мой принц, — произносит маска.

— Моя дверь, — с улыбкой отвечает он. В ней читается и симпатия, и дружеские чувства. Дико видеть, что его несносное очарование действует даже на неодушевленный предмет.

— Привет и добро пожаловать, — говорит дверь и распаивается, а перед нами возникает один из фейри, служащих у Балекина. Он, раскрыв рот, глазеет на Кардана, пропавшего принца Волшебной страны, потом изрекает:

— Остальные гости уже здесь.

Кардан решительно берет мою руку, мы шагаем вперед, и меня окатывает теплой волной, когда мы нога в ногу вступаем в зал. Должна быть честной перед собой: несмотря на мое предвзятое отношение, несмотря на то, что он несносен, Кардан все-таки радует меня.

Может, мне не стоит придавать этому большого значения.

Но пока я сильно нервничаю из-за него. Он в костюме из гардероба Дайна; сначала его выкрали из дворца, а потом умелец-брауни за карточный долг Таракану перекроил его для Кардана. В наряде из разных оттенков кремового цвета принц выглядит величественно: плащ поверх жилета и рубашка навыпуск, бриджи, шейный платок, те самые башмаки с серебряными мысами, в которых он был на коронации, и одинокий сапфир, сияющий в левом ухе. Он и должен выглядеть величественно. Я помогала подбирать одежды, помогала наряжать его, и все равно внешность принца производит на меня впечатление.

На мне платье цвета бутылочного стекла, в ушах сережки в форме гроздьев ягод. В кармане золотой желудь Лириопы, на бедре отцовский меч. Под платьем спрятан набор ножей. Мне не кажется, что я взяла с собой

лишнее.

Пока мы идем по залу, все оборачиваются и смотрят на нас. Властелины и властительницы Волшебной страны. Короли и королевы прочих Дворов. Прибыла повелительница Подводного королевства. Моя семья. Оук, стоящий с Орианой и Мадокком. Я замечаю лорда Ройбена, его легко найти в толпе по белым волосам, но он ничем не выдает, что мы знакомы: лицо неподвижно, как маска.

Мне остается только надеяться, что он выполнит свою часть сделки. Никогда не любила заниматься подобными домыслами. Я выросла на понимании стратегии как на поиске слабых мест и умении их использовать. В этом я разбираюсь. Но подстраивать людей под себя, заставлять их становиться на твою сторону, делить с тобой участь — в этом я гораздо менее искушена.

Взгляд скользит от стола с закусками к изысканным нарядам, от них — к королю гоблинов, грызущему кость. А потом останавливается на Кровавой короне Верховного Короля, лежащей на подушечке на каменном выступе у нас над головами. Оттуда она сияет зловещим светом.

При виде короны я воображаю, как все наши планы пойдут прахом. Меня пугает мысль, что ее предстоит украсть на глазах у всех собравшихся. И все же разыскивать ее в Холлоу-Холле было бы не легче.

Балекин заканчивает разговор с незнакомой мне женщиной. На ней платье, сотканное из морских водорослей, и жемчужное ожерелье. Черные волосы собраны в корону и тоже украшены жемчугами; диадема, собранная из этих же камней, лентой охватывает возвышающуюся над головой прическу. Мне требуется мгновение, чтобы понять, кто эта женщина. Королева Орлаг, мать Никасии. Балекин покидает ее и через зал направляется к нам.

Кардан замечает Балекина и уводит меня к столу с винами. Здесь бутылки и графины — светло-зеленые, золотисто-желтые, красные, как кровь моего сердца. Напитки благоухают розами, одуванчиками, измельченными травами и смородиной. От одного запаха голова идет кругом.

— Маленький брат, — говорит Балекин Кардану. Он с головы до ног одет в черное с серебром, бархатный камзол так густо расшит изображениями корон и птичек, что выглядит тяжелым, как доспехи. На челе серебряный венец, оттеняющий цвет его глаз. Это не та корона, но это корона. — Я тебя повсюду искал.

— Не сомневаюсь. — На лице Кардана улыбка негодяя, каковым я его всегда считала. — В конце концов оказалось, что я могу быть полезен.

Какой неприятный сюрприз.

Принц Балекин улыбается в ответ — они словно начинают дуэль, но пока без применения физической силы. Уверена, он с удовольствием бросился бы на Кардана и принялся лупить, заставляя сделать то, что ему хочется, но поскольку остальная семья уничтожена, Балекин нуждается в добровольном участнике коронации.

Во всяком случае, присутствие Кардана добавляет собравшимся уверенности, что Балекин скоро станет Верховным Королем. Если он сейчас схватит

Кардана за грудки или позовет стражников, то эта иллюзия рассеется.

— А ты? — Балекин обращает внимание на меня, и глаза его злобно сверкают. — Какое отношение к делу имеешь ты? Оставь нас.

— Джуд, — доносится голос Мадока. Он подходит к нам и останавливается возле принца Балекина, который сразу понимает, что я все-таки имею отношение к делу.

У Мадока вид недовольный, но отнюдь не встревоженный. Кажется, он считает меня дурой, которая нашла потерянного принца и ждет, что ее за это погладят по головке. Сейчас он клянет себя за то, что четко не разъяснил мне, как я должна распорядиться Карданом, то есть привести его к нему, а не к Балекину. Я улыбаюсь Мадоку своей самой жизнерадостной улыбкой, словно девчонка, которая считает, что решила проблемы, заботившие всех.

Какое, должно быть, разочарование — настолько приблизиться к цели, собрать в одном месте и Оука, и корону, лордов и властителей Волшебной страны. А потом отродье твоей первой жены вставляет палку в крутящееся колесо — приводит того, кто, похоже, возложит корону на голову твоего соперника.

И тут я замечаю, что Мадок оценивающе поглядывает на Кардана. Он на ходу перекраивает свой план.

Мадок опускает мне на плечо свою тяжелую руку.

— Ты его нашла. — Он поворачивается к Балекину. — Надеюсь, ты вознаградишь мою дочь. Уверен, ей пришлось использовать всю силу убеждения, чтобы привести принца сюда.

Кардан бросает на Мадока странный взгляд. Мне вспоминается, как он жаловался, что Мадок заботится обо мне, а Эддред на него почти не обращает внимания. Но по взгляду Кардана я догадываюсь, что ему странно видеть рядом бравого генерала и его человеческую дочь.

— Я дам ей все, что попросит, и даже больше, — с напыщенным видом заявляет Балекин. Вижу, что Мадок хмурится, быстро улыбаюсь ему

и наливаю два бокала вина — в один светлого, в другой темного. Наливаю очень бережно, используя всю ловкость, на которую способны мои пальцы. Не проливаю ни капли.

Вместо того чтобы протянуть один бокал Кардану, предлагаю оба Мадок — на выбор. Улыбаясь, он берет тот, в котором вино цвета крови из сердца. Второй я оставляю себе.

— За будущее Волшебной страны, — провозглашаю я и чокаюсь с Мадок; бокалы звенят, как колокольчики. Мы пьем. Эффект я ощущаю сразу же — что-то вроде волны, которая несет меня по воздуху. На Кардана мне даже смотреть не хочется; он примется хохотать, если решит, что я опьянела от нескольких глотков вина.

Кардан наливает бокал себе и осушает его.

— Возьми сразу бутылку, — советует Балекин. — Сегодня я буду щедр. Давай обсудим, чего бы тебе хотелось — я готов на что угодно.

— К чему такая спешка? — лениво спрашивает Кардан.

Балекин зло смотрит на него; заметно, что его терпение иссякает.

— Я думаю, всем хотелось бы увидеть, что дело улажено.

— И тем не менее, — отвечает Кардан, берет бутылку вина и пьет прямо из горлышка. — У нас вся ночь впереди.

— Власть в твоих руках, — коротко бросает Балекин, но всем понятно, что он не договаривает одно слово — «пока».

Я замечаю, как желваки ходят на скулах Кардана. Уверена, Балекин сейчас представляет, как накажет Кардана за задержку. Это звучит в каждом его слове.

Мадок, напротив, уже оценил ситуацию и сейчас, похоже, прикидывает, что он может предложить Кардану. Когда он отпивает вина и улыбается мне, это уже настоящая улыбка. Зубастая и спокойная. Я вижу его насквозь — думает о том, что манипулировать Карданом будет несравненно легче, чем Балекином.

Внезапно мне становится ясно, что, будь мы в другой комнате, меч Мадок уже оказался бы в груди Балекина.

— После ужина я сообщу тебе мои условия, — говорит Кардан. — Но до той поры я собираюсь наслаждаться праздником.

— Мое терпение не безгранично, — рычит Балекин.

— Работай над ним, — советует Кардан и с легким поклоном уводит меня от Балекина и Мадок.

Я оставляю свой бокал возле блюда с воробьиными сердечками, нанизанными на длинные серебряные спицы, и плыву сквозь толпу рядом с принцем.

Нас останавливает Никасия; она кладет на грудь Кардана ладонь с длинными пальцами, ее лазурные волосы ярко контрастирует с платьем цвета бронзы.

— Где ты был? — спрашивает она, бросая взгляд на наши сцепленные руки. Никасия морщит свой изящный носик, но в ее голосе угадывается паника. Она только притворяется спокойной, как и все мы.

Уверена, она думала, что Кардан мертв, если не случилось что-нибудь похуже. У Никасии, должно быть, много вопросов к принцу, но в моем присутствии она задавать их не станет.

— Джуд сделала меня пленником, — говорит он, и я подавляю желание наступить ему на ногу. — Она вяжет очень тугие узлы.

Никасия явно не может понять, следует ли ей смеяться. Почти испытываю к ней сочувствие: сама не знаю, смеяться или нет.

— Хорошо, что ты наконец сбросил ее путы, — решается заметить моя соперница.

Кардан морщит лоб.

— Ты полагаешь, сбросил? — спрашивает он надменно и одновременно снисходительно, словно она показала себя менее умной, чем он рассчитывал.

— Неужели даже теперь ты не можешь вести себя по-другому? — спрашивает она, решив не замечать намека, и протягивает руку к его ладони.

Лицо его смягчается — таким я его никогда не видела.

— Никасия, — говорит он, отстраняясь. — Сегодня держись от меня подальше. Ради твоего же блага.

Меня слегка ранит, что он так добр с нею. Видеть это не могу.

Она смотрит на меня — пытается понять, почему это пожелание распространяется только на нее. А потом Кардан двигается прочь, и я с ним вместе. На другом краю зала замечаю Тарин, рядом с ней Локк. Глаза ее расширены, она пожирает глазами того, кто шагает рядом со мной. По ее лицу пробегает что-то очень похожее на негодование.

У нее есть Локк, но я здесь с принцем.

Так вообще-то нечестно. Я не могу по одному взгляду судить, о чем она думает.

— Часть первая завершена, — говорю я едва слышно, отводя взгляд от сестры. — Мы прибыли, вошли и до сих пор не в кандалах.

— Да, — отвечает Кардан. — Помнится, Таракан сказал об этой части плана «проще простого».

План, который я ему изложила, состоит из пяти частей: первая —

войти; вторая — запустить остальных; третья — завладеть короной; четвертая — возложить корону на голову Оука; пятая — выйти.

Я извлекаю ладонь из его руки.

— Никуда один не уходи.

Он отвечает натянутой улыбкой покинутого на произвол судьбы и кивает.

Я направляюсь к Ориане и Оуку. Вижу, как на другом краю зала Северин прерывает с кем-то разговор и идет к принцу Балекину. На верхней губе у меня выступает пот, ладони тоже влажные. Если Северин скажет что-нибудь лишнее, придется отказаться от промежуточных звеньев плана и сразу переходить к последнему, то есть убираться отсюда.

При моем приближении Ориана кладет обе руки на плечи Оука. Он поднимает руки к ее ладоням. Хочется схватить его, обнять. Надо бы спросить, объяснила ли Виви, что здесь произойдет. Заверить, что все будет прекрасно. Но Ориана сжимает его пальцы, привлекает мальчика к себе, избавляя меня от необходимости лгать.

— Что это значит? — спрашивает Ориана, кивая в сторону Кардана.

— То, о чем вы просили, — отвечаю я, проследив за ее взглядом. Балекин каким-то образом вовлек Кардана в разговор с Северином. Кардан хохочет и ведет себя вызывающе нагло. Я шокирована осознанием того, что если всю жизнь проводить в страхе, с постоянной оглядкой за спину, то легко делать вид, что не замечаешь даже серьезной опасности. Мне удивительно, что Кардан способен на это. Балекин кладет ладонь ему на плечо. Кажется, что его пальцы вот сейчас вопьются в шею Кардана.

— Придется нелегко, — говорю я Ориане. — Надеюсь, вы понимаете, что за все надо платить...

— Я заплачу, — быстро говорит она.

— Никто из нас не знает цену, — бросаю я, затем спохватываюсь, не услышал ли кто мой резкий тон. — Но всем нам придется заплатить.

От вина я разругалась, а во рту чувствуется металлический привкус. Наступает время перехода к следующей части плана. Оглядываюсь в поисках Виви, но она в другом углу зала. Сейчас не время с ней разговаривать, даже если бы я придумала о чем.

Улыбаюсь Оуку и надеюсь, что улыбка у меня ободряющая. Часто думаю вот о чем: виновато ли мое прошлое в том, какой я стала, не оно ли превратило меня в чудовище? Если да, то не сотворю ли я чудовище из этого мальчика?

Виви на такое не способна, говорю я себе. Ее дело — научить его думать о других вещах, кроме власти, а мое — заботиться только о власти,

чтобы приготовить место к его возвращению. Набрав в грудь побольше воздуха, направляюсь к дверям, ведущим в коридор. Прохожу между двумя рыцарями и сворачиваю за угол, чтобы уйти из их поля зрения. Перевожу дыхание и открываю окна.

Вся в нетерпении, жду несколько долгих мгновений. Если Таракан с Призраком сейчас запрыгнут в окно, я объясню, где находится корона. Но вместо этого открывается дверь в банкетный зал, и я слышу, как Мадок велит рыцарям удалиться. Я перехожу на другое место, чтобы оказаться на виду. Заметив меня, Мадок быстро подходит.

— Джуд. Я так и думал, что ты здесь.

— Мне захотелось свежего воздуха, — объясняю я, делая вид, что нервничаю. Отвечаю на вопрос, который еще не прозвучал.

Похоже, ему дела нет до моих объяснений.

— Когда ты нашла принца Кардана, тебе следовало идти сразу ко мне. И тогда мы могли бы вести переговоры с позиции силы.

— Я предполагала, что ты скажешь нечто подобное.

— Поэтому сейчас мне нужно переговорить с ним наедине. Я хотел бы, чтобы ты сходила за ним и привела сюда. Тогда мы вдвоем и все и обсудим.

Я иду от окна на открытое место. Призрак и Таракан могут появиться в любой момент, и я не хочу, чтобы Мадок их заметил.

— Об Оуке? — спрашиваю я.

Как я и рассчитывала, Мадок, заметно помрачнев, идет за мной от окна.

— Ты знала?

— Что у тебя есть план самому править Эльфхеймом? Догадалась.

Он смотрит на меня как на чужую, хотя я никогда с такой силой не чувствовала, что я здесь своя. Мы впервые глядим друг на друга, сбросив маски.

— И все-таки привела принца Кардана сюда, к Балекину. Или ко мне? Если ко мне, значит, будем договариваться?

— Либо первое, либо второе, правильно?

Мадок начинает злиться.

— Может, ты предпочитаешь, чтобы Верховного Короля не было вовсе? Если уничтожить корону, начнется война, а если будет война, я ее выиграю. Так или иначе, я захвачу власть, Джуд. И когда это произойдет, тебе останется только извлекать выгоду. Нет смысла мешать мне. Ты получишь рыцарство. Получишь все, о чем когда-либо мечтала. — Он делает еще один шаг. Сейчас мы на расстоянии удара.

— Ты говоришь: «я захвачу власть». Ты, — напоминаю я ему и тянусь к рукояти меча. — Ты даже не вспоминаешь о Оуке. Он лишь средство на пути к цели, и эта цель — власть. Власть для тебя.

— Джуд... — начинает он, но я перебиваю:

— Я заключу с тобой сделку. Поклянись, что никогда не поднимешь руку на Оука, и я помогу. Обещай, что, когда он вырастет, ты незамедлительно сложишь полномочия регента. Передашь ему всю власть, которой будешь располагать, и сделаешь это добровольно.

Мадок кривит губы. Сжимает руки в кулаки. Знаю, он любит Оука. Любит меня. Уверена, что и мою мать любил, но по-своему. Он тот, кто он есть. Я знаю, он не сможет дать таких обещаний.

Вытаскиваю меч, и Мадок тоже обнажает клинок, от стен отражается скрежет металла. Слышится далекий хохот, но здесь, в коридоре, мы одни.

У меня потеют ладони, но чувство такое, что все происходящее было предreshено, словно я все время шла к этому моменту всю свою жизнь.

— Ты не сможешь со мною справиться, — предупреждает Мадок, становясь в боевую позицию.

— Уже справилась, — возражаю я.

— Ты никоим образом не победишь. — Он делает клинком приглашающее движение, подбадривая меня и предлагая напасть первой, словно это всего лишь учебный бой. — На что ты надеешься здесь, в твердыне Балекина, располагая одним пропавшим принцем? Я разберусь с тобой, а потом отниму у тебя принца. Ты могла иметь все, что захочешь, но теперь у тебя не останется ничего.

— Ах да, позволь мне изложить весь мой план. Ты как раз подталкиваешь меня к его осуществлению. — Я делаю решительное лицо. — Давайте не будем тянуть. В этой части мы деремся.

— По крайней мере ты не из трусливых. — Он бросается на меня и наносит удар с такой силой, что, даже блокируя его, я лечу на пол. Перекатываюсь через голову и становлюсь в позицию, но я ошеломлена. Мадок никогда не бился со мной вот так, в полную силу. Меня ожидает отнюдь не обмен элегантными выпадами.

Он — военачальник Верховного Короля. Я знала, что он лучше меня, но не знала насколько.

Искоса бросаю взгляд на окна. Я не могу быть сильнее него, но мне это и не нужно. Просто требуется продержаться на ногах еще немного. Делаю выпад, надеясь застать его врасплох. Он парирует, снова отбрасывая меня назад. Увертываюсь и бью с разворота, но он угадывает, и я опять неуклюже отшатываюсь, едва успевая отразить тяжелый рубящий удар. От

силы его ударов у меня болят руки.

Все происходит очень быстро.

Я перехожу в нападение, используя серию приемов, которым он меня научил, а потом применяю уловку, которую показал Призрак. Я наношу обманный удар слева, потом меняю направление клинка и задеваю его бок. Удар получается слабый, и мы оба удивлены, когда на его камзоле проступает мокрая красная линия. Он бросается на меня. Прыгаю в сторону; он наносит удар локтем мне в лицо, и я падаю спиной на пол. Из носа прямо в рот льется кровь.

Шатаюсь, поднимаюсь на ноги.

Как бы я ни старалась изображать из себя героиню, мне страшно. Я вела себя дерзко, пыталась выиграть время. Сейчас он одним ударом может разрезать меня пополам.

— Сдавайся, — командует он, нацеливая меч мне в горло. — Достойная получилась попытка. Я прощу тебя, Джуд, и мы вместе вернемся на банкет. Убедишь Кардана сделать то, что мне требуется. Все будет так, как должно быть.

Я сплевываю кровь на каменные плиты.

Меч в его руке слегка дрожит.

— Сам сдавайся, — отвечаю я.

Мадок хохочет, словно мне удалась особенно веселая шутка. Потом замолкает, его лицо искажает гримаса.

— Мне кажется, что ты не совсем чувствуешь свое тело, — замечаю я.

Меч Мадока понемногу опускается, и он смотрит на меня, внезапно понимая, что что-то не так.

— Ты что сделала?

— Отравила тебя. Не бойся. Доза достаточно маленькая. Будешь жить.

— Чаша вина, — понимает он. — Но откуда ты знала, какую выберу я?

— Я не знала, — отвечаю и одновременно думаю, что ответ ему понравится, несмотря на его самочувствие. Как раз такую стратегию он ценит превыше всего. — Яд был в обеих.

— Ты сильно пожалеешь, — выдавливают он. Теперь у него дрожат ноги. Это мне известно. Я чувствую отзвук этой дрожи в собственных икрах. Но я-то уже привыкла употреблять яды.

Вкладывая меч в ножны, я заглядываю ему в глаза.

— Отец, я то, что ты из меня сделал. В конце концов я стала твоей дочерью.

Мадок снова поднимает клинок, будто собирается напасть на меня в последний раз. Но меч выпадает из его руки, он падает и простирается на

каменном полу.

Когда после нескольких минут ожидания появляются Призрак и Таракан, они обнаруживают, что я сижу возле Мадока, слишком уставшая, чтобы убрать его тело.

Таракан молча протягивает платок, и я принимаюсь вытирать текущую из носа кровь.

— Переходим к третьей части, — говорит Призрак.

ГЛАВА 30

Я возвращаюсь в банкетный зал, когда все усаживаются на свои места за длинным столом. Иду напрямиком к Балекину и делаю глубокий реверанс.

— Мой лорд, — негромко обращаюсь к нему, — Мадок просил передать, что он задерживается, и просит начинать без него. Серьезных причин для беспокойства нет, но сюда проникли несколько шпионов Дайна. Он известит вас, когда поймает или перебьет их.

Балекин смотрит на меня, слегка поджав губы и сузив глаза. Он замечает следы крови из носа и изо рта, которые я не до конца стерла, бисеринки пота на лице. Мадок спит в старой комнате Кардана, и, по моим расчетам, у нас по крайней мере час до того, как он придет в себя. Мне кажется, если бы Балекин смотрел повнимательнее, он все прочел бы по моему лицу.

— Ты оказалась более полезной, чем я предполагал, — говорит он, легко касаясь моего плеча. Похоже, он запомнил, как был спесив, когда мы с Карданом только вошли в зал, и рассчитывает, что я тоже забуду. — Продолжай в том же духе, и будешь вознаграждена. Хочешь жить, как одна из нас? Хочешь стать, как одна из нас?

Может ли Верховный Король Волшебной страны на самом деле дать мне это? Неужели он в состоянии превратить смертное человеческое существо в нечто другое?

Вспоминаются слова Валериана, когда он колдовством пытался заставить меня выпрыгнуть из башни: родиться смертным все равно что родиться уже мертвым.

Он видит выражение моего лица и улыбается, уверенный в том, что угадал мое сокровенное желание.

Неприятное чувство охватывает меня, пока я иду к своему месту. Должна бы ощущать себя победительницей, но вместо этого меня тошнит. Перехитрив Мадока, я не испытываю того удовлетворения, которого ожидала: ведь он не мог даже предполагать, что я способна на предательство. Возможно, пройдут годы, и мои надежды на этот план оправдаются, но до тех пор мне придется жить с этой горечью в сердце.

Будущее Волшебной страны зависит от моего замысла и от того, насколько полно мне удастся его осуществить.

Заметив Виви, сидящую между Никасией и лордом Северином, на ходу улыбаюсь ей. Она отвечает мне мрачной усмешкой.

За мной искоса наблюдает лорд Ройбен. Сидящая рядом с ним зеленая пикси шепчет что-то ему на ухо, и он качает головой. На другом конце стола Локк целует руку Тарин. Королева Орлаг с любопытством смотрит на меня. Здесь всего трое смертных — Тарин, я и рыжий мальчишка из свиты Северина, и королеве Орлаг, по-моему, я кажусь мышкой, за которой наблюдает целое сборище котов.

Под потолком висит люстра из тонких слюдяных пластин. В ней заключены крошечные светящиеся феи, от которых по залу идет ровное теплое сияние. Иногда они летают внутри, и тогда по стенам зала пляшут тени.

— Джуд, — зовет Локк, неожиданно касаясь моей руки, так что я вздрагиваю. Его лисьи глаза от удивления сощурены. — Кажется, я немного ревную тебя к Кардану, с которым вы шествовали рука об руку.

Я на шаг отступаю.

— У меня нет времени на такие разговоры.

— Сама знаешь, ты мне нравилась, — говорит он. — И до сих пор нравишься.

В этот момент в голову приходит мысль: а что, если я сейчас размахнусь и ударю его?

— Уходи, Локк.

В ответ он улыбается.

— Больше всего мне нравится в тебе то, что никогда не угадаешь твой следующий шаг. Я, например, и подумать не мог, что вы из-за меня устроите дуэль.

— Я не устраивала, — отворачиваюсь от него и иду к столу, слегка неуверенно держась на ногах.

— Вот и ты, — говорит Кардан, пока я устраиваюсь возле него. — Как проводишь праздничную ночь? Моя наполнена скучными разговорами о том, как голова принца Кардана будет смотреться на пике.

У меня дрожат руки. Говорю себе, что это всего лишь яд. Во рту сухо. Для состязания в остроумии просто нет сил. Слуги разносят блюда: жареный гусь в блестящей смородиновой глазури, устрицы и тушеное мясо с овощами, торты из желудей и полная рыбина, фаршированная плодами шиповника. Разливают вино — темно-зеленое, с плавающими в нем золотыми блестками. Я наблюдаю, как они опускаются на дно стакана, образуя сверкающий осадок.

— Я тебе уже говорил, как отвратительно ты сегодня выглядишь? — интересуется Кардан, откидываясь на спинку стула, покрытую искусной резьбой. Слова он произносит с теплой улыбкой, отчего вопрос кажется

мне похожим на комплимент.

— Нет, — отвечаю я, радуясь, что своим замечанием он вернул меня к действительности. — Скажи.

— Не могу, — возражает он, потом хмурится. — Джуд... — Кажется, никогда не привыкну к тому, как из его уст звучит мое имя. Кардан сдвигает брови. — У тебя на подбородке проступает синяк.

Делаю большой глоток воды.

— Все в порядке.

Осталось недолго.

Балекин встает и поднимает свой стакан.

Отодвигаю стул, поэтому, когда раздается взрыв, я уже на ногах. В какое-то мгновение кажется, что от оглушительного грохота помещение наклоняется набок. Гости вопят. Падают и бьются хрустальные бокалы.

Бомба сделала свое дело. В полной сумятице из затененной ниши в стене вылетает и впирается в деревянный стол прямо перед Карданом черная стрела.

Балекин вскакивает на ноги.

— Там! — кричит он. — Там убийца! — Из темноты выскакивает Таракан, снова стреляет, и рыцари кидаются к нему.

Еще одна стрела несется в сторону Кардана, который делает вид, что остолебенел от испуга, и не двигается, как мы и договаривались. Таракан доходчиво объяснил ему, что гораздо безопаснее будет не шевелиться, так легче в него не попасть.

Кого мы не взяли в расчет, так это Балекина. Он сшибает Кардана со стула, бросает его на пол и закрывает своим телом. Смотрю и понимаю, насколько же плохо разбираюсь в их отношениях. Теперь Балекин не видит, что Призрак уже забрался на выступ, где покоится кровавая корона. Да, он вынудил рыцарей отправиться вдогонку за Тараканом, Бомба воспользовалась этим и закрыла за ними дверь на засов.

А еще своим поступком Балекин напомнил Кардану, почему не стоит спешить с реализацией нашего плана.

Я полагала, что для Кардана Балекин — человек, которого он ненавидит, убийца его семьи. Забыла, что Балекин и есть семья Кардана. Именно он вырастил Кардана, пока Дайн плел против него заговоры, когда собственный отец удалил его из дворца. Балекин — все, что у него осталось.

И хотя я уверена, что из Балекина получился бы ужасный король, от которого мог пострадать и Кардан, и многие другие, я равно уверена, что Балекин поделился бы с Карданом властью. Он разрешил бы ему быть

жестоким — при условии, что сам Балекин будет проявлять еще большую жестокость.

Возложить корону на голову Балекина — вот какой вариант был бы для Кардана самым выигрышным. Гораздо надежнее, чем служить мне и верить в какого-то будущего Оука. Он поклялся мне в верности. Остается только позаботиться, чтобы не уклонялся от исполнения моих распоряжений.

Я зажата в толпе, и мне труднее выбраться из нее, чем я рассчитывала, поэтому я нахожусь не там, где, по мнению Призрака, должна находиться. Смотрю вверх, на выступ — он там, появляется из тени. Бросает корону, но не мне. Призрак кидает корону моей сестре-близнецу. Она падает к ногам Тарин.

Виви берет Оука за руку. Сквозь толпу проталкивается лорд Ройбен.

Тарин поднимает корону.

— Отдай ее Виви, — говорю я ей. Призрак, поняв свою ошибку, поднимает арбалет и целится в мою сестру, но этот выстрел ничем нам не поможет. Тарин устремляет на меня испуганный преданный взгляд.

С трудом поднимается на ноги Кардан. Балекин тоже встает и шагает через зал.

— Дитя, если ты не отдашь мне это, я разрублю тебя пополам, — говорит он Тарин. — Я буду Верховным Королем и, когда стану им, накажу всех, кто мне не подчинялся.

Сестра держит корону перед собой и переводит взгляд с Балекина на Виви, потом на меня. Смотрит на всех присутствующих лордов и дам, наблюдающих за нею.

— Отдай мне корону, — приказывает Балекин, подходя к ней.

На его пути встает Ройбен и упирается ладонью в грудь Балекина.

— Подожди. — Он не обнажает меча, но я вижу, как у него под плащом посверкивают ножи.

Балекин пытается оттолкнуть руку Ройбена, но у него ничего не получается. Призрак переводит прицел на Балекина; за ним наблюдают все глаза в зале. Королева Орлаг стоит в нескольких шагах от Ройбена и Балекина.

В воздухе явственно пахнет бедой.

Двигаюсь в сторону Тарин, чтобы оказаться прямо перед ней.

Если Балекин обнажит клинок, если отбросит дипломатию и просто нападет, то в зале, похоже, начнется резня. Кто-то будет сражаться на его стороне, кто-то против. Сейчас обеты короне не имеют значения; после того, как он убил свою собственную семью, никто не чувствует себя в

безопасности. Балекин собрал в этом зале правителей Волшебной страны, чтобы подчинить их, но, кажется, даже Балекин понимает, что еще одним кровопролитием этого вряд ли добьешься.

Кроме того, Призрак может застрелить его прежде, чем Балекин доберется до Тарин, ведь у него под нарядом нет доспехов. Как бы богато ни был расшит камзол, он не спасет от стрелы, пущенной в сердце.

— Она всего лишь смертная девчонка, — произносит Балекин.

— Чудесный банкет, Балекин, сын Элдреда, — вмешивается королева Орлаг. — Но, к сожалению, до сего момента не хватало забав. Давайте развлечемся. В конце концов, в этом зале короне ничего не грозит, не так ли? Позволим девочке выбрать, кому она ее отдаст. Какая разница, если ни один из вас не хочет короновать другого?

Я удивлена. Думала, она союзница Балекина, но теперь допускаю, что дружба Никасии с Карданом повлияла на расположение Орлаг в пользу последнего. А может, она никому не симпатизирует, просто хочет усилить власть моря и ослабить влияние земли.

— Ерунда, — возражает Балекин. — А как же взрыв? Неужели он недостаточно тебя развлекал?

— Это определенно возбуждает мой интерес, — замечает лорд Ройбен. — Кажется, ты где-то потерял своего генерала. Формально твое правление даже не началось, но, похоже, сулит полный хаос.

Поворачиваюсь к Тарин и сжимаю пальцами холодный металл короны. Вблизи она выглядит восхитительно. Кажется, что листья, словно живые, растут прямо из темного золота, их черенки изящно переплетаются друг с другом.

— Прошу тебя, — обращаюсь я к Тарин. Между нами еще много всего плохого. Столько злости, предательства и ревности.

— Что ты делаешь? — шипит на меня Тарин. Со странным мерцанием в глазах из-за ее спины на меня смотрит Локк. Моя история становится все интереснее, а я знаю, что больше всего он любит истории.

— Наилучшее из того, что можно сделать, — отвечаю я.

Тяну корону на себя, и несколько долгих мгновений Тарин крепко держит ее. Потом разжимает пальцы, и я отшатываюсь с короной в руке.

Виви осмеливается подвести Оука поближе. Ориана остается с толпой; она стискивает ладони. Должно быть, заметила отсутствие Мадока и пытается понять, что я имела в виду, когда говорила, что придется заплатить.

— Принц Кардан, — зову я. — Это для вас.

Толпа расступается перед ним — еще одной ключевой фигурой этой

драмы. Он идет, чтобы встать рядом со мной и Оуком.

— Стойте! — кричит Балекин. — Остановите их немедленно! — Он больше не собирается играть в политику и вытаскивает меч. По всему залу со зловещим скрежетом из ножен выползают мечи. Я слышу, как заколдованная сталь стонет в воздухе.

Тяну руку к Закату, и в этот миг Призрак стреляет еще раз.

Балекина отбрасывает назад. По залу проносится глубокий потрясенный вздох. Застрелить короля, пусть еще не коронованного, нешуточное дело. Потом, когда меч Балекина падает на старинный ковер, я вижу, куда угодила стрела.

Арбалетная стрела пригвоздила к праздничному столу его руку. Ту самую, которая казалась твердой как сталь.

— Кардан, — зовет Балекин. — Я тебя знаю. Знаю, ты предпочел бы, чтобы я занимался нелегкой работой правителя, а ты наслаждался бы властью. Знаю, ты презираешь смертных, негодяев и глупцов. Подойди! Я никогда не плясал под твою дудку, но у тебя кишка тонка, чтобы противостоять мне. Принеси корону.

Я подзываю Оука поближе и вкладываю корону в его руки, чтобы он рассмотрел ее и привыкал держать. Виви ободряюще похлопывает его по спине.

— Принеси мне корону, Кардан, — требует Балекин.

Принц Кардан бросает на своего старшего брата такой же холодный расчетливый взгляд, которым Балекин смотрел на тех, кому обламывал крылья, кого бросал в реки или навсегда прогонял от Двора.

— Нет, брат. Я этого не сделаю. Если бы у меня не было другой причины, чтобы выступить против тебя, я бы выступил тебе назло.

Оук смотрит на меня снизу вверх — ждет подтверждения, что он все делает правильно перед лицом стольких зрителей. Я подбадриваю его улыбкой.

— Покажи Оуку, — шепчу я Кардану. — Покажи ему, что надо делать. Опустись на колени.

— Они подумают... — начинает он, но я перебиваю.

— Просто сделай это.

Кардан опускается на колени, и толпа замолкает. Мечи возвращаются в ножны. Движение замирает.

— О, это занятно, — негромко говорит лорд Ройбен. — Кем может быть этот ребенок? Или чей он? — Ройбен обменивается с королевой Аннет почти незаметной улыбкой.

— Видишь? — спрашивает Кардан у Оука и делает нетерпеливый

жест рукой. — Теперь корону.

Я смотрю вокруг, на лордов и дам Волшебной страны. Ни одного дружелюбного лица. Все насторожены и ждут. У Балекина дикое от ярости лицо, он дергает стрелу, словно готов разорвать себе руку, лишь бы этого не случилось. Оук делает к Кардану неуверенный шаг, потом другой.

— Часть четвертая, — шепчет мне Кардан, все еще ни о чем не подозревая.

Думаю о Мадоке, спящем наверху и видящем сны про убийство. Думаю об Ориане и Оуке, которым предстоит разлука на годы. О Кардане и о том, как он будет меня ненавидеть. Думаю о том, что веду себя как последняя негодница.

— Велю тебе всю следующую минуту не шевелиться, — шепчу я ему в ответ.

Кардан замирает.

— Давай, — говорит Виви Оуку. — Как мы делали.

И с этими словами Оук возлагает корону на голову Кардана и надвигает на брови.

— Корону тебя. — Детский голос звучит неуверенно. — Королем. Верховным Королем Волшебной страны. — Он смотрит на Виви, потом на Ориану. Ждет, пока кто-нибудь скажет, что он все сделал хорошо, что он справился.

Все дружно ахают. Балекин рычит от злости. Раздаются хохот и радостные крики. Всем понравился сюрприз, а фейри больше всего по душе сюрпризы.

Кардан в бессильной ярости смотрит на меня. Потом, когда минута истекает, встает на ноги. В глазах горит знакомый гнев — ярко, как сигнальный костер, жарко, как угли, которые горячее любого пламени. На этот раз я заслужила гнев. Ведь обещала, что он удалится от Двора со всеми его махинациями. Обещала, что будет свободен от всего этого. И солгала.

Не то чтобы я не хочу видеть Оука Верховным Королем. Хочу. И он им станет. Но есть только один способ сохранить трон к его возвращению, когда он научится всему, что должен знать, а именно — посадить на трон кого-то еще. Семь лет — и Кардан сможет его оставить, отречься в пользу Оука и жить так, как он хочет. А до тех пор ему придется греть трон моего брата.

Лорд Ройбен опускается на одно колено, как и обещал.

— Мой король, — произносит он. Интересно, чего будет стоить его обещание. Он помог короновать Кардана, но неизвестно, чего попросит.

А потом все в зале, начиная с королевы Аннет, королевы Орлаг и лорда Северина, принимаются радостно кричать. На другом конце зала Тарин потрясенно таращится на меня. Наверное, считает меня сумасшедшей: ведь я посадила на трон Кардана, которого презирала. У меня нет возможности объясниться с ней. Вместе со всеми опускаюсь на колени, и Тарин тоже.

Все мои обещания выполнены.

Кардан долго глядит на присутствующих, но выбора у него нет, и он это знает.

— Встаньте, — произносит он, и мы повинуемся.

Я делаю шаг назад и растворяюсь в толпе.

Кардан всю жизнь был принцем Волшебной страны. О чем бы он ни мечтал, он знает, чего от него ждут. Он умеет очаровывать толпу, веселить ее. Кардан тут же приказывает убрать битую посуду, принести новые стаканы и налить вина. Он произносит тост, от которого хохочут все лорды и дамы — «за сюрпризы и за преимущества появления на коронации в стельку пьяным». Я замечаю, что костяшки пальцев на руке, которой он держит кубок с вином, побелели от напряжения, но, кажется, на это обратила внимание только я.

Все же я удивлена, когда он поворачивается и находит меня горящим взглядом. Кажется, что во всем зале нас только двое. Он снова поднимает кубок и кривит губы в подобие улыбки.

— И за Джуд, сделавшую мне сегодня подарок. За который я намерен ее отблагодарить.

Вокруг меня поднимают бокалы, а я надеюсь, что вздрогнула не слишком заметно. Звон хрусталя. Снова льется вино. Опять звучит смех.

Бомба толкает меня локтем в бок.

— Мы вошли сюда, назвав твое кодовое имя, — шепчет она. Я даже не видела, как она прошла сквозь запертые двери.

— Какое? — чувствую себя как никогда уставшей, и в ближайшие семь лет мне вряд ли удастся по-настоящему отдохнуть.

Жду, что сейчас она скажет: «Лгунья». Она загадочно улыбается.

— Как какое? «Королева».

Оказывается, я до сих пор не знаю, как смеяться.

ЭПИЛОГ

Я стою с тележкой посреди «Таргета», пока Оук с Виви выбирают комплекты постельного белья, коробки с завтраками, джинсы и сандалии. Оук оглядывается вокруг в некотором замешательстве, но не без удовольствия. Берет с полок товары, рассматривает их и кладет на место. В ряду с конфетами он выбирает и приносит в тележку плитки шоколада, железные бобы, леденцы и пакетики с засахаренным имбирем. Виви его не останавливает, я тоже.

Странно видеть Оука без его рожек, которые по волшебству сделались невидимыми, с круглыми ушками, как у меня. Странно наблюдать за ним в отделе с игрушками, когда он, с рюкзаком в форме совы через плечо, пытается забраться на самокат.

Я знала: нелегко будет уговорить Ориану отпустить его с Виви, но после коронации Кардана она согласилась, что Оуку лучше побыть вдали от Двора несколько лет. Балекин заключен в башню. Мадок очнулся вне себя от ярости — только для того, чтобы обнаружить, что момент для захвата власти упущен.

— Значит, он и правда твой брат? — спрашивает Хизер, пока Оук, отталкиваясь ногой, катит через отдел с поздравительными открытками. — Если сын, то могла бы мне и признаться.

Виви от удовольствия хохочет.

— У меня свои секреты, но это не один из них.

Хизер не испугалась, когда появилась Виви с ребенком и принялась путано объяснять, почему они должны пожить у нее, и, конечно же, пустила их. Диван у Хизер раскладывается в кровать, и они согласились, что могут спать на нем, пока Виви не подыщет работу и они смогут снять жилище попросторнее.

Знаю, что Виви не намерена устраиваться на обычную работу, но у нее все будет нормально. И даже лучше. В другом мире, учитывая наше прошлое и то, кем были наши родители, я собиралась убеждать Виви сказать Хизер всю правду. Но теперь, если она считает, что ее лучше утаить, я не в том положении, чтобы спорить.

Мы становимся в очередь в кассу. Виви расплачивается за покупки листьями, заколдованными так, что они выглядят как купюры, а я думаю о банкете, превратившемся в коронацию. Перед глазами встает зал с пирующими фейри. Все восхищаются Оуком, который выглядит и

довольным, и немного испуганным. Ориана явно не поймет, благодарить меня или дать оплеуху. Спокойная, внимательная

Тарин крепко держится за руку Локка. Никасия страстно целует Кардана в королевскую щеку.

Дело я сделала и теперь должна с этим жить.

Я лгала, предавала и достигла триумфа. Хотя бы кто поздравил меня.

Хизер вздыхает и мечтательно улыбается Виви, когда мы грузим покупки в багажник ее «Приуса». По возвращении в квартиру Хизер достает из холодильника несколько кусков готового теста для пиццы и объясняет, как приготовить пироги каждому на его вкус.

— Мама ко мне приедет, правда? — спрашивает Оук, укладывая кусочки шоколада и зефира на свой кусок теста.

Я пожимаю его руку, пока Хизер ставит пироги в духовку.

— Конечно, приедет. Считай, что ты здесь с Виви на учебе. Научишься тому, что тебе следует знать, и вернешься домой.

— Как я узнаю, что всему научился, если сейчас ничего не знаю? — спрашивает он.

Вопрос звучит как головоломка.

— Вернешься, когда возвращение станет для тебя нелегким выбором, — наконец отвечаю я. Виви наблюдает за нами и прислушивается к моим словам. У нее задумчивое лицо.

Беру ломтик пирога у Оука, пробую его и слизываю шоколад с пальцев. Он до того сладкий, что я морщусь, но это ничего. Просто мне хочется посидеть с ними еще немного, прежде чем в одиночестве возвращаться назад, в Волшебную страну.

Спешиваюсь со своего скакуна и направляюсь во дворец. Там у меня теперь есть покои: большая гостиная, спальня за двойными, запирающимися на замок дверьми, гардеробная с пустыми шкафами. Мне нечего в них повесить, кроме немногих вещей, взятых из дома Мадока и выбранных в «Таргете».

Буду жить здесь — поближе к Кардану, использовать свое влияние на него, чтобы дела шли гладко. А под замком станет возрождаться Двор теней, разведывательная и охранная служба Верховного Короля.

Они получают свое золото — прямо из его рук.

Чего я пока что не сделала, так это не поговорила с Карданом. Покинула его, отдав короткие распоряжения, а он смотрел со знакомой неприязнью в глазах, достаточно сильной, чтобы почувствовать беспокойство. Но я с ним обязательно переговорю. Мне невыгодно и

дальше оттягивать нашу встречу.

И все же к королевским палатам я подхожу с тяжелым сердцем, а ноги будто свинцом налиты. Стучусь, и чопорный камердинер с вплетенными в светлые волосы цветами извещает меня, что Верховный Король пошел в большой зал.

Нахожу его там, развалившегося на престоле Волшебной страны, смотрящего на меня с тронного возвышения. В зале никого, кроме нас двоих. Иду через огромное помещение, и звук шагов эхом отражается от стен.

Кардан одет в бриджи и жилет, сверху сюртук, подогнанный по плечам, резко сужающийся в талии и достигающий примерно до середины бедра. Одежды пошиты из неразрезанного бархата насыщенного бордового цвета; на лацканах и плечах отделка из бархата цвета слоновой кости, жилет выполнен из того же материала. Весь наряд покрыт золотым шитьем, высокие сапоги украшены золотыми пуговицами и пряжками. Вокруг шеи брыжи из светлых совиных перьев.

Черные волосы обрамляют лицо Верховного Короля роскошными кудрями. Игра теней помогает заметить его худобу, длинные ресницы, безжалостную красоту лица.

Я поражаюсь тому, насколько сильно он похож на настоящего короля Волшебной страны.

И пугаюсь, потому что мне невольно хочется преклонить колени; я мечтаю лишь о том, чтобы он коснулся моей головы своей униженной кольцами рукой.

Что же я наделала? Долгое время он оставался тем, кому я доверяла гораздо меньше других. А теперь должна с ним возиться, согласовывать его желания с моими. И вряд ли клятва послужит надежным противоядием от его сообразительности.

Что же, во имя всего святого, я натворила?

Между тем продолжаю шагать к трону. Стараюсь сохранить холодное, как лед, выражение лица. Он улыбается, но улыбка невероятно надменная и застывшая.

— Год и один день, — напоминает он. — И моргнуть не успеешь, как пройдет. И что ты будешь делать потом?

Я подхожу поближе.

— Рассчитываю уговорить тебя остаться королем, пока Оук не будет готов вернуться.

— Может, я войду во вкус и стану править, — вызывающе говорит он. — Может, я вообще никогда не отрекусь.

— Я так не думаю, — отвечаю я, хотя всегда знала, что такая вероятность существует. Возможно, убрать его с престола будет труднее, чем посадить на него.

У меня с ним договор на год и один день. Один год и один день для того, чтобы заключить сделку на более длительный срок.

«И ни минутой дольше».

Он широко ухмыляется, скаля зубы.

— Не думаю, что стану хорошим королем. Никогда этого не хотел. Ты сделала из меня марионетку. Прекрасно, Джуд, дочь Мадока, я буду твоей марионеткой. А ты правь. Разбирайся с Балекином, с Ройбеном, с Орлаг — владычицей подводной. Ты будешь моим сенешалем, то есть станешь делать всю работу, а я буду пить вино и заставлять подданных смеяться. Может, в качестве прикрытия для твоего брата я и бесполезен, но не жди от меня, что я попробую стать полезным.

Я ожидала чего-то другого, возможно, прямой угрозы. Почему-то мне кажется, что это еще хуже.

Кардан поднимается с трона.

— Иди занимай место.

Голос его исполнен угрозы, от него прямо исходит опасность. Цветущие ветви так густо выпустили шипы, что лепестков почти не видно.

— Ты этого хотела, не так ли? — спрашивает он. — Ради этого всем пожертвовала? Ну, давай. Все это твое.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю моих друзей-писателей, которые помогли с замыслом, сюжетом, написанием и изданием этой книги. Благодарю вас, Сара Рис Бреннан, Ли Бардуго, Келли Линк, Кассандра Клэр, Морин Джонсон, Робин Вассерман, Стив Берман, Гвенда Бонд, Кристофер Роуи, Элайя Дон Джонсон, Паоло Басигалупи, Эллен Кушнер, Делия Шерман, Гейвин Грант, Джошуа Льюис, Кэрри Райан и Кэтлин Дженнингс (которая по ходу работы рисовала красивые картинки и заодно стала моим лучшим критиком).

Также благодарю всех в ICFA, кто дал отзывы после прочтения вслух первых трех глав.

Благодарю всех в Little Brown Books for Young Readers, кто поддержал мое необычное видение. Отдельное спасибо моим замечательным редакторам: Алвине Кинг, Керин Каллендер, Лизе Мораледа и Виктории Степлтон.

И благодарю Барри Гоулдблатта и Джоану Волп за сопровождение книги на путях мытарств и скорбей.

Больше всех благодарю моего мужа Тео за долгие обсуждения этой книги со мной в течение многих лет и нашего сына, Себастиана, который отвлекал меня от писательского труда и отдавал мне все свое сердце.